

Архивы Антенарва

Андрей Васильченко

Зондеркоманда X

Колдовской проект Гиммлера

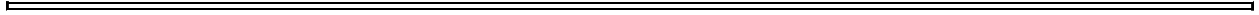

Annotation

Через два года после окончания Второй мировой войны германские газеты написали о находке собрания из 140 тысяч книг и документов, принадлежащего СС. Материалы, обнаруженные в полуразрушенном замке графа Хаугвитца, были лишь остатками архива «Зондеркоманды Х». Считается, что это подразделение исследовало старинные способы истязаний, чтобы использовать их на практике. На самом деле, «Зондеркоманда Х» действительно изучала материалы процессов над ведьмами. Но только теперь стало известно, зачем...

- [Андрей Васильченко](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 - [Глава 1. Фундамент в «народническом» стиле](#)
 - [Глава 2. Ариософская эзотерика](#)
 - [Глава 3. Нордические теоретики и нордический феминизм](#)
 - [Глава 4. «Колдовская проблема» и официальный национал-социализм](#)
 - [Глава 5. Идеологические предпосылки появления «Зондеркоманды Х»](#)
 - [Глава 6. «Особый проект Х» между наукой и политикой](#)
 - [Глава 7. Как работала «Зондеркоманда Х»?](#)
 - [Глава 8. «Колдовская картотека»](#)
 - [Глава 9. Конфликт с «Наследием предков»](#)
 - [Глава 10. Хёфлер против Куммера](#)
 - [Глава 11. Колдовские отголоски в контексте «борьбы компетенций»](#)
 - [Глава 12. Единовластие «Зондеркоманды Х»](#)
 - [Вместо послесловия. Послевоенный «ренессанс»](#)
 - [Библиография](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)

Андрей Васильченко
Зондеркоманда Х. Колдовской проект
Гиммлера

* * *

Предисловие

Два года спустя после окончания Второй мировой войны германские газеты опубликовали небольшой материал, на который поначалу никто не обратил внимания. 4 февраля 1947 года в берлинском «Телеграфе» оставшийся неизвестным библиотекарь из Познаньского университета сообщал об эсэсовском собрании из 140 тысяч книг и документов, эвакуацией которого он руководил в марте 1945 года. То, что нашел архивариус в полуразрушенном замке графа Хаугвитца, было остатками документации созданной в 1935 году «Зондеркоманды Х»^[1], которая занималась изучением средневековых процессов по делам осужденных ведьм. Документы процессов над колдуньями охватывали период между XI и XVIII веками. Найдя в книгах пометки, сделанные эсэсовцами там, где были описаны методы дознания и пыток, польский исследователь сделал ошибочный вывод. Он полагал, что это подразделение должно было исследовать применяемые в прошлом способы истязаний, чтобы использовать их на практике. Но это предположение было неправильным. Действительно, летом 1943 года РСХА, Главное управление имперской безопасности СС, конфисковало замок графа Хаугвитца, построенный в стиле барокко. Здесь от воздушных налетов должна было укрыться одна из структур 7-го управления РСХА, занимавшегося мировоззренческими исследованиями. Эта структура носила название «Зондеркоманды Х» или «особого проекта Х». «Зондеркоманда Х» активно занималась изучением процессов над ведьмами. Но совсем с другой целью, нежели это предполагал польский библиотекарь.

Гиммлер всегда проявлял интерес к ведовству и всему, что было с этим связано. Об этом свидетельствует хотя бы один пример. 23 мая 1939 года Рейнхард Гейдрих, шеф службы безопасности СС, направил одному из своих подчиненных, доктору Шпенглеру, секретную директиву. В ней предписывалось отыскать в родословной рейхсфюрера СС ведьм или колдуний. Приказ был почти тут же выполнен. СД обнаружило в архивных документах упоминания о некой 48-летней вдове Маргарет Гимблер из Маркайсхайма, которая как ведьма была сожжена 4 апреля 1629 года. Реакция Гиммлера на это сообщение осталась неизвестной. Скорее всего, он был доволен этим результатом, так как в его семье существовала легенда о прародительнице, сожженной на костре. Впрочем, этого единичного случая явно было недостаточно для объяснения кропотливого изучения

эсэсовцами истории «колдовских процессов», проходивших не только в Германии, но и по всей Европе.

Deutschland

ZEITGESCHICHTE

Wo die Raben kreisen

Heinrich Himmlers Obsession war die Hexenforschung. Eine neue Studie rekonstruiert die Geschichte der „Hexenkartothek“ des Reichsführers SS.

Im Barockschloss der Grafen Haugwitz beim niederschlesischen Glogau fand sich im März 1945 die Hinterlassenschaft eines skurrilen Projekts der SS. Das Anwesen barg rund 140.000 Bücher und Aktenstücke, darunter zum Teil halb verkohlte Werke, die sich mit der Geschichte der Strafverfolgung seit dem 13. Jahrhundert beschäftigten.

Ein Bibliothekar der Universität Posen, der auf die seltsame Sammlung gestoßen war, fand darin jede Menge „angekreuzte Stellen, wo die verschiedenen Foltermethoden beschrieben sind“. Er wunderte sich und vermutete, die SS habe „Methoden der Qualerei“ zusammengetragen – zum Zweck der Anwendung.

Tatsächlich war der Mann auf die Überreste einer obskuren Obsession Heinrich Himmlers gestoßen: auf den „Hexen-Sonderauftrag des Reichsführers SS“.

Ab 1935 rekonstruierten Regionalhistoriker um den Tübinger Landeskundler Sonke Lorenz, hatten hausgemachte SS-Forscher im Dienste des geheimnisträuerischen als „H-Sonderauftrag“ abgekürzten Projekts hunderte von Archiven und Bibliotheken auf der Suche nach Spuren sämtlicher Hexenprozesse seit dem Mittelalter durchkämmte**.

Auf 33.846 großformatigen Karteibögen („Hexen-Blätter“) dokumentierten sie Fälle von Hexenverfolgung und -verbrennung aus ganz Deutschland – und bis hin nach Indien und Mexiko – in einer ebenso riesigen wie seltsamen „Hexenkartothek“.

Einen Grund für das Faible des SS-Chefs vermuten die Forscher in einer Familiensage der Himmlers: Ein Vetter namens Wilhelm August Patin, SS-Untersturmführer und ehemals Kanonikus am Münchner Kollegiatstift St. Kajetan, verbreitete gern, eine Urahnin Heinrich Himmlers namens Passaqua sei einst als Hexe verbrannt worden. Offenbar trieb nicht zuletzt diese Vorstellung den Reichsführer um.

Dessen Phantasie war leicht zu erregen: Als Hermann Göring einmal beiläufig erwähnte, „dass er bemerkt habe, dass an früheren Hinrichtungsplätzen heute noch die Raben in besonderem Maße kreisen oder sich dort niederlassen“, verfügte

Himmler sogleich, solche Orte nach Kriegsende „interdisziplinär“ zu erforschen.

Ein Gebäckmodell in Hirsch-Form, Himmler von der „Reichsfrauenführerin“ Gertrud Scholtz-Klink verehrt, verhalf – nach beiführendem Gutachten des beauftragten Forschungsausschusses unter Schirmherrschaft des Reichsjägermeisters Göring – einem Professor der SS-Forschungsgemeinschaft „Ahnenerbe e. V.“ zu einem öffentlich geförderten Auftrag zur „Sinnbild-Forschung“ über „das Hirsch-Motiv“.

Himmler sah in der Hexenverfolgung eine Art frühneuzeitlichen Holocaust an

der germanischen Rasse – betrieben und begangen durch die katholische Kirche. Der Hexenwahn, wurde er nicht müde zu wiederholen, habe „das deutsche Volk hunderttausende von Müttern und Frauen deutschen Blutes durch grausame Verfolgung und Hinrichtung gekostet“.

Zugleich, so mutmaßten die Forscher, erhoffte sich Himmler, in den alten Akten „auf die Reste jener heidnischen altgermanischen Volkskultur zu stoßen, von der man annahm, dass sie mit den Hexen ausgerottet werden sollte“. Damit war seine Obsession weltanschaulich legitimiert.

Den SS-Wissenschaftlern des Amtes VII („Weltanschauliche Forschung und Auswertung“) in Himmlers Machtzentrale, dem Reichssicherheitshauptamt, die sich auch mit Kirchen, Freimaurern, Liberalen, Emigranten und Marxisten

Hexenverbrennung: „Reste altgermanischer Volkskultur“

* Gemälde eines unbekannten Malers (um 1600).

** Sonke Lorenz, Dieter R. Bauer, Wolfgang Behringer, Jürgen Michael Schmidt (Hrsg.): „Himmlers Hexenkartothek. Das Interesse des Nationalsozialismus an der Hexenverfolgung“. Verlag für Regionalgeschichte, Bielefeld, 1996; 248 Seiten; 28 Mark.

42

DOI: 10.26907/2542-0000

Статья из журнала «Шпигель», посвященная «Зондеркоманде Х»

До сих пор ведутся дискуссии, зачем рейхсфюрер затеял такой дорогостоящий исследовательский проект, как изучение процессов над ведьмами. На протяжении долгого времени историки не могли указать

ясную причину, что подтолкнуло его к такому шагу. К деятельности «Зондеркоманды Х» в период 50–80-х годов почти не проявлялось никакого внимания. Единственное небольшое упоминание о ней можно было найти в работе германского историка Иохима Феста «Лики Третьего рейха». Причина, по которой «особый проект Х» долгое время пребывал вне зоны интересов историков, крылась в том, что большая часть документов по этому вопросу находилась в польских архивах. Западногерманские исследователи не имели к ним доступа, а историки, приверженные принципам исторического материализма, полагали недостойным заниматься изучением «мракобесия». Прорыв произошел в 1987 году, когда немецкая исследовательница Эрика Висселинк издала книгу «Ведьмы: почему мы так мало знаем о них из истории и что из этих знаний является фальшивкой». В ней она впервые на достойном уровне затронула проблему деятельности «Зондеркоманды Х». После этого проблемы восприятия ведьм в Третьем рейхе стали объектом изысканий научного коллектива, который в 2000 году опубликовал сборник, называвшийся «Колдовская картотека Гиммлера». Казалось, что сказать что-то новое по этой теме уже было нельзя. Однако в 2004 году в рамках исследования национал-социализма как «политической религии» германский исследователь Франц Вегенер издал работу «Кельты, ведьмы, холокост: человеческие жертвоприношения в Германии». Нельзя не упомянуть, что важной вехой в изучении «проекта Х» стал 2007 год, когда появилась фундаментальная работа (впечатляли хотя бы ее объемы) Феликса Видемана «Мать расы и мученица: образ ведьмы в романтизме, фёлькише движении, неоязычестве и феминизме». В ней было дано убедительное обоснование версии, что возникновение «Зондеркоманды Х» было логичным итогом длительного исторического процесса, а не «причудой» Генриха Гиммлера. В 2009 году на свет появились две обзорные работы. Одну из них написала польская историк Катажина Лещинская («Ведьмы и германцы: интерес национал-социализма к преследованию ведьм»), а вторую – начинающая немецкая исследовательница Штефания Лайзентритт («“Уничтожение мудрых женщин” – реальность или ошибочная трактовка?»). Использование всех исследований позволяет ответить на вопрос: зачем Генриху Гиммлеру потребовалась «Зондеркоманда Х»?

Глава 1. Фундамент в «народническом» стиле

С некоторыми оговорками движение фёлькише, что на русский может быть переведено как «национальное народничество», можно характеризовать как идеологического предшественника германского национал-социализма. В рамках данной книги нас в первую очередь будут интересовать не все мировоззренческие компоненты фёлькише-идеологии, а то, что представители движения фёлькише активно интересовались «ведовской проблемой» и историческими вопросами, связанными с преследованием ведм. Этот интерес к отдельно взятому, небольшому историческому сюжету постепенно развился в самостоятельное идеологическое направление. Однако обвинения в адрес католиков, преследовавших в свое время ведм, не являлись изолированным сюжетом. Они были составной частью аргументов, при помощи которых представители фёлькише намеревались дать собственное «национальное истолкование германской истории». Большинство попыток дать положительный образ германской ведмы предпринимались представителями радикального, но не самого многочисленного крыла движения фёлькише. Интерес к данной теме был вызван в первую очередь тем, что эти деятели намеревались заменить христианство древнегерманскими религиозными культами. Подобные попытки должны были ослабить позиции умеренного крыла фёлькише движения, в котором германскую самобытность воспринимали только в контексте христианской истории.

Само понятие «фёлькише» нередко употребляется как обозначение всего спектра антилиберальных немецких националистов первой трети XX века. При этом под фёлькише нередко подразумевались течения, которые нередко отличились от сугубо фёлькише движения в узком понимании этого слова. Однако с началом XX века слово «фёлькише» стало применяться едва ли не ко всем представителям националистических и ультраправых организаций. В силу того что слово «фёлькише» стало характеристикой для обширного и весьма разнородного спектра германской политики, установить четкие границы этого расплывчатого явления фактически не представляется возможным. Эта проблема осознавалась самими немецкими националистами, которые нередко задавались

вопросом: а что, собственно, надо было подразумевать под фёлькише движением?

Сразу же надо оговориться, что во второй половине XIX века прилагательное «фёлькише» не имело столь однозначного политически ангажированного звучания. Оно проникло в националистические и антисемитские круги только после того, как в 1873 году германист и литературный пурист Герман фон Пфистер-Швайгхузен (1836–1916), считающийся одним из родоначальников фёлькише движения, предложил найти замену для латинского слова «национальный». Речь шла не просто о кальке с этого слова, голом переводе на немецкий, а введение в оборот (в том числе международный) слова, которое бы имело вполне определенное значение и ассоциировалось исключительно с немецким народом. Поскольку любые пространственные замены, которые на другие языки мира должны были переводиться с немецкого исключительно как «национальный», оказались неприемлемыми, то было решено остановиться на слове «фёлькише».

Специфика слова «фёлькише», являвшегося производным от «фольк» (народ), может быть понятна только в контексте истории немецкого национализма. Вместо того чтобы обосновывать существование нации на принципах общего волеизъявления, что было весьма характерно для французов, в Германии предпочли понятие «нация» увязать с понятием «народ». Уже на примере Якоба Гримма можно заметить, что «народ» в романтико-националистической мифологии XIX века представал как некое метафизическое явление, которое претендовало на статус самостоятельного исторического субъекта. Принадлежность к немецкому народу определялась не политическими и территориальными связями или некими субъективными «общими ощущениями», а вполне конкретными этническими критериями: языком, культурой, представлением о кровной общности. Только эти связи воспринимались в Германии как естественные, а потому неизменные факторы. Поскольку «народ» трактовался как выходящая за рамки государственности историческая категория, то отношение фёлькише национализма к существовавшим государствам и формам правления всегда было мягко говоря, специфическим. Фёлькише настаивали на объединении всех частей немецкого народа, который выходил за рамки одного государства. Как результат, германские националисты вначале отказывали в праве на существование габсбургской монархии (Австро-Венгерская империя), а затем и сменившим ее на карте Европы государствам. «Народный» компонент в немецком национализме был настолько силен, что в итоге немцам надо было, с одной стороны,

ограничиться от всяческих «инородных влияний», а с другой стороны — в принадлежности к немецкому народу отказывалось различным людям, которые «не подходили» по сугубо этническим критериям.

Deutschlands Erneuerung

Monatsschrift für das deutsche Volk

Inhalt:

Sinn und Bedeutung des deutschen Zusammenbruchs	Prof. Dr. G. v. Below
Helgoland und der Zanzibarvertrag	Rud von Strantz
Des Vaterlandes Not	Prof. Dr. Dietrich Schäfer
Glück und Unglück in der Weltgeschichte	General d. Inf. Dr. h. c. Frhr. v. Freytag-Loringhoven
Slawentum und Judentum	Alfred Piech, Innsbruck
Der Widerspruch der neuzeitlichen Entwicklung (Schluß)	Dr. Franz Haifer
Die deutsche Unsal	Richard von Schaukal
Die Sands und die Kokebues (Fortsetzung)	Franz Kalbel
Politische Betrachtungen (Schwindel)	Prof. Dr. H. Freih. v. Liebig
Bücherschau	

J. F. Lehmanns Verlag » München

Preis: Vierteljährlich M. 5.- Einzelheft M. 1.80

«Немецкое обновление», один из немецких фёлькише журналов

С началом XX века немецкие правые активисты и фёлькише движение в целом продолжили традиции, заложенные столетием раньше. В первую очередь это касалось понятия «народа», которое постепенно стало комбинироваться с вариациями расизма. Это привело к тому, что постепенно стали стираться границы между понятиями «народ», «нация» и «раса». Если поначалу слово «фёлькише» использовалось в качестве синонима «национальный», то затем оно стало отличительным признаком расового национализма, так как в XX веке расизм стал одним из центральных компонентов мировоззрения фёлькише. При этом идеология расизма превращалась в главный организующий принцип, который базировался на естественных, природных началах. Это относилось не только к фёлькише националистам, но и к классическим правым и консерваторам. «Природа» в фёлькише идеологии главным образом являлась метафорой для обозначения неискаженного, естественного порядка вещей. Поскольку «раса» была составной частью «природы», то некое расовое смешение воспринималось фёлькише в первую очередь как грубое нарушение естественного порядка. Для того чтобы обосновать этот тезис, авторы из фёлькише движения могли прибегать к различным расовым построениям, которые имелись как в гуманитарной, так и естественно-научной литературе того времени. Ставку они предпочитали делать главным образом на так называемый «научный расизм», то есть расово-антропологическую литературу, а также исследования, посвященные так называемой «расовой гигиене». В итоге проповедники «расовой гигиены» оказались во многих случаях тесно связанными с фёлькише движением. В этом симбиозе родились две гипотезы, которые стали идеологическими аксиомами для фёлькише. Во-первых, это была вера в исключительность собственной «германской расы». Во-вторых, это было предположение о существовании угрозы «высшей расе», которая могла утратить свою «исключительную» ценность в случае расового смешения, то есть утраты собственных расовых отличительных черт. В этих концепциях нередко использовались элементы евгеники, то есть «научной» утопии о возможностях расовой селекции человека. Кроме этого наличие «здорового» народного или расового организма провозглашалось важнейшей предпосылкой для осуществления «биополитики в области народонаселения».

Однако в фёлькише идеологии «раса» ни в коем случае не являлась совокупностью зафиксированных антропологических и генетических

признаков, то есть сугубо биологическим понятием. Она была возвышена до уровня идеальной духовной, почти мифической категории. Подобные представления были присущи периоду возникновения «учения о расах», когда теоретики расизма не ограничивались классификацией и интерпретацией внешних расовых признаков. В основу ими были положены гуманитарные спекуляции о сути, происхождения и развитии таких явлений, как язык, культура, народ. В соответствии с фёлькише расизмом они определялись внутренними качествами рас, которые передавались по наследству, только после этого находя свое внешнее выражение. Только при помощи подобной смеси естественно-научных и гуманитарных теорий расизм смог превратиться во всеобъемлющее мировоззрение, которое было в состоянии на собственный манер трактовать социальные явления и исторические события. Традиционно присущие немецкому национализму романтизм и идеалистическая философия со временем трансформировались в метафизическую или духовную «расовую концепцию», что стало отличительной чертой немецкого фёлькише движения. То есть фёлькише комбинировали «идеализм» с внешне фиксируемыми расовыми признаками. По этой причине в начале XX века смесь расизма и убеждений о превалировании в человеке «души» или «духа» привели к возникновению специфической эзотерики. Сразу же надо оговориться, что оккультно-расовые теории, которые говорили о скрытых, таинственных «расовых возможностях», всегда являлись центральным компонентом эзотерического мировоззрения и мировосприятия.

При этом внутренняя конструкция «метафизического» расизма была связана в первую очередь с антисемитизмом. В данном случае акцент делался именно на неявности внешних антропологических признаков, то есть учитывались мнимые духовные качества еврейского народа. Антисемитизм был не просто составной частью фёлькише идеологии, но выступал как формообразующий фактор для фёлькише движения. Это становится очевидным, если принимать в расчет, что некоторые из активистов фёлькише движения были выходцами из так называемого «партийного антисемитизма», который как организованная сила дал знать о себе в Германии в 80-е годы XIX века. Фёлькише в целом отвергали все, что было связано с еврейским народом, – это было общей отличительной чертой всего немецкого националистического движения. Однако причины, по которым в движении придерживались подобных установок, были различными. И здесь между отдельными направлениями фёлькише движения можно было обнаружить значительные различия. Кто-то

предпочитал придавать антисемитизму религиозную окраску, некоторые фёлькише исходили из социальных установок, наиболее радикальные представители выбирали расовую «аргументацию». Хотя бы по этой причине уже во времена кайзеровской империи фёлькише движение по своему значению было фактически приравнено к антисемитизму. Однако многие из идеологов фёлькише движения либо осознавали, либо подспудно чувствовали, что подобные ассоциации в значительной мере урезали их мировоззрение. Хотя бы поэтому они полагали, что идентифицировать фёлькише исключительно как антисемитизм было недопустимым. В ответ на это они намеревались предложить целую программу преобразования немецкого общества. Главная идея состояла в том, чтобы негативно окрашенному слову «антисемитизм» было противопоставлено положительно звучащее слово «фёлькише».

В этом стремлении сформулировать положительные цели и «реформаторские» предложения фёлькише обнаруживали черты экспериментально-поискового движения. В нем возникало множество сообществ и организаций, которые действовали параллельно с традиционными политическими силами Германии. Уже в силу этого очень сложно обозначить четкие границы фёлькише движения. Так, например, фёлькише оказались тесно связанными с молодежными организациями и с движением «всеобщего преобразования жизни» («жизненных реформ»). Это сотрудничество осуществлялось прежде всего на страницах журналов и в издательской деятельности в целом. Если говорить о конкретных примерах, то контакты фёлькише с указанными выше организациями могли происходить, например, в рамках краеведческого движения или движения по охране природы. Охрана природы была наиболее показательным примером, так как под этим понятием подразумевались романтические устремления, которые во многом базировались на мифологических представлениях о связи племен и ландшафтов, народа и окружающей среды. Позже эта идеология нашла свое радикальное воплощение в тезисе о «крови и почве», который был заимствован национал-социалистами именно из среды фёлькише.

Фёлькише и движение «всеобщего преобразования жизни» также роднило то обстоятельство, что и там, и там придерживались теорий о вырождении общества, а также идей о том, что отчуждение человека было вызвано «проклятием цивилизации». В обоих случаях поиск выхода из «цивилизационного тупика» был связан с призывами к «возвращению к корням» и «исконной духовности». По этой причине многие работы фёлькише теоретиков вращались вокруг характерных для немцев черт,

которые якобы когда-то были утрачены, но их надо было вернуть (либо пробудить), чтобы использовать в качестве силы, способной обновить немецкое общество. Конечно же, эти черты должны были быть присущи всему немецкому народу, германцам. В данном случае немцам предстояло обратиться в свое национальное прошлое, чтобы стать тем, кем они являлись по праву рождения, то есть «истинными германцами». В этом крылся один из принципиальных парадоксов фёлькише движения. Для преобразования общества в настоящем во имя будущего надо было самым радикальным образом обратиться в прошлое. Кроме этого надо было изжить уже имеющиеся признаки «современного народа», чтобы обрести черты, которые по большому счету являлись продуктом умозрительных построений.

Фёлькише движение не испытывало недостатка в моделях германской или немецкой сущности, которые должны были служить примерами для подражания, некими образцами того, как надо было вести себя в «современной» жизни. В данном случае принципиальным моментом являлся вопрос о германской религиозности как составной части «истинной» народной жизни. В итоге уже в начале XX века фёлькише оказались связанными с многочисленными религиозными проектами, которые были призваны «возродить» духовную жизнь Германии. Тем не менее это не привело к отказу от расовой парадигмы, так как фёлькише сосредоточили свое внимание на пропаганде специфических расовых культов. Опираясь на метафизическое единство души и тела, внутренних и внешних качеств немца, провозглашалось, что раса и религия должны были соответствовать друг другу. В данном случае отвечающая «природе» немцев религия должна была являться духовным выражением принципиально неизменяемых расовых качеств германцев, то есть соответствовать «естественному порядку вещей». Классическое христианство с его универсальностью для этого никак не подходило, так как его выход за «расовые рамки» якобы нарушил «естественный уклад», что неизменно приводило к внутренней двойственности немцев, и как отдельного взятого человека, и как народа. Хотя бы в силу этих причин многие из фёлькише настаивали на восстановлении «изначальной» религии, которая должна была стать предпосылкой для национального возрождения всех немцев (подразумевались в первую очередь расовые качества).

«Вальпургиев поезд» 1932 года

Имея фактически одинаковые идеологические установки различные направления в фёлькише движении, тем не менее, создали разные религиозные модели, которые в некоторых случаях существенно отличались друг от друга. Единство соблюдалось только в признании необходимости преодоления конфессионального разделения Германии (католики и лютеране), а также национализации (германизации) религии, которая должна была «возродить народ». Кроме этого почти все фёлькише отличались радикальным антиклерикализмом и антипапизмом, так как полагали, что влияние Рима и католической церкви было существенным препятствием на пути внутреннего единения немцев и страны. Антипапизм, вне всякого сомнения, во многом объяснялся протестантским происхождением многих активистов фёлькише движения. Однако даже те из фёлькише, кто, несмотря на всю критику в адрес существующих церквей продолжали принципиально придерживаться христианства, настаивали на том, чтобы оно было «германизировано», то есть по возможности должно было отказаться от своего ближневосточного происхождения и перестать восприниматься в Германии как иудео-христианство. Германское христианство, поборниками идей которого в первую очередь являлись немецкие священники и теологи, без проблем могло интегрировать в себя традиции религиозного антисемитизма. С одной стороны, иудаизм в его современной форме воспринимался как искаженная и устаревшая религия. С другой стороны – в Германии среди фёлькише курсировали идеи, в свое время заложенные мистиком раннего христианства Маркионом. Согласно

им, «истинное» Евангелие не имело ничего общего с «еврейским» Ветхим Заветом, а христианский Бог не имел ничего общего с «божеством иудеев».

Если одни фёлькише группировки активно пропагандировали полный разрыв христианства с еврейской традицией, то другие пошли еще дальше. Исходя из антисемитских установок, некоторые из радикалов заявляли, что необходимо было отказаться от христианства в целом, так как оно являлось «иностранной религией», навязанной германцам евреями. Выход из ситуации им виделся в возрождении язычества и традиций нордических предков. Однако эти радикалы ориентировались в первую очередь на те образы, которые были в свое время «нарисованы» немецкими романтиками, например братьями Гримм. В данном случае было бы большой ошибкой говорить о том, что фёлькише планировали восстановление действительного германского язычества, то есть дохристианского политеизма. В данном случае те, кто провозглашал себя «новыми язычниками», на самом деле ориентировались на имманентную Божественность, что было весьма характерно для немецких романтиков XIX века. Видя «одушевленность» всех вещей, они заимствовали из древних германских религий и культов только некоторые элементы пантеизма, но не более того. При планировании основополагающих преобразований фёлькише звали к древности, которая на самом деле оказалась старой германской идеологией, помноженной на идеализированный образ Скандинавии. В данном случае фёлькише не были слишком оригинальными, так как опирались на пангерманскую традицию XIX века, когда ставился знак равенства между «германским» и «нордическим». В Скандинавии с ее северной мифологией фёлькише и пангерманистам виделись следы «собственного» язычества. При этом Скандинавские страны воспринимались ими как сохранивший себя в чистоте «германский мир», а потому их традиции должны были быть использованы фёлькише для проектирования расовых утопий.

Иоганн Якоб Бахофен

Обращаясь к мнимым нордическим корням, идеологи фёлькише движения на самом деле всего лишь перефразировали на свой манер знаменитую теорию, которая находила свое выражение в знаменитой фразе «Свет идет с Востока» (Ex Oriente Lux). Только в данном случае Восток, где якобы зародилась вся человеческая культура, заменялся на Север. И опять же это не было оригинальным творением фёлькише. Лозунг «Свет идет с Севера» (Ex Septentrione Lux) получил распространение в Германии еще во времена Тридцатилетней войны, хотя использовался он в то время исключительно в отношении Швеции и ее короля. Но уже в XX веке эта фраза получила другое звучание – она относилась к неким северным германцам, которые якобы являлись создателями «истинной культуры». Вопрос о происхождении арийцев в целом и индогерманцев в частности играл очень важную роль в идеологии фёлькише движения. Поначалу в европейской науке под арийцами подразумевалась крупная языковая группа. Однако позже под ними стали подразумевать некую этническую общность. И уже затем в идеологизированных работах стали говорить об «арийской религиозности», которая должна была быть противопоставлена

восточным («семитским») культам. Многие из идеологов фёлькише испытывали немалое искушение приравнять арийцев исключительно к индогерманцам, а затем и просто к германцам. Однако подобные намерения создавали немало проблем, большая часть из которых было связана с определением места происхождения этого древнего «протонарода». Версия о возможном азиатском происхождении арийцев напрочь отметалась фёлькише. Среди националистов предпочитали говорить о Южной Швеции или вообще о территории Южной Германии, которая выступила в качестве «кузницы народов», то есть места, откуда началось так называемое «арийское завоевание мира». В некоторых случаях идеологи фёлькише использовали фантастические сюжеты, например учение о «мировом льде». Впрочем, в большинстве случаев предпочтение отдавалось мифологии. Среди немецких националистов наибольшей популярностью пользовались легенды о некогда погибшей далекой северной прародине. Впрочем, были и компиляционные версии. Так, например, мифы об острове Туле или Атлантиде могли дополняться конструкциями «теории о поллой земле». Подобные построения имели хождение среди фёлькише-эзотериков. Некоторые из них были взяты на вооружение даже национал-социалистами.

Изображение германского прошлого имело во многих случаях ярко выраженную «половую» окраску, что в свою очередь являлось результатом активного использования теорий Иоганна Бахофена. Швейцарский правовед и историк Бахофен (1815–1887) занимался главным образом исследованиями римского права и классической мифологии. В ходе этих исследований он обнаружил ссылки на случаи установления родства по материнской линии, несмотря на господство в античном мире патриархата.

Эти факты и примеры были соотнесены со сведениями, полученными после изучения некоторых современных первобытных народов. Это сопоставление заставило Бахофена заключить, что в социальном развитии человечества патриархату предшествовал матриархат. Господство женщин возникло, по его гипотезе, из еще более ранней стадии промискуитета («гетеризма»). Важными факторами этого развития были присущая женщинам религиозность и культ женского божества. Бахофен полагал, что первоначальная общественная структура была отражением религиозных взглядов. Схема эволюции общества излагалась им в 1861 году в труде «Материнское право» (*Das Mutterrecht*). Надо оговориться, что идеи Бахофена были восприняты не только фёлькише, но и марксистами. Если же говорить о фёлькише, то вне зависимости от того, как в их расовых утопиях изображались отношения полов, в любом случае воображаемое

германское прошлое являлось временем «родового и полового порядка», противопоставлявшегося современности, в которой социальные функции полов ставились под сомнение. Во многих случаях теоретики фёлькише движения выступали с позиций решительного антифеминизма. Это приводило к тому, что между организованным движением противников предоставления гражданских прав женщинам и фёлькише движением имелись многочисленные связи и переплетения. В идеологической конструкции фёлькише движения мужчины и женщины были противопоставлены друг другу, а потому они должны были выполнять совершенно разные социальные функции. Однако нередко фёлькише отходили от традиционной консервативной модели распределения роли полов в немецком обществе. Различия между полами и возложенные на них задачи пытались трактовать исключительно на «комплексной основе». Если говорить о попытках формирования новой («старой») германской религиозности, то здесь ответы на «половой вопрос» находили самые различные формы.

В целом фёлькише идеология обнаруживала дуалистический характер и базировалась на системе не всегда очевидных противоречий, которые обычно выражались симметричными парами взаимоисключающих понятий: цивилизация против культуры, город против села, христиане против язычников, семиты против арийцев. С некоторыми оговорками к этим понятийным парам можно было отнести противопоставление мужчины и женщины. Большинство из этих понятийных пар были связаны между собою (по крайней мере на уровне ассоциаций), что приводило к созданию целой понятийной сети, из которой и возникала фёлькише идеология. Этот бинарный схематизм находил свое выражение даже в наименовании неких исторических сил, которые определяли историю. Для обозначения «собственного» коллектива фёлькише использовали самые различные слова: немцы, германцы, арийцы, индогерманцы, носители нордической культуры и т. д. Однако для фёлькише движения разработка детальной системы подобных самоназваний не имела большого значения, так как почти все эти понятия воспринимались как синонимы. Куда большее значение придавалось созданию понятийной схемы, в которую были заложены определения для «антиподов» – семиты, христиане, славяне. В итоге сращивания этих двух систем понятие «ариец» оказалось через бинарную пару сведено к понятию «не-семит» или «не-еврей».

Схема противопоставления «своего» и «чужого» находила свое отражение даже на уровне географических и топографических представлений, которые в качестве коллективных представлений

(«ментальный ландшафт») имели давнишние традиции как в немецкой, так и в европейской культуре. В фёлькише идеологии «Азия», собственно, как и «Восток», воспринималась как «непригодные для жизни пустыни», полнейший антипод «Европы» и злейший враг «Севера». «Восточная пустыня» противопоставлялась «германским лесам». Такое идеологическое направление, как «фёлькише ориентализм», в котором арийское прошлое было «даровано» не только Европе, но также Персии и Индии, всегда противопоставляло эти страны «семитскому Востоку», то есть имело антисемитский подтекст. В данном случае нередко христианство относили к числу «ориенталистских», «семитских» религий, которые в свою очередь противопоставлялись «европейским религиям».

Вновь и вновь в фёлькише идеологии можно было найти отголоски гностических традиций. Подобное родство не было случайностью. В гностических традициях активно использовались не только многообразные метафоры света, но также имелись признаки самообожествления, а также мистического антисемитизма, что нередко проявлялось в форме антихристианских настроений. Подобно тому, насколько была в свое время разнообразной гностическая мистика, настолько же разнородным с идеологической точки зрения оказалось и фёлькише движение. В итоге само движение не было единым организационным строением, а всего лишь великим множеством самых различных организаций, союзов и групп, собранных под крышей одного понятия и определения. Даже современники отмечали, что фёлькише были очень разветвленной сетью, в хитросплетениях которой было дано разобраться отнюдь не каждому. Ситуация осложнялась тем, что при наличии многочисленных связей и пересечений некоторые из небольших группировок и союзов занимали враждебную по отношению друг к другу позицию. Сложность и противоречивость фёлькише движения можно было обнаружить, если обратить внимание на организационные формы относящихся к нему структур. Они были настолько разнообразными, что начинались с обыкновенных общественных объединений, проходили через эзотерические кружки и заканчивались организациями, которые по своей структуре и идеологии весьма напоминали тайные ложи или ордена. Объединение большей части фёлькише движения стало возможным лишь в 20-е годы XX века, когда все силы немецких националистов оказались устремлены на борьбу с «молодой» Веймарской республикой. Только наличие этого «общего врага» позволило многим фёлькише преодолеть до этого существовавшие в аморфном движении идеологические противоречия и личную неприязнь.

Как уже говорилось выше, между фёлькише и движением «всеобщего преобразования жизни» имелись многочисленные точки пересечения, что было predetermined критическим отношением к современности. Критика современного (тому времени) буржуазного общества строилась на принципах отношения индивидуума, природы и общества. И фёлькише, и «реформаторы жизни» подразумевали, что эти три элемента не должны были быть противопоставлены друг другу, а объединены в гармоничной взаимосвязи. Однако такого не было в действительности, так как человек, с одной стороны, оказался отчужденным от природы, а с другой стороны – не мог найти себя в механизированном обществе. По этой причине необходимо было изменить отношения личности, природы и народа (общества). Они должны были дополнять друг друга, а не быть противопоставленными. Подобные устремления имелись даже в таких на первый взгляд неполитизированных областях культуры, как театр и нудизм (в немецком варианте – «культура свободного тела»). Если говорить о театральных постановках, то они могли выступать в проектах по «преобразованию жизни» в качестве выразительного средства, которое бы пропагандировало идеи единства человеческого тела, природы и «народного сообщества».

На самом деле в начале XX века в Германии предпринимались разнообразные попытки реформирования немецкого театра. На свет появлялись «природные театры». Левое движение инициировало появление «народных театров». Суть предполагаемого реформирования определялась аспектами, которые подлежали обязательному преобразованию. В качестве таковых могли выступать: репертуар, сцена, актерское мастерство, публика т. д. В любом случае каждое из реформаторских направлений было нацелено на изменение классического буржуазного театра, который казался на рубеже веков излишне индивидуалистическим, напыщенным и искусственным, то есть неестественным. В этой связи нет ничего удивительного в том, что некоторые из реформаторов немецкого театра начала XX века исходили из того, что он должен был быть отражением гармоничного союза искусства, природы и общества (народа). В некоторых случаях подобные устремления к «универсализации» театра имели откровенно религиозный подтекст. Некоторые из постановщиков предпочитали ставить спектакли, посвященные дохристианской эпохе. Отдельные даже решались на постановку мистерий или спектаклей, которые являлись инсценировкой «германских» культовых действ. В то время Германия находилась под

несомненным влиянием Рихарда Вагнера и Фридриха Ницше, которые заложили основы «новой трагедии». Воспринявшие их программу реформаторы театра нередко переносили действие пьес в архаичные культовые места, которые должны были символизировать близость к «естественному сообществу». Подобные постановки вызвали немалый интерес у теоретиков «германских культов», что стало отправной точкой для взаимодействия некоторых театралов с фёлькише движением.

В этой связи в первую очередь надо обратить внимание на фигуру Эрнста Вахлера (1871–1945), который являлся не просто одним из реформаторов немецкого театра, но и был центральной фигурой среди «национальных литераторов», а также принадлежал к числу сторонников возрождения «германской религиозности». Его взгляды были изложены в программном произведении, которое увидело свет в 1903 году под названием «Немецкий театр будущего». Эта работа по своей сути являлась трансформированными в духе фёлькише идеями реформирования театра. При этом Вахлер использовал как многообразие идей театральных реформаторов, так и многочисленные доктрины, которые были порождены в недрах фёлькише движения. Часть идей говорила о необходимости близости театра к природе. А потому, когда Вахлер рассуждал об открытых сценах и подмостках, то он фактически озвучивал идею фёлькише о мифической взаимосвязи между народом, народной культурой и природными ландшафтами. Он предполагал, что созданные «под открытым небом народные сцены» будут обладать чертами «национального и религиозного посвящения», «выступать в качестве праздничных мест нашего народа, являться сокровищницами нашего национального наследия». Однако в данном случае имелся и ярко выраженный политический акцент, так как Вахлер предполагал превратить новую сцену в «арену борьбы за наше искусство». В данном случае при помощи сценических средств борьба должна была вестись «народом против вырождения, простотой против роскоши, природой против неестественности».

Немецкая марка с изображением фрау Холле

Особое внимание Вахлер уделял тому, чтобы сцены под открытым небом создавались поблизости от тех мест, которые уже в рамках формировавшейся с XIX века романтической мифологии считались «священными», то есть были связаны с древними германскими культами. Вахлер как один из идеологов создаваемой «германской религиозности» придавал большое значение Вальпургиевой ночи. Целям новой мифологии полностью соответствовала так называемая «танцевальная площадка ведьм» близ Тале, которая располагалась у подножия горы Броккен в Гарце. Именно здесь Вахлер намеревался осуществить свои планы по созданию «природного театра». В своем проекте Вахлер опирался на разработки художника и архитектора Германа Хендриха (1854–1931), который был одним из активистов фёлькише движения. В этом сотрудничестве был создан «Вальпургиев зал», строение в старогерманском стиле, для оформления которого Хендрих использовал мотив из «Фауста» Гёте. Сам же архитектор полагал, что «непроходимая дикая местность» Гарца с его горными ландшафтами являлась «убежищем последних германских язычников». Распространявшаяся в эзотерических кружках и фёлькише движении теория «весеннего праздника ведьм» также и у Хендриха находила трактовку исключительно через «солнечные культы древних арийцев». Он писал: «Здесь они [язычники. – А. В.], со всех сторон оберегаемые каменными стенами, могли праздновать наступление весны и приветствовать восходящее солнце, чем нагоняли ужас на поборников

христианства». В конце концов, и сам Вахлер был убежден в том, что место для танцев ведьм было связано с «древними очагами и культовыми местами», а потому «теперь надо было вновь развести ритуальные костры на этой священной земле». В итоге летом 1903 года по его инициативе в этих краях был открыт «Горный театр Гарца» – образцовые для фёлькише театральные подмости, которые десятилетия спустя послужили образцом для возведения национал-социалистических тинг-площадок. Целью «Горного театра» было «обретение немецкой народностью своей сути посреди мощной и естественной природы», что должно было найти свое выражение в «заботе о германском естестве и просветлении души немецкой нации при помощи постановок об идеальных германских личностях».

Вахлер был одним из первых, кто в стихотворной форме составил специальное обращение к зрителям, которое по своей форме весьма напоминало ритуал из германской мифологии. В этом действе принимали участие не только ночные и лесные женщины, которые «позже» были провозглашены ведьмами, но и легендарная фрау Холле (матушка Хольда).

Матушка Хольда (фрау Холле) является персонажем немецких сказок, собранных братьями Гримм. Она впервые появляется в сборнике 1812 года. Первоначально она была известна как фрау Холле из сказки под № 24. Сказка «Матушка Хольда» рассказывает историю о богатой вдове и ее родной дочери и падчерице. Суть этой сказки такова. Вдова потворствовала своей родной дочери, позволив ей стать ленивой, в то время как ее падчерица должна была делать всю работу. Каждый день падчерица должна была прясть у колодца. Однажды она уколола палец о кончик веретена. Наклонившись к колодцу, чтобы смыть кровь, она уронила веретено в воду. Опасаясь наказания за потерю веретена, падчерица прыгнула за ним в колодец. К своему удивлению, девушка оказалась в мире Хольды, которая держала ее как служанку в течение нескольких недель. Однако Хольда была настолько впечатлена кротостью девушки и трудолюбием, что она отправила ее обратно в семью, с фартуком, полным золота. Мать, думая, что ее собственная дочь тоже могла бы получить золото, направила ленивицу в колодец работать для матушки Хольды. Но Хольда осталась недовольной ее плохим характером и отправила домой, облитую смолой.

Фрау Холле вызывает снег

Сама легенда, в том виде, в котором она в конечном итоге перешла к братьям Гримм, судя по всему, происходила из традиции устного творчества Центральной Германии, из местности, сейчас более известной как Гессен. Это предание было рассказано Генриеттой Доротеей Вильд, на которой Вильгельм Гримм женился в 1825 году. В первом варианте сказания имелось множество интересных деталей, которые появились в сказках братьев только во втором издании (1819). До сих пор в Гессене сохранилось высказывание о том, что «Хольда готовит себе постель», это означает – идет снег, то есть она перетряхивает перину и идет снег с небес. В данном случае большинстве фёлькише полагали, что в германском дохристианском фольклоре имена Холле, Хольда, Хульд, Холле использовались для обозначения одной и той же богини, которая отвечала за погоду.

Если же возвращаться к постановке Вахлера, которая назвалась «Вальпургии», то надо отметить несколько моментов. Во-первых, композитором в данном случае выступил друг Фридриха Ницше Петер Гаст. Во-вторых, сама постановка именовалась не иначе как «торжественное представление в честь праздника весны». В-третьих, в этом действе центральной темой были германские ведьмы. В сюжете и мотивах пьесы, которая была посвящена торжественной встрече «майской королевы», отчетливо читалось идеологическое влияние фёлькише. Это произведение, несколько наивное и по-своему откровенное, рассказывало

об истории одной бедной и скромной немецкой девушки, живущей в деревне. В ходе майского праздника (Вальпургиевой ночи) ее избирают «майской невестой», которая должна сочетаться браком с прекрасным юношей. Элементы романтического национализма появляются здесь поначалу только лишь как представление о земной жизни народа Гарце, который «честно сохраняет верность обычаям отцов». Однако действие пьесы происходит во времена кризиса, которым была охвачена Германия. А потому главные герои с тревогой видят, как в их жизнь вмешивается «безродное торгашество», а старые традиции и обычаи постепенно забываются. Зрителю предлагается выход из сложившейся ситуации – возвращение к древней германской культуре, старой немецкой вере, которая в своих основных чертах весьма напоминала «нордическую мифологию». Подобное решение накопившихся в обществе проблем сразу же было понято и принято главными героями пьесы. Для еще большей убедительности Вахлер вводит в действие фигуру таинственной старухи, в которой герои сразу же опознают германскую «женщину трав», которая является предсказательницей, то есть ведьмой. По ходу действия выясняется, что таинственная старуха является германской богиней Хольдой, которая пришла с множеством «приближенных», чтобы справить «истинную» германскую майскую свадьбу. В пьесе появляются и братья Гримм, которые выступают в качестве крестных главных героев. Связь с христианством не позволяет им увидеть истинное лицо Хольды и ее окружения, а потому они превращают их в своих сказках в отталкивающих ведьм, хотя на самом деле они являются «лесными женщинами» (германская разновидность эльфов). В данном случае Вахлер прибег к игре слов: если германская богиня зовется Хольдой, то ее окружение именуется «хольдами», что в переводе с немецкого означает «прелестная», «благодарная». Хольды («лесные женщины») поют в одной из сцен: «Мы, ночные женщины, живем в тенистых рощах, мы ведаем судьбу, мы помогаем и лечим. Мы живем в самой чаще зеленого леса, о нашей тайне не знает никто».

Вводя в действие мифических существ, Вахлер как бы проводил параллель между земной свадьбой главных героев и «небесной свадьбой», чье почитание происходит в обрядах Вальпургиевой ночи. В конце пьесы на сцене появляется «пришелец», которым оказывается бог Вотан, именуемый «отцом всего сущего». Таким образом, как бы указывается на связь между людьми (девушки, организаторы праздника) и божествами (Хольда и Вотан). То есть делается намек, что человеческая жизнь должна быть отражением жизни божественной, а микрокосм сельской жизни

должен соответствовать макрокосму Вселенной, устроенной по «высшим законам». Наличие в действии одновременно «земной» и «небесной» свадьбы изображается Вахлером как необходимая составная часть священного германского торжества, которое являлось праздником плодородия. Не случайно в пьесе звучат слова: «Новая весна настала, цветы, благородный народ!» Уже после окончания Второй мировой войны пьеса Вахлера не раз подвергалась вульгарным трактовкам, в которых указывалось на ее связь с идеями демографической политики (праздник плодородия = увеличение германского народонаселения). Подобные версии кажутся надуманными. Несмотря на то что Вахлер высказывал определенные симпатии к биополитическим программам фёлькише движения, он никогда не делал их центральным компонентом, чего нельзя сказать про «культуру свободного тела».

Взаимопроникновение фёлькише движения и немецкого нудизма, «культуры свободного тела», было продиктовано преимущественно эстетизацией и метафизическим превознесением человеческого тела. Это было не только отличительной чертой фёлькише, но и представителей движения «всеобщего преобразования жизни». Точками соприкосновения между этими двумя явлениями в политической жизни кайзеровской Германии являлось отношение к вопросам пола, сексуальности и тела, которые в упомянутых движениях определялись расовыми представлениями и таким учением, как «расовая гигиена».

Случаи, когда проповедники нудизма одновременно являлись активистами фёлькише движения, были отнюдь не единичными. В этой связи необходимо упомянуть Генриха Пудора (1865–1943), который не только «изобрел» понятие «накт-культура» (обнаженная культура), но и породил соответствующее движение. Следующим после Пудора идеологом национального нудизма стал Рихард Унгевиттер (1868–1958). Именно он впервые увязал нудизм с расовыми утопиями, которые провозглашались в среде фёлькише. В 1906 году Унгевиттер участвует в создании «Аристократического нудо-национального альянса». Эта организация по своей форме напоминала нечто среднее между теософским кружком и фёлькише ложей. Одним из соучредителей, а затем и центральной фигурой в альянсе являлся строительный магнат и издатель Макс Фердинанд Зебальдт (1859–1916). Он стал важным связующим звеном между движением «всеобщего преобразования жизни», теософскими кружками и фёлькише организациями. Именно Зебальдт начала планомерно соединять между собой пропаганду «свободного тела», расовую гигиену, кельтскую и германскую мифологию, а также эзотерические доктрины. В отличие от

Унгевиттера и большинства ранних приверженцев «национального нудизма», которым была в значительной мере присуща аскетическая модель сексуального поведения, Зебальдт активно пропагандировал расистско-сексуальную религию, в которой должны были практиковаться ритуальные половые сношения. Сама концепция Зебальдта во многих моментах обнаруживала откровенно порнографические черты. При этом создатель новой «религии» использовал идеи сексуально-магических практик, которые были распространены на так называемой «окультуренной периферии». Запутанную идеологию Зебальдта можно было бы назвать эзотерическим пансексуализмом, который был увязан с отдельными фрагментами фёлькише идеологии.

Эмблема фильма «Путь к силе и красоте», который был посвящен «культуре свободного тела»

Основы нового культа были изложены Зебальдтом в пятитомном произведении, которое называлось «Генезис». Один из томов этого «исследования» сексуального культа был посвящен проблеме ведьм. Этот том имел название «Законы зачатия». Именно в нем Зебальдт утверждал, что сексуальная привлекательность ведьм объяснялась их языческо-германским наследием. Здесь автор культа получил возможность комбинировать спекуляции о сексуально-магических ритуалах с расизмом и представлениями фёлькише о немецкой идеологии. Весьма показательно, что в своих рассуждениях Зебальдт постоянно отсылал читателя книги к работам польского писателя Станислава Пшибышевского «Дети сатаны», «Познание зла». Некоторые моменты в книге Зебальдта являлись «калькой»

с этих работ.

В основе всей конструкции «сексуального культа» Зебальдта лежит теория о матриархате. При этом Зебальдт использовал не только классические теории (Бахофен), но и социалистические версии (Ф. Энгельс). Все эти мысли были слиты воедино, а затем трансформированы в стиле фёлькише, то есть были «приведены в соответствие» с расовыми теориями. Зебальдт провозгласил ведьм реликтовыми «отголосками» первобытных женских мистерий, а точнее, «нордической мистерии, посвященной Матери-Земле». Якобы именно в этой мистерии древние кельты и древние германцы «во всем своем многообразии выразили тайну материнства». Несмотря на свою маргинальность, книга Зебальдта тем не менее является центральным документом, который позволяет лучше понять и постичь «материнскую идеологию», культивировавшуюся в фёлькише движении. Эта идеология всегда связывалась с биополитическими и расово-политическими концепциями, так как в ее рамках материнство трактовалось не как таковое, а исключительно как метафизическое продолжение рода. В данном случае «мать» выступала не в качестве матери неких детей, а как прародительница рода, создательница расы. А потому материнство в фёлькише идеологии ценилось только при условии производства на свет максимального количества здорового потомства. При этом «чистота материнства» должна была являться гарантом «чистоты расового организма». Зебальдт проецировал реконструируемый материнский культ древних германцев на идеи расовой гигиены, которые активно развивались в начале XX века. Это позволяло ему говорить о «германских половых мифах», в которые было заложено «глубокое почтение к продолжению рода», что в свою очередь являлось «священным языческим восприятием процесса зачатия и рождения».

Афиша фильма «Путь к силе и красоте» (1925)

Полную противоположность (по Зебальдту) «почвенническим» материнским культам являло «фаллическое» иудео-христианство, которое было полностью лишено «почитания природы» и «обожествления тайны рождения». Зебальдт предположил, что по мере того, как христианство набирало силу, «материнские мистерии» вытеснялись на сервер, где их

даже во времена Средневековья продолжали придерживаться «нордические германцы» и кельты. Он писал: «Только на Севере кельто-германские народы сохранили остатки этой веры, которая предполагает неискаженный взгляд на материнство и материнские мистерии». Далее следовало дословное воспроизведение идей Станислава Пшибышеского, которые были изложены им в работе «Познание зла». На основании этого Зебальдт приходил к выводу, что «почвеннический народ» продолжал чтить своих «богов Земли», в честь которых справлял «священные праздники». Шабаша ведьм трактовались им исключительно в рамках этих праздников, однако несколько иначе, чем это делал польский литератор. Зебальдт предпочитал видеть в них «германское священнодействие», которое являлось отзвуком некогда существовавшего германского матриархального культа размножения или сексуального культа. Он писал: «Средневековые празднества, проводимые на горках и холмах, являлись не чем иным, как отголосками истинно германской материнской мистерии и мистерии соития, что было протестом против метафизического, выходящего за рамки людского понимания патриархального христианства». Зебальдт предполагал, что превалирование женщин на шабашах было вызвано их (шабашей) «изначальной женской сутью». Позже находящаяся под мужским контролем христианская церковь «персонифицировала подавляемую женскую сексуальность» в фигуре дьявола. В итоге делался вывод о том, что церковь (в первую очередь католическая) решила унижить «языческую женщину», провозгласив ее «проклятой слугой нечистого», то есть приравнивание «гордых германских дев-прорицательниц» к злым ведьмам было символическим оскорблением. В данном случае шабаша ведьм стилизовались под акты протеста, которые позволяли себе языческие женщины. Это протест был направлен против «мужской» христианской мистики, а также был «актом мести ориентализму, который растоптал германскую суть народа».

Станислав Пшибышеский

Зебальдт полагал, что развивал своими построениями давнюю традицию «сексуально-магического антиклерикального сопротивления», которое началось с гностических сект поздней Античности, продолжено в Средневековье ересью катаров и шабашами ведьм. При этом он подчеркивал, что «наивные природные культы» сексуально-магического язычества со временем скатились до уровня ритуальных собраний, которые всего лишь маскировались под «мистику», а затем выродились в «восторженные оргии», которые были банальным развратом. В описаниях одержимых сексом женщин Зебальдт предпочитал опираться на описания, которые приводились у Станислава Пшибышеского. В рамках данной книги нас в первую очередь должна интересовать комбинация пресловутой сексуальной магии и расистских идей. Зебальдт провозглашал католических священников «вырожденцами» именно по причине того, что они были полной противоположностью ведьмам, которые проводили «половые мистерии соития». В этом тезисе приоритет должны были иметь не половые отношения как таковые, а исключительно германские сексуальные культы, которые как бы гарантировали расовое приумножение германцев. То есть Зебальдт высказывал мысль о том, что определяющей в

ведьмах была их приверженность «естественной человеческой селекции», которую автор пятитомного «Генезиса» превозносил как будущую основу для общества. Зебальдт заявлял, что «расовая селекция» была в состоянии не только решить все общественные проблемы, но и стать главным принципом «настоящего сексуального социализма». Исходя из этого посыла, он думал, что «только лишь этика древних германцев» была в состоянии «осуществлять мудрое руководство на уровне сбора человеческого урожая». В этом месте Зебальдт прибегал к метафоре, весьма популярной среди сторонников расовой гигиены. Он говорил о «садовнике», который осуществлял неприметную, но неустанную работу, «давая засохшим под властью фальшивых иллюзий ветвям германских племен вновь оказаться напитанными соками родной земли».

Обложка книги Виллибальда Хенчеля «Варуна. Исторические законы возвышения и заката жизни»

Несколько иначе, нежели расово-сексуальная утопия Зебальдта, выглядела теоретическая конструкция, построенная одним из идеологов фёлькише движения Виллибальдом Хенчелем (1858–1947). Если Зебальдт при формулировании своих идей заведомо использовал эзотерическое наследие многочисленных группировок, то для Хенчеля оно фактически не играло никакой роли. В нем сказывался специалист по естественным наукам. Будучи биологом и химиком, Хенчель предпочитал не обращаться к фёлькише мистицизму, а захотел сконцентрироваться исключительно на научных и практических аспектах расовой селекции. Хенчель был учеником натуралиста Эрнста Хекеля и одно время даже был его ассистентом. Если от Хекеля были почерпнуты идеи Дарвина, то окончательное формирование мировоззрения Хенчеля произошло на рубеже веков, когда он начал сотрудничать с целым рядом ультраправых организаций и даже поддерживал так называемый «партийный антисемитизм». Например, с одним из главных антисемитов Германии Теодором Фричем (1855–1933) его связывали не только деловые, но и дружеские отношения. Издаваемый Фричем журнал «Молот» использовался Хенчелем для распространения своих идей. Однако главные свои мысли он изложил не на страницах известного антисемитского журнала, а в объемистой книге. Она увидела свет в 1901 году и называлась «Варуна. Исторические законы возвышения и заката жизни». Впрочем, это не помешало Теодору Фричу провозгласить «Варуну» идеологическим фундаментом «Молота».

В своей работе Виллибальд Хенчель ни в коей мере не ограничивался проблемами расовой гигиены. Он писал «Варуну» (как уже следовало из названия) для того, чтобы объяснить закономерность истории, равно как и устройство мира. В своих теориях Хенчель исходил из пантеистического понимания «божественности мира». Поставив перед собой столь грандиозные задачи, автор «Варуны», желая того и нет, все-таки приблизился к эзотерике. Опираясь на распространенные в то время теории вырождения и дегенерации, Хенчель сосредоточил свое внимание на упадке культуры и расовом упадке, которые он полагал современными ему процессами. Он увязал это негативное направление в развитии с «закатывающейся жизнью», которая, по его мнению, и была причиной «вырождения». Хенчель представил «закатывающуюся жизнь» в качестве отличительной черты «враждебного жизни семитизма», который проявлялся не только в иудаизме, но и в христианстве. В «преодолении христианства» он видел «главную предпосылку для начала

возвышающейся жизни». Как видим, речь шла о характерной для многих фёлькише смеси из антисемитизма и радикального неприятия христианства. Важным моментом в этой теории являлась мысль о том, что «закат» был обратимым процессом, а потому «закатывающейся жизни» был противопоставлен принцип «возвышающейся жизни». Здесь наука и научные аргументы превращаются в некую игру, в которой отчетливо прослеживался религиозный компонент, весьма напоминавший монизм. По словам Хенчеля, только наука могла «указать народам путь к спасению, так как она содействует очищению и продолжению человеческого рода через направленные позывы к размножению». В полном соответствии с этой мыслью он предлагал сформировать место для «чистых расовых семян», которое в книге именовалось «Миттгартом». В этом «человеческом саду» надлежало проводить целенаправленную «прополку», то есть осуществлять «устранение непригодных» (в книге это называлось словом «аусъятунг»). По мнению Хенчеля, только в этих условиях можно было «контролировать ненасытного молоха культурных процессов».

Эмблема ариософского издательства Эриха Маттеса (Лейпциг), которое в 1901 году издало «Варуну» Хенчеля

Селекционная утопия Хенчеля базировалась на принципе «превосходящей силы зачатия у мужчин по сравнению с женщинами». По этой причине расовый отбор должны были осуществлять исключительно мужчины. Но именно поэтому из Миттгарта надо было устранять лишних мужчин, проводить аусъятунг, извлекать их из процесса приумножения расы. Продолжение рода должно было восприниматься как «высшая

привилегия». Принцип мужского доминирования отражался даже в идее создания специальных поселений Миттгарта, в которых на 100 мужчин должно было приходиться 1000 женщин. В основу нового общественного строя должна была быть положена полигамия (многоженство), единобрачие являлось скорее исключением, нежели правилом. Но даже у этой идеи была своя специфика – брак должен был продолжаться до тех пор, «пока женщина подходила для него». Подобного рода теории не могли не вызвать критику в фёлькише движении, где брак и институт семьи воспринимались едва ли не центральными моментами. Поскольку большинство фёлькише полагали, что прогресс и цивилизация как раз разрушали традиционную семью, то они весьма скептически отнеслись ко многим идеям Хенчеля.

В рамках нашего повествования «Варуне» Хенчеля можно было бы не уделять никакого внимания, если бы она не касалась «ведовской проблемы». В 1913 году Хенчель развил свои мысли в небольшой работе «Ночь Вальбурга^[3] и танцевальные горы». Именно эти сооружения, в первую очередь «скалы ведьм», по мнению Хенчеля, некогда имели огромное значение для индогерманских культов. Позже служительницы этих культов были провозглашены христианами ведьмами. Он писал: «Ожесточенная борьба, которая на протяжении веков велась против ведьм и волшебниц, позволяет предположить, что народ втайне все-таки сохранял верность старой вере. Праздник Вальбург был твердыней, в которой сохранялись древний образ мыслей и истинное благонравие. В нем крылась священная идея, которой следовал народ, осуществляя расовый отбор. Несмотря на все трудности и опасности, этот праздник продолжали отмечать». С опорой на романтично-мифологические представления о ведьмах Хенчель исходил из того, что для сельского населения эти «культовые места» продолжали играть большую роль вплоть до современности. Он утверждал, что во многих случаях старые обряды были «замаскированы» под ритуальные праздники «богослужебного вида». Однако Хенчеля меньше всего интересовали мистические традиции германских крестьян, он видел в этих действиях мероприятия, которые относились к сфере расовой селекции. По его мнению, праздник Вальбург был когда-то специально предназначен для того, чтобы содействовать «созданию условий для плодородия женщин». В итоге он должен был трактоваться как полигамная массовая свадьба, которая должна была приводить к половым сношениям. При изображении древних германских культов Хенчель не смог избежать неких спекулятивных ноток, относящихся к так называемой «сексуальной магии». Однако он лишил все эти культы их мистических черт, сведя их к «трезвому» изображению

мероприятий по осуществлению расовой евгеники. Именно в этом духе он описывал якобы существовавшие приемы расовой селекции, которые использовались древними германцами, «избиравшими для продолжения рода только самых достойных».

Изображение германской жрицы

Руководствуясь этой идеей, Хенчель показывал читателю «богиню Вальбург», которая почиталась как «предсказательница и пророчица», но на самом деле являлась покровительницей германской расовой селекции. Знания этой «предсказательницы» о «священных местах», о тайнах бытия, о смерти, о зачатии детей и об увеличении рождаемости были «на самом деле» предназначены для осуществления расовых мероприятий. Отбор в данном случае осуществлялся «верховными жрицами». В итоге «ведовская религия» представляла чем-то вроде древней расологии – священного знания о природе расового отбора, который должен был вести к

приумножению «богоподобной» арийской расы господ.

Хенчель полагал, что при христианизации Европы католики использовали все средства, чтобы подавить эту «народную память». В итоге преследование ведьм оказалось борьбой против жриц «богини Вальбург». Поскольку эти жрицы (ведьмы) являлись хранительницами традиций здорового размножения, то католики «вели борьбу против самой жизни». Для Хенчеля процессы по делам ведьм являлись парадигматическим выражением «семитизма», который якобы нашел свое полное выражение в христианстве. Он писал: «Когда церковь усердно боролась против богини Вальбург, когда запрещался праздник Вальбург, в котором находили свое выражение воля к жизни и священный порядок вещей, когда ведьм клеймили как порождение дьявола, когда за память о прошлом грозили костром, то борьба шла не просто против древних обычаев, а против правильного уклада жизни». В заключение Хенчель описывал процесс длительного упадка культов плодородия, что было вызвано христианским влиянием. Однако, по мнению Хенчеля, в народной жизни остались некоторые «рудименты старых культов», которые проявлялись в «танцах ведьм на Вальпургиеву ночь». Он писал: «Эта богиня Вальбург продолжала жить в воображении народа. Она оказалась перемещенной в сказочные леса. Женщины, которые встречались там, могут называться ею. Они могут представлять в виде ведьм или валькирий, жить в подземельях и в пещерах или же купаться в потоках жизни. Они хранительницы брака, которые живут между мирами. По этой причине они прядут нить судьбы, которая протягивается между колыбелью и могилой. Они хранят в себе черты богини плодородия и богини смерти».

Подводя итоги, Хенчель в своей работе настаивал на том, чтобы немцы вновь осознали индогерманские обычаи, а также «вернули себе жизненные силы через расовый отбор». В этих выводах кроется связь между сутью германских ведьм и проектом по созданию специальных поселений. Желая применить свои идеи на практике, Хенчель в 1906 году создал собственную организацию, которая носила название Союз «Миттгарт». Однако он не смог собрать достаточного количества средств и сторонников, чтобы приступить к реализации проекта по созданию специальных поселений. Несмотря на это, идеи Хенчеля оказали большое влияние на некоторых из представителей фёлькише движения. Речь идет не только о «реформаторе жизни» Рихарде Унгевиттере. Дело в том, что именно после Хенчеля в националистических кругах стали постоянно возникать идеи о создании «идеальных поселений». Можно даже говорить о том, что косвенно Хенчель оказал влияние на национал-социалистов.

Именно «Варуна» и другие работы дали толчок к возникновению националистической молодежной организации «Артаманы», в которую в свое время входили многие видные деятели национал-социалистической партии. Среди таковых можно назвать Генриха Гиммлера, чьи расовые и селекционные идеи фактически повторяли мысли, изложенные в книгах Хенчеля. К числу «Артаманов» принадлежал Рихард Вальтер Дарре, сформулировавший теорию «крови и почвы», а также комендант лагеря смерти Освенцим Рудольф Хёсс. В рядах «Артаманов» числился и Вольфрам Зиверс, который стал организационным руководителем «Наследия предков» («Аненэrbэ»).

Сожаление о преследовании ведьм, которое высказывали Вахлер, Зебальдт и Хенчель, однозначно указывают, что образ ведьмы в фёлькише движении и движении «всеобщего преобразования жизни» явно был связан с традициями романтического национализма XIX века. В то же самое время попытки создания новой, «германской» религии были неразрывно связаны с попытками постижения сути ведовства. В итоге ведьма стала для фёлькише покровительницей естественной жизни, хранительницей расовых традиций, помощницей в увеличении рода, то есть метафизической «матерью расы». Вне зависимости от того, был ли образ ведьмы связан с оккультными спекуляциями (как у Зебальдта) или же с внешне научными построениями (как у Хенчеля), его отличительными чертами становились: во-первых, причастность к идеям расовой селекции, во-вторых, примыкание к попыткам формирования «германской религиозности», которые неоднократно предпринимались в среде фёлькише движения.

Глава 2. Ариософская эзотерика

На рубеже столетий на территории Австрии возникла так называемая ариософия, религиозно-политическое направление, которое стало связующим звеном между эзотерикой, теософией и фёлькише движением. Значение ариософии было предопределено не количеством её активных последователей, которое было не так уж велико (большинство из них входило в небольшие группировки, которые весьма напоминали секты), а в высшей степени синкретической идеологией. Ариософия, что означало «арийская мудрость», представляла собой специфическую смесь из фёлькише национализма, расизма и некоторых вкраплений современной тому времени эзотерики. Во многом ариософия напоминала теософию, однако различие состояло в том, что вместо апеллирования к неевропейским традициям (прежде всего индуистским и буддистским, что было весьма характерно для теософии), последователи ариософии делали ставку на европейскую, прежде всего германскую мифологию. Одной из причин появления на свет ариософии является то обстоятельство, что многие идеологи фёлькише движения использовали для своих мистикорасовых спекуляций элементы эзотерических космологий. Наиболее ярко это проявлялось в той части фёлькише движения, где планировалось создать («воссоздать») германские культы и сугубо немецкую религию. Теософия представляла некую привлекательность для фёлькише движения, так как Елена Блаватская положила в основу своей книги «Тайная доктрина» именно специфические расовые теории. После этого теософия пыталась трактовать историю (не только человечества, но и мира в целом), только исходя из расового принципа. Эти представления оказались заложенными в базу двух европейских «детищ» теософии. С одной стороны – в националистическую ариософию, с другой стороны – антропософию Рудольфа Штейнера.

Необходимо также упомянуть о том, что в некоторых группировках фёлькише движения придавалось большое значение распространенным в оккультных кругах интуитивным и паранормальным техникам, которые должны были позволить получать доступ к потаенным знаниям. В ариософии эти приемы использовались, судя по всему, для того, чтобы обеспечить контакт с миром германских предков. Подобные идеи базировались на представлении о том, что воспоминания о прошлом могли передаваться по наследству, как отдельным людям, так и коллективно.

Согласной этой установке в ариософских союзах пытались связаться с прошлым при помощи развития так называемой «наследственной памяти». В данном случае можно вспомнить не только «придворного мага» Генриха Гиммлера – Карла Марию Вилигута, который в СС был более известен под ритуальным именем Вайстор, но и о более поздних попытках. Вне всякого сомнения, эта техника весьма напоминала практику спиритических сеансов или «активное воображение» Карла Густава Юнга. Как в случае с фёлькише движением, так и в случае с ариософией ни в коем случае нельзя вести речь о единообразном, унифицированном мировоззрении. Между отдельными направлениями в ариософии, равно как и между отдельными теоретиками этого направления, имелись значительные различия. Как уже говорилось выше, попытки комбинирования политических идей с эзотерическими доктринами предпринимались и в некоторых секторах фёлькише движения. Это затрудняет возможность провести четкие границы между фёлькише группировками и ариософскими группами. В некоторых случаях эти два направления были тесно переплетены между собой внутри одной и той же организации. В рамках данной книги нас в первую очередь должна интересовать не ариософия во всем ее многообразии, а исключительно подход к проблеме ведьм.

Гвидо фон Лист

Несомненно, ключевой фигурой в ранней ариософии являлся Гвидо фон Лист (1848–1919). Он занимался анализом и воспроизведением арийского и германского язычества, в результате чего «породил» на свет такую этническую группу, как арио-германцы. Именно Гвидо фон Листа можно считать пионером в скрещивании германской идеологии и эзотерики. В своих многочисленных фантазиях он уделял немало внимания «тайным знаниям древних германцев», на базе которых планировал воссоздать «арио-германскую религию». В религиозном проекте фон Листа принципиальным моментом было наращивание общедоступных (экзотерических) сведений на конструкцию тайной (эзотерической) доктрины. Опираясь на многочисленные мифы и легенды, он разработал так называемый вотанизм. Это учение было открытым, в то время как существовало и «тайное учение», которое обозначалось понятием арманизм. В своей модели фон Лист характеризовал экзотерический вотанизм как «религиозную систему». В то же самое время эзотерический

арманизм должен был обосновывать принципы «религиозной системы», то есть вотанизма. Как видим, в религиозной схеме Гвидо фон Листа имелись четкие границы: вотанизм предназначался для широких масс, в то время как арманизм был уделом посвященных. Подобное религиозное деление, по мнению фон Листа, некогда отвечало социальной структуре древнего германского общества. Вотанизм проповедовался среди крестьян, был древней крестьянской религией, а арманизм – тайным учением древних жрецов (арманов), которое было сокрыто от глаз «посторонних».

По мнению фон Листа, арманы обладали не только тайными знаниями, но и священной силой. Обретение силы и знаний происходило в специальных культовых местах, так называемых «хальгадомах» (хальга-соборах). В полном соответствии с романтическими представлениями XIX века эти «соборы» были не какими-то строениями, а природными местами. По мнению фон Листа, арманы обладали глубочайшими знаниями о естественных законах природы, вечном бытии и исчезновении, то есть опирались на принцип цикличности событий и всей жизни. Однако это были не научные знания, так как они были не просто тайными, но и обретались через «пробуждение и подчинение мистических сил природы и человека». Подобно тому как Зебальдт комбинировал эзотерику и различные вариации расизма, так и Гвидо фон Лист был убежден в том, что эти силы пробуждались с целью «планомерного создания расы благородных людей», «которые при соблюдении строгих сексуальных законов должны были стать основой для чистой арийской расы». Позже эта мысль прозвучит не раз в многочисленных религиозных моделях, созданных в фёлькише движении. Во многих случаях провозглашалось самообожествление человека, так как в качестве конечной цели мистического расизма выступало «создание богоподобного человечества, которое было в состоянии закончить божественный замысел на Земле». То есть конечным «продуктом» некоторых ариософских и фёлькише проектов, в первую очередь связанных с религиозным и культовым конструированием, должен был стать «арио-германский богочеловек».

Обложка книги Гвидо фон Листа «Рита арио-германцев»

В основе построений Гвидо фон Листа лежала достаточно тривиальная историческая модель упадка народа, которая была применена к арио-германцам. Согласно ему, «золотой век» арио-германцев, характеризовавшийся процветанием высоко развитой цивилизации, сменился несколькими этапами упадка, вызванного расовым смешением. Окончательный закат германской культуры произошел во времена Карла Великого, уничтожившего аристократию саксов и начавшего активную христианизацию Германии. Поначалу «старая вера» могла существовать как периферийное явление, однако после окончательной победы христианства она была провозглашена подлежащим искоренению суеверием. Пытаясь в характерной для немецких романтиков манере отыскать следы «старой веры», Гвидо фон Лист описывал, как христианская церковь для окончательного изжития вотанизма слила старые обряды с собственными богослужениями. В отличие от вотанизма

арманизм смог избежать подобной участи. Арманы создали тайный союз, полностью скрыв свое учение от людей. Именно создание сети тайных союзов позволило им сохранить в тайне свое учение о расе и блюсти традиции. Внимание фон Листа в первую очередь привлекли так называемые «братства каландра»^[4] – издавна считалось, что ткачи обладали некими тайными знаниями. Однако фон Лист не отказывал в древних языческих знаниях и другим тайным обществам: гностическим сектам, масонам и розенкрейцерам. Хотя он придерживался мнения, что все они получили свои знания именно от «братств каландра». В итоге эти братства стали подвергаться преследованию со стороны католической церкви, а потому арманистские традиции были сохранены лишь в недрах небольших европейских тайных обществ.

Преследование ведьм для Гвидо фон Листа происходило в «те самые ужасные времена истории, когда культурному развитию человечества не было предложено ничего взамен». Подобно многим эзотерическим интерпретаторам, фон Лист превратил ведьм в носительниц тайного знания, в качестве которого в данном случае выступал арманизм. Именно арманизм в лице ведьм фанатично преследовала «римско-франкская иерархия», прибегая к «пыткам, топору палача, кострам инквизиции». Преподнося образ ведьмы, Гвидо фон Лист не был слишком оригинальным. В романтической традиции он противопоставлял «германскому почтению к женщине» «женоненавистничество церкви, которая вообще весьма негативно относилась к жизни». Именно в этом духе он интерпретировал гонения на ведьм, изображая его как часть конфронтации между «аскетическо-восточным христианством» и германцами, которые не оставляли «надежды вернуть немецким женщинам их священную функцию». При этом особая роль женщины относилась преимущественно к ее антропологически детерминированной религиозной функции. Гвидо фон Лист приписывал германским женщинам обладание специфической мистической силой, которую можно было обнаружить даже в современное ему время.

Он писал: «Старики были совершенно правы, когда находили в женщинах следы божественности. Это было не что иное, как изначальная божественность, которую мы можем обнаружить – и обнаруживаем! – даже сейчас в наших женщинах. Это божественное качество мы можем описать как искренность». Именно эта божественность у Гвидо фон Листа выступала в качестве объекта церковных преследований. По его мнению, при помощи процессов над ведьмами церковь нанесла «мощный удар по мистической сущности германских женщин». Ведьмы в книгах фон Листа

предстают как жрицы священного культа, которые собирались когда-то для его отправления под руководством арманов. Однако эти собрания ведьм фон Лист никогда не изображал как сугубо женское мероприятие. Шабаша якобы всегда происходили при условии наличия мужчины-армана, который должен был переодеваться Вотаном. Именно явление «Вотана» нагоняло страх на христиан, которые объявили древнее германское божество демоном. Именно «Вотану» отводилась центральная роль на собраниях ведьм, которые опять трактовались как составная часть «арио-германской сексуальной религии». Подобно Зебальдту и Хенчелю, Гвидо фон Лист делал акцент на размножении арио-германской расы. Таким образом, в работах фон Листа ведьма представляла в качестве прародительницы расы, а преследование ведьм становилось частью церковного замысла по уничтожению «арио-германского богочеловека».

Когда фон Лист говорил об арийском божестве, которое было отражено в эзотерическом ведовстве, то прежде всего подразумевал возможность «непосредственного контакта с божеством», то есть знания арио-германцев о своей причастности к высшим силам. Он писал по этому поводу: «Мистический смысл танцев ведьм, равно как и аналогичных священных обрядов, состоял в том, чтобы завершить тайное преобразование человека, который уже в земной жизни был связан с божеством, а после смерти без какого-либо очищения принимался в сонм светлых духов».

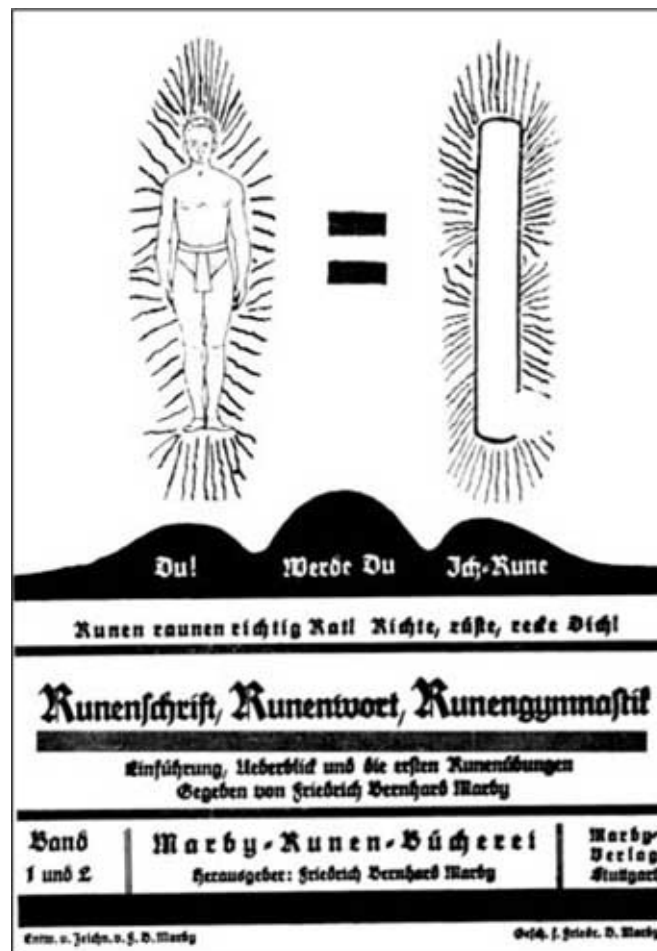
В своих книгах Гвидо фон Лист также описывал упадок ведовства, которое под давлением церкви утратило какую-либо связь с тайным учением, арманизмом. В итоге шабаша ведьм сначала стали формальными собраниями, а затем скатились до уровня извращенных оргий, в которых не осталось и следа от культов плодородия, а был лишь только сексуальный хаос. Гвидо фон Лист приходил к выводу: «Вследствие этого учение оказалось утраченным для народных масс, однако обычаи сохранились. Впрочем, лишившись мистической составляющей, они превратились в вакханалию. Прежний сексуальный культ, целью которого было осознанное возвращение благородной расы, был разрушен. Его внешние формы были искажены до уровня извращенности, что говорило о самом низком моральном уровне участников поздних шабашей». Разделение внешней, эзотерической религиозности (вотанизма) и тайной, эзотерической доктрины (арманизма) позволяло Гвидо фон Листу объяснять, почему в его религиозном проекте речь шла не о простой реанимации древнегерманского наследия. Для него в первую очередь было важным осуществить расовую селекцию, то есть стремиться к появлению «арио-германского богочеловека», который еще при жизни мог бы освободиться

от всего «земного». Наличие арманизма как тайного учения также позволяло фон Листу высказать мысль о вырождении ведовства, что избавляло его от необходимости провозглашать намерение о возобновлении шабашей. Занимаясь поисками «ядра» арманизма, он мог всегда найти простое объяснение для многих вещей, которое заключалось во фразе: «Формы умирают, вечным является только свет».

Возникнув на территории Австрии, ариософия достаточно быстро обрела сторонников в Германии. Одним из активнейших распространителей ариософских идей в кайзеровской империи был журналист Филипп Штауфф (1876–1923). В 1911 году он опубликовал статью «О ведьмах», в которой в основных чертах повторил идеи, которые был некоторое время назад высказаны в Вене. В своей статье он описывал ведьм как народных целительниц и прорицательниц, которые обладали тайными знаниями и «свойственными им от природы способностями», чем они навлекли на себя ненависть церкви. В характерной для многих ариософов манере Филипп Штауфф пытался обнаружить следы этих «тайных знаний» в германских мифах, сагах, легендах и сказках. Подобно Гвидо фон Листу, он пытался изобразить ведьм как носительниц арио-германской мудрости. Адаптировав к требованиям ариософии теорию сказок, которая была весьма популярна среди немецких романтиков XIX века, Филипп Штауфф выдвинул теорию, что сказки были отголоском некогда имевшейся «духовной и природной силы германского народа». Развивая свои идеи, в 1914 году Штауфф опубликовал собственную интерпретацию немецких сказок, в которой дал волю своим фантазиям. Это была очередная попытка самообожествления германцев. В рамках этой работы Штауфф описывал человеческую душу как «древний голос бога», который мог позволить германцу «идти по пути полного превращения в богочеловека». Ведьмы представляли как «великие германские пророчицы», которые преследовались христианами. Кроме этого Штауфф обращал внимание на появляющуюся в некоторых немецких сказках фигуру «прародительницы», которая находилась по ту сторону жизни и смерти, как бы регулируя процессы бытия и небытия. По мнению Штауффа, эта «прародительница» представала в виде ведьмы из сказки «Гензель и Гретель». В данном случае он несколько трансформирует идею братьев Гримм, высказывая предположение, что Хёлле (матушка Хольда) была сознательно дискредитирована христианами, когда ее царство было превращено в хель, то есть преисподнюю.

Нельзя не отметить, что в интерпретации сказок, предпринятой Филиппом Штауффом, отчетливо прослеживались антисемитские

вкрапления. Он говорил, что немецких сказках сообщалось не только о «белой магии», которой придерживались германские пророчицы-ведьмы, но и о «черной магии», которая являлась уделом злых магов и колдунов. Именно они являлись настоящими отрицательными героями сказок, предпринимавшими неоднократные попытки завладеть душами главным героем. Штауфф предполагал, что за «фигурой злого колдуна скрывался еврей, который смог овладеть магией, но использовал ее как средство для личного обогащения», на «протяжении многих веков совершая обман». По мнению германского ариософа, сказки давали подсказку, как можно было избавиться от «еврейского колдуна». «Преодолеть злое колдовство можно было только при помощи священного ведовства».

Обложка одного из изданий, посвященных «рунической гимнастике» Фридриха Вильгельма Марби

Для Штауффа и многих других фёлькише, которые считали себя «посвященными в тайные науки», наследие Гвидо фон Листа было ценным

не в последнюю очередь из-за его мистического истолкования рунической письменности. В данном случае необходимо упомянуть написанную в 1908 году фон Листом работу «Тайна рун». К числу продолжателей рунических исследований фон Листа принадлежал и немецкий мистик Рудольф Джон Горслебен (1883–1930), который являлся не только переводчиком скандинавских саг, но и создателем «Общества Эдды». Именно он во многом обогатил фёлькише мистику новыми теориями, которые во многом дополняли построения Гвидо фон Листа. Его представления, выраженные тезисом о «единстве бога и расы», были изложены в 1939 году в объемном произведении, которое называлось «Расцвет человечества» («Апогей человечества»). В этой книге можно найти рассуждения о сути ведовства, в которых чувствовалось влияние идей Гвидо фон Листа. Горслебен считал, что на протяжении столетий тайные гностические знания, против которых яростно выступала Римская церковь, транспонировались на многочисленные мистические группы и ордена. Горслебен утверждал, что церковь и контролируемые ею светские власти со времен Карла Великого «уничтожили девять с половиной миллионов человек», которые были провозглашены «ведьмами и еретиками». Поскольку эта борьба была направлена против «мистических способностей нордической расы», то автор «Расцвета человечества» утверждал, что «наши прорицательницы и предсказатели преследовались, так как они обладали знанием о силе рун». Кроме этого, преследование ведьм должно было положить конец «процессу отбора семян чистой расы». То есть Горслебен увязывал воедино ведовство и расовый отбор, якобы проводившийся среди германцев.

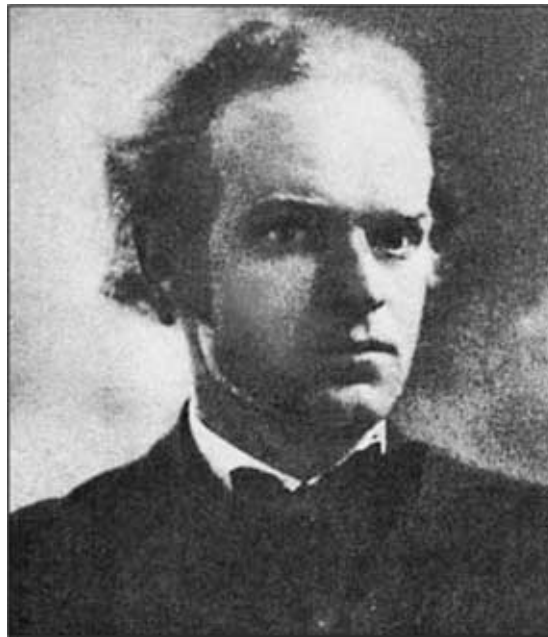
Если же говорить о мистическом понимании рун, которое было во многом присуще фёлькише движению, то оно ни в коем случае не ограничивалось далеким прошлым. Рунам приписывалась возможность влияния на физические процессы, в частности связанные с человеческим телом, а потому в отдельных случаях руническая мистика могла комбинироваться с получившей религиозную окраску физкультурой. Некоторые из германских ариософов пытались получить доступ к знаниям о том, как руны могли влиять на человеческое тело. В итоге на свет появились различные проекты, которые были названы либо «рунической гимнастикой», либо «рунической йогой». В этих теориях рунам приписывалось лечебное значение, точнее говоря, руны в силу их мистической силы могли в том числе оказывать оздоровительное влияние на тело человека.

Обложка книги Зигфрида Адольфа Куммера «Священная власть рун»

Двумя центральными фигурами в деле разработки «рунической гимнастики» в 20-е годы XX века являлись Фридрих Вильгельм Марби (1882–1966) и Зигфрид Адольф Куммер (1899–1977). Несмотря на то что оба входили в фёлькише движение, их нельзя рассматривать как друзей, а скорее как конкурентов. Куммер, опираясь на теории Гвидо фон Листа и Горслебена, издал в 1932 году книгу «Священная власть рун. Возрождение арманизма через рунические упражнения и танцы». По мнению автора, рунические упражнения должны были укрепить «расовые чувства, в первую очередь ощущение расы». Это должно было в свою очередь вернуть практикующим подобную гимнастику знания далеких эпох, когда «каждый германец благодаря высшим арийским священнослужителям, к числу которых также принадлежали позже преследуемые ведьмы, мог быть посвящен в мистерию рун». И опять повторялся традиционный для фёлькише движения тезис о том, что на протяжении веков христианская церковь преследовала хранителей «тайны рун», которых «сжигали на кострах как чародеев и ведьм». Куммер особое значение придавал руне «Хаг-алл» (хагал), так как, по его мнению, именно эта руна позволяла ведьмам как «германским священным советчицам» через специальные

практики обретать их «магические трансцендентные способности». При этом Куммер излагал и некоторую часть традиционных мифических представлений о ведьмах, например, что они использовали «во время новолуния корень мандрагоры», который использовался в качестве трансового средства («средства гипнотизирования»). Пребывая в священном трансе, ведьмы якобы были в состоянии предсказывать будущее и совершать «чудеса». При этом Куммер, подобно братьям Гримм, был убежден, что германские прорицательницы нередко совершали обряд сейдр^[5].

Зигфрид Адольф Куммер

Изучая подобный контекст интерпретации сути ведовства, необходимо указать на фигуру входившего в фёлькише движение «рунического йога» и астролога Эрнста Иссбернера-Хальдене (1886–1966), который входил в ариософский кружок, сложившийся вокруг издателя Герберта Райхштайна. Кроме астрологии и «рунической йоги» Иссбернер-Хальдене занимался разработкой так называемой «научной хиромантии». Однако в рамках данной книги для нас в первую очередь представляет интерес та часть его изысканий, в которой он говорил об «идеальной религиозности на арийско-героической основе». Эти идеи были впервые высказаны им в начале 20-х годов XX века. Не будучи слишком оригинальным, Иссбернер-Хальдене исходил в своей теории из того, что некогда существовала правящая каста древних арийских жрецов (священников), частью которой являлись

пророчицы. Именно этих пророчиц христианская церковь преследовала под видом ведьм во времена Средневековья. Он писал по этому поводу: «Несчастные девушки, лишённые света, любви и молодости, как монахини оказались заточенными в монастырях. Христианство истязало Европу. Сотнями горели костры, а невинные жертвы истязались на дыбах. На Европу опустилась непроглядная мгла. Церковь могла торжествовать!» Однако, несмотря на преследования со стороны церкви, знания ведьм (в том числе хиромантия) не были полностью утраченными, но оказались во владении цыган. В этом месте Иссбернер-Хальдене соединил традицию «ведовской литературы» XIX века с антицыганскими настроениями, которые были сильны в некоторых странах Юго-Восточной Европы. Он утверждал, что цыгане были «шарлатанами», «паразитами» и «прирожденными преступниками», которые в силу своей природы не могли постигнуть истинное значение «тайных наук», которыми они злоупотребляли для собственных целей.

В конце 20-х годов Эрнст Иссбернер-Хальдене вступил в «Орден новых тамплиеров», созданный Йоргом Ланцем фон Либенфельсом (1874–1954), который может считаться второй (после Гвидо фон Листа) ключевой фигурой в ариософии. В отличие от Листа бывший монах-цистерцианец Ланц определял ариософию как «благородную расово-культурную религию», которая воплотилась в форме изначально арийского христианства. Хотя бы в силу этого он положительно относился к католицизму и орденскому устройству отдельных организаций. Характерным для мистических конструкций Ланца является комбинирование элиминаторного расизма и антисемитизма с женоненавистническими властными и сексуальными фантазиями. Некоторые послевоенные исследователи поспешно провозгласили подобную смесь «психопатической», хотя историки должны были бы воздерживаться от подобного рода «вердиктов». Впрочем, факт остается фактом – Либенфельс не раз прибегал к популярным в фёлькише среде сексуально-магическим спекуляциям, которые были положены в основу программного произведения, которое было издано в 1905 году под названием «Теозоология». В этой работе утверждалось, что первоначальные «божественные существа» (арийцы) стали смешиваться с животными. От этой связи на свет появились «недолюди» – «чандалы», под которыми Либенфельс подразумевал все темнокожие расы. Вина за это расовое «грехопадение» была возложена на женщину, которая «в самом минимальном размере соответствовала арийской сущности, присущей мужчинам», а потому и решилась на контакты с животными.

Картина, изображающая «королеву Асгарда»

Построенное Ланцем фон Либенфельсом расистское и гностическое «арийское христианство» было дуалистическим, а потому весьма жестким. Он писал в одной из работ: «Сегодня чандалы исказили и подчинили себе истинное христианство, главной целью которого являлось очищение человеческой расы от паразитов, получивших демоническую возможность использовать сексуальность женщин высшей расы». Подобного рода построения оказались положены в основу работ одного из ближайших сподвижников Либенфельса, Теодора Чепля, который в 1931 году опубликовал брошюру, посвященную культу «арийской Богоматери». В этой книге одна из глав была посвящена как раз проблеме преследования ведьм. По большому счету Теодор Чепль вторил многочисленным авторам из фёлькише движения, когда утверждал, что «культ Богоматери» («материнский культ») имел своей истинной целью «формирование богочеловечества», для чего должно была использоваться расовая селекция. Чепль видел причины искоренения данного культа в том, что в «арийское христианство» стало примешиваться «восточное иудейство», что не могло не вызвать сопротивления и протестов. Борьбы между «арийцами» и

«иудеями» в рамках христианства достигла своего пика как раз в тот момент, когда представители «низших рас» и евреев инициировали преследование ведьм, которое превратилось в многочисленные процессы: «Сжигались бесчисленные матери племен героической расы вместе со своим нерожденным потомством белокурых сынов асов. Под крики потерявшей человеческий облик черни живодееры тащили их к месту расправы. Разведенные костры поглощали светловолосых девушек, освобождая их дух от бесчеловечных страданий. Это были самые страшные истязания, которые только можно было причинить. Никакие животные не обращались столь жестоко, как обходились недочеловеки, чандалы с арийской расой». Подобно Гвидо фон Листу Теодор Чепль полагал, что «мудрые германские женщины» обладали вполне конкретными магическими способностями. Чепль считал, что они являлись «превосходными расовыми посредницами», «арийскими прародительницами», которые обладали «знаниями Первой Матери». Как и во многих фёлькише доктринах, Чепль сосредотачивал свое внимание на расовой селекции. Он писал: «Эти мудрые женщины именовались хагадизами, что было превращено в современное слово “хексен”, ведьма. Они обладали глубокими знаниями не только о первоисточниках жизни в целом, но и о выращивании и сохранении арийского человечества в частности. Силы арийской расы могли быть подорваны только в том случае, если бы удалось уничтожить “знания Первой Матери”. Проникшие в церковь палачи и приспешники синагоги тотчас взялись за это дело, прибегнув во имя достижения цели к воистине дьявольским средствам».

Свою работу Теодор Чепль заканчивал описанием методов истязаний, которые применялись во времена процессов над ведьмами. При этом отдельное внимание уделялось тому, что «недочеловеческие демоны» (то есть преследователи ведьм) особую изощренность применяли к детородным органам. В интерпретации Теодора Чепля подобные пытки были одной из составной частей «темной сексуальной магии», которую якобы практиковали евреи. В данном случае трактовка средневековых событий как осквернение «арийских расовых родительниц» полностью соответствовала выводам, к которым в своих доктринах пришел Ланц фон Либенфельс. Преследование ведьм для членов «Ордена новых тамплиеров» становилось чем-то вроде одного из театров боевых действий в расовой войне между «арийскими богочеловеками» и «еврейскими недолюдьми». Залогом победы в этой войне должна была стать «истинная религиозность». «В духовном плане некогда уничтоженные женщины со “знаниями Первой Матери” должны помочь в борьбе против

воплотившихся демонов, которые сегодня в политике и финансах господствуют над арийцами». Чтобы избежать повторной угрозы, братья «Ордена новых тамплиеров» призывали различать «арийскую белую магию» и «черную сексуальную магию», что должно было «удержать наших женщин от попадания в лапы половых преступников».

Как видим, в ариософии, равно как и в фёлькише эзотерике, во многом традиционные антиклерикальные, романтические представления о ведьмах были скрещены с мистическими и оккультными идеями, а затем адаптированы для распространения в качестве одной из разновидностей расовой идеи. Почти во всех случаях попытки представителей фёлькише движения показать «настоящий» образ ведьмы шли от романтических представлений XIX века к прославлению идей расовой селекции, которые становились весьма популярными как в Европе, так и других странах в начале XX века.

Глава 3. Нордические теоретики и нордический феминизм

Авторы приведенных выше трактовок сути ведовства в стиле фёлькише принципиально придерживались романтической версии образа ведьмы, а потому их выводы совпадали в части того, что претендовали на обоснование германской религиозности. Надо отметить, что подобного рода религиозно-идеологические конструкции находили понимание отнюдь не у всех представителей фёлькише движения. Более того, подобный подход был отнюдь не единственной возможностью использования ведовской тематики среди фёлькише. Против ариософской эзотерики и сексуально-магических спекуляций выступали не только представители фёлькише движения, которые продолжали придерживаться христианства, но также сторонники «новых» немецких культов, которые намеревались очистить германскую религиозность от всевозможных проявлений оккультизма, суеверий, а потому они никак не могли смириться с предложенным образом ведьмы. Многие из этих авторов, несмотря на однозначную религиозную ориентированность, тем не менее придерживались достаточно рационалистичных интерпретаций. В данном случае изучение ведовства было связано с так называемой «нордической идеей», у которой было множество сторонников в фёлькише движении. Основная мысль этого направления в фёлькише движении сводилась к тому, что провозглашалась «высшая ценность» «нордической расы», представителями которой являлись отнюдь не все немцы и германцы. При этом предполагаемое превосходство «нордической расы» обнаруживалось не только в биологических и антропологических критериях, но даже в культуре. В рамках данной теории северные народы объявлялись «создателями истинной культуры». Если говорить об антропологическом направлении «нордической мысли», то его ярчайшими представителями являлись Ганс Гюнтер (1891–1968), ставший при национал-социалистах одним из ведущих специалистов по расоведению, а также Людвиг Фердинанд Клаус (1892–1974). Однако в рамках данной книги нас должны в первую очередь интересовать представители «духовного направления», к которым можно отнести Германа Вирта (1885–1981) и Бернхарда Куммера (1897–1962).

Бернхард Куммер^[6] с 20-х годов XX века являлся одним из важнейших

авторов в Издательстве Адольфа Кляйна (Лейпциг), которое предпринимало активные меры по распространению «нордических идей» в среде фёлькише движения. В отличие от многих авторов из фёлькише среды Бернхард Куммер был очень образованным человеком и профессиональным историком. Он имел ученую степень по германистике, а также в качестве специалиста по скандинавской мифологии занимался изучением дохристианских культов, существовавших на территории Северной Европы. Именно эти изыскания были положены в основу многочисленных работ и статей Куммера. В изображении германцев он придерживался традиционных для XIX века взглядов. Он давал на страницах своих книг образ нетронутого пороками мира, мирного и естественного уклада жизни нордических германцев, который был обусловлен традициями, обычаями, понятиями о чести и добродетели. В этом нордическом мире служение общественным идеалам не воспринималось как тяжкое исполнение долга, но базировалось на принципе «внутренней свободы». Если принимать во внимание изображение этих мнимых качеств нордических германцев вместе с радикальным неприятием католических догм и законов Моисея, то станет ясно, что формирование идей Куммера происходило в протестантской среде Пруссии.

Если говорить о содержании книг Бернхарда Куммера, то большинство из них являлись вариациями его диссертационного исследования «Закат Мидгарда», которое было опубликовано в 1927 году. Уже из названия диссертации видно, что Куммера очень впечатлила работа Освальда Шпенглера «Закат Европы». Однако Куммер говорил не обо всей Европе, а лишь о драматическом упадке древнего германского мира, утрате германской религиозности, что имело для немецкого народа роковые последствия. Опираясь на тезисы датского исследователя Вильгельма Грёнбека (1873–1948), Куммер проводил различия между Мидгардом и Утгардом. В этом противопоставлении Куммер изобразил фундаментальные противоречия между миролюбивым внутренним миром и агрессивной внешней средой. То есть Мидгард являл собой «действующую изнутри, вдохновленную жизненную силу», а Утгард, напротив, представлял собой «вмешивающуюся снаружи разрушительную силу». В описании Утгарда читались присущие фёлькише движению характеристики, которые давались христианству, имевшему восточные (еврейские) корни. Подобно многим авторам, происходившим из среды немецких националистов, Бернхард Куммер в изображении двойственной структуры мира опирался на некоторые гностические источники. Так,

например, он указывал, что «германская двойственность» была родственной «дуализму древних персов». По его мнению, «оба явления исходили из основополагающего деления мира на две части: содействующую жизни и враждебную жизни».

Куммер заявлял, что «германский дуализм» уже в языческие времена был подвержен сторонним влияниям (это было главным тезисом всех построений Куммера). По этой причине для исследователя пересказанная в Эдде нордическая мифология не являлась отражением оригинальной германской религиозности. С одной стороны, в ней обнаруживались следы влияния христианства. С другой стороны, мифология Эдды во многом относилась к вере в Одина, что якобы было проявлением языческого влияния Утгарда. Именно эти сторонние влияния, по мнению Куммера, и привели к закату истинной германской религиозности. Он полагал, что распространение веры в божества Утгарда вызвало внутренний раскол в мироощущениях германцев, что и стало предпосылкой для последующей успешной христианизации Северной Европы и предопределило окончательный «закат Мидгарда». Результатом этой трансформации стало появление так называемого «фаустовского человека», который обладал двумя душами, разрывавшими его между «беспокойными страстями мира и стремлением к отказу от мирской суеты». Конструкция Бернхарда Куммера нашла понимание в наиболее радикальных сегментах фёлькише движения, где как раз занимались проблемой (вос)создания германской религиозности. Исходным пунктом в этих построениях было обвинение христианства (в первую очередь католичества) в крайней нетерпимости, что обнаруживало себя в войнах против саксов, которые вел Карл Великий, в событиях Крестьянской войны, Реформации и, конечно же, в процессах над ведьмами. Куммер изначально готов был выражать симпатии всем тем, кто пытался хоть как-то противостоять «инородной религии». Однако он был убежден, что истинная германская история была закончена после того, как «мятежная немецкая кровь была изведена на десятках тысяч костров, полыхавших по всей Европе».

Однако не стоит полагать, что обвинения, брошенные Куммером в адрес церкви, автоматически означали, что он разделял примитивную веру в ведьм. Внутри фёлькише движения он занимал позиции, которые во многом были противопоставлены ариософии. Если ариософы и фёлькише эзотерики верили в магию, ведовство, тайное расовое учение, то Куммер видел в этом чуждые для изначальной германской религиозности элементы. По его мнению, они были привнесены под влиянием христианства, способствуя формированию того, что и стало называться германским

язычеством. Куммер выдвигал тезис о том, что именно проникновение суеверий и веры в ведьм способствовало упадку Мидгарда. А вера в Одина стала связующим звеном между «настоящим немецким благочестием» и «христианскими представлениями о демонах». Именно вера в Одина якобы положила конец «истинной нордической религиозности». Куммер говорил о том, что изначальная германская религия придерживалась принципа «божества внутри нас», в то время как трансцендентный Бог-создатель был порождением иудео-христианской «инородной религии».

Попытки рассуждать о ведьмах в рационально-антиклерикальном ключе не всегда приводили к тому, что Куммер отказывался от традиционных романтических представлений. Он заимствовал по меньшей мере несколько элементов «романтической мифологии». Так, например, он говорил о жрицах и прорицательницах древних германцев, однако четко отграничивал этих персонажей от ведьм и колдуний. В данном случае Куммер обосновывал это разграничение следующим образом: прорицательницы опирались на присущие им от природы способности, в то время как ведьмы обретали их только после изучения колдовства. То есть даже в этом вопросе находило отражение противопоставление Мидгарда и Утгарда. После того как усилилось влияние христианства, что стало началом «эпохи упадка», в мире Утгарда уже была распространена вера в волшебство, которая была предназначена для «неполноценных». В этом тезисе явно читались антицыганские настроения, так как, по мнению Куммера, данное «волшебство» со временем трансформировалось в «платные предсказания цыган», а затем и вовсе скатилось до низшего уровня – веру в ведьм. Автор диссертации полагал, что «нордический героизм» изначально «противился проникновению чуждых волшебников». Позже, когда Мидгард находился на закате, католическая церковь смогла использовать этот «здоровый инстинкт» в своих собственных целях.

Определяющее значение работа Куммера имела хотя бы в силу тех обстоятельств, что ее автор, в стиле многочисленных предшественников из XIX и XX веков, установил изначальную причину преследования ведьм в женоненавистничестве, якобы присущему христианству. Корни этого явления, по мнению Куммера, уходили в Ветхий Завет. Он указывал, что соблазнение Адама Евой стало библейской «основой для уничтожения ведьм». Куммер говорил об иудео-христианском презрении к женщине, которое было полностью противопоставлено древнегерманскому общественному строю, в котором «признавалась равноценность и мужчин, и женщин». Вне всякого сомнения, Куммер со своим провозглашением «равенства полов» не всегда мог найти понимание в фёлькише движении,

часть которого придерживалась антифеминистических и даже женоненавистнических установок. Однако построения Куммера базируются на более основательном осознании различия полов, нежели это делалось в «романтической мифологии» или фёлькише эзотерике. Он высказывал мысль о том, что религиозное предназначение германской женщины было утрачено именно в тот момент, когда стала формироваться вера в ведьм. Связь христианской концепции, предполагавшей существование демонов, с германской верой в «нордических прорицательниц» для Куммера была несомненной, так как подобное негативное восприятие германских женщин было связано иудео-христианской традицией изображения женщин вообще как «матери прегрешений». При этом Куммер не видел противоречия в том, что в христианстве существовал двойственный образ женщины: с одной стороны, недостижимая Дева Мария, с другой – утратившая человеческий облик ведьма. Куммер полагал, что противопоставление было иллюзорным, то есть «культ Мадонны и вера в ведьм были двумя сторонами одной и той же медали». В качестве вывода Куммер провозглашал, что настоящая германская женщина была «растерта между жерновами ликов Мадонны и костров, на которых сжигали ведьм». Он писал по этому поводу: «Христианские монахи и монахини унизили германскую женщину, потенциальную мать, породив богомольную мещаночку, Гретхен, которая стыдится своего природного предназначения и просит прощения у Марии за свое материнство».

Как видим, Куммер придерживался весьма специфической точки зрения, полагая, что ведьмы в германской культуре были «чужеродным явлением» и преодоление веры в них являлось предпосылкой для «возрождения настоящей германской религии». В этом изображении для нас важным является то, что «германское равноправие полов» противопоставлялось «иудео-христианскому преследованию ведьм».

В рамках идеологии фёлькише движения утверждения Куммера о том, что Эдда являлась документом «низшего уровня», который свидетельствовал об упадке находящейся под патриархальным влиянием германской религиозности, не всегда находили понимание. Однако эти тезисы были активно поддержаны германским исследователем голландского происхождения Германом Виртом. Вирт, который считал себя специалистом по духовной истории древности, являлся одним из центральных персонажей в среде «нордических теоретиков». Подобно Бернхарду Куммеру, он имел университетское образование, получил ученую степень как германист. В годы Первой мировой войны Герман Вирт

являлся активистом радикальных фламандских националистических организаций, которые выступали за союз с Германией. В 20-е годы XX века он переселился в Марбург, где очень скоро установил контакты с немецкими фёлькише. В основу своих научных построений, касавшихся истории и религии, он положил такой источник, как «Хроника Ура-Линда», которая вызывал немало вопросов в академической среде. Изданная в 1933 году с обильными комментариями, эта хроника не всегда воспринималась всерьез даже националистами.

Герман Вирт со своей супругой в стилизованных средневековых костюмах

В отличие от Куммера Герман Вирт ни в коем случае не ограничивался традиционными для «германской идеологии» письменными источниками, датированными временем предположительного язычества. По большому счету Вирт пытался в характерной для гностицизма манере установить «связь между наукой и познанием Бога на основе исторического развития».

Именно по этой причине Вирт пытался представить свои изыскания как формирование особой научной дисциплины – духовной истории древности. На ее основе он планировал не более и не менее как возрождение «древнего сообщества» и проторелигии с целью «освобождения человечества от проклятия цивилизации». В рамках фёлькише движения это могло трактоваться исключительно как «возрождение нордической расы». Сам же Вирт осознавал свой проект как исключительно «немецкую миссию», так его «религия избавления» должна была привести к «обожествлению немецкого человека света». В своей работе «Что является немецким?» Герман Вирт писал: «Немецкое – это значит “происходящее от Бога”, “жизнь Бога”. Эта жизнь порождена светом, который происходит от Бога. Тот, кто является немцем, происходит от Бога, несет в себе частичку Божественного света, как проявления вечности, передающегося из поколения в поколение».

Формируя еще одну новую научную дисциплину, которую Вирт назвал «изучением древних символов» (точный перевод едва ли возможен – можно также использовать термины «протосимволоведение» или «археосемиотика»), он изложил свои идеи в таких фундаментальных трудах, как «Происхождение человечества» и «Священная протописьменность человечества». В этих работах Герман Вирт изучал и трактовал такие древние изображения, как «колесообразные кресты», руны, скальные надписи. Во всех них он видел отражение «священной протописьменности», при помощи которой можно было постичь смысл древнейшей религии (прарелигии). Не все представители фёлькише движения могли согласиться с результатами исследований Германа Вирта. Некоторых смущали его методы работы, а некоторых – именно полученные результаты. Дело в том, что Вирт в своих работах показывал, что изначальная «нордическая религия» была по своей сути монотеистичной, в которой имелось напоминающее классическую Троицу божество: Бог-Отец, Мать и Сын. Для поборников националистического язычества подобные выводы казались кощунственными, то есть «слишком христианскими». Вирт писал: «Мы обретаем уверенность в законах жизни через раскрывавшееся нам во многообразии богатое наследие, через божественное мировоззрение наших предков, через космическое учение Отца Вседержителя и его Сына... Благодаря которым мы можем рождаться и возрождаться из материнских вод, коими окропляется священная Мать-Земля... Осознание этого и обновление духа в нашей крови позволит нам снова стать светоносными Спасителями мира».

Герман Вирт с культовой символикой в руках

В центр космического мифа о Спасителе, который сводился к циклическому бытию – исчезновению, смерти и возрождению божественного Сына, – Герман Вирт поместил фигуру (арийского) «культурного героя», который должен был стать основой для формирования новой религиозности. Если обобщить религиозно-исторические построения Германа Вирта, то его мифический герой должен был как бы проходить ежегодный цикл, состоящий из рождения, смерти, возрождения, что само по себе являлось архетипической схемой. Вершиной этого цикла должно было стать зимнее солнцестояние, когда людям возвещалось о возвращении нордического героя, отпрыска Матери-Земли. Подобные религиозные представления были положены Германом Виртом в его концепцию матриархата, которая несколько отличалась от предложенной Бахофеном теории. Вирт предполагал наличие некой нордическо-матриархальной стадии развития в истории человечества, эпохи «матерей народа». Надо отметить, что матриархально-мифические идеи Вирта, подобно расовой теории равенства полов, выдвинутой Куммером, никогда не воспринимались в фёлькише движении как непреложные истины. Несмотря на то что Герман Вирт пытался использовать сугубо научные средства для доказательства своих предположений, он все-таки использовал некоторые элементы «романтической мифологии». В частности, это касалось представлений о «мудрых женщинах», которых он под названием «прорицательниц» или

«жриц Всематери-Земли» делал центральными фигурами культового матриархата. Герман Вирт писал: «Когда-то женщина была выразительницей и хранительницей нашей древней Божественной свободы... В соответствии с этим мировоззрением и богопознанием мы должны признать, что она носила в себе частицу божественного знания». Словно опираясь на романтические образы ведьм, Герман Вирт писал о «жрицах Всематери-Земли» как о «врачевательницах и акушерках», «хранительницах самых священных преданий».

Подобно тому как Куммер приписывал уничтожение германского равноправия полов инородному влиянию, так и Герман Вирт писал об утрате «мудрыми женщинами» и «матерями народа» своего влияния под воздействием внешних факторов. По его мнению, функцию «жриц Всематери-Земли» перехватили «кельтские шаманы, друиды, которые появились в ранние времена среди германских племен Западной Европы». Друиды были одержимы «оккультным стремлением превратить знания в тайну», что в итоге привело к возникновению «кровавых суеверий». Несмотря на то что Герман Вирт использовал в своих построениях некоторые элементы «романтической мифологии», он был обеспокоен тем, чтобы провести грань между выявленной им «прарелигией» и оккультными суевериями. По этой причине он не раз критиковал ариософию. По мнению Вирта, отказ от религиозного матриархата привел к «почитанию демонов» и использованию «фаллической культовой символики», что являлось признаками «религиозного и расового вырождения». Когда «суеверная церковь» вела борьбу против религиозного наследия «мудрых женщин», то она на самом деле занималась «работой по саморазрушению германцев», что в итоге и привело к преследованию ведьм. Он писал: «Полное изгнание женщины и матери из духовной жизни народа превратило их из равноправных спутниц мужчины в чахнущую служанку, однако в отличие от восточных и южных сестер ее отличали меньшая инстинктивность и большое стремление к одухотворенности».

Согласно Герману Вирту, предполагаемое «возрождение нордической расы» во многом зависело от «самоопределения немецкой женщины», так как «без повторного обретения ее божественного материнства, ее народного первородства любые устремления мужчин оставались бы безрезультатными». В отличие от многих представителей фёлькише движения, которые были противниками феминизма, Герман Вирт настаивал на возникновении «нордического женского движения», которое должно было превзойти феминизм по всем параметрам. Принимая во внимание эту установку, нет ничего удивительного в том, что Герман Вирт стал

привлекать к своей деятельности женщин, входивших в фёлькише движение. Именно эти представительницы фёлькише движения пытались увязать воедино националистическую идеологию и требования, которые выдвигались феминистками. Поскольку далее пойдет речь о восприятии ведьм и колдуний так называемыми «нордическими феминистками», то необходимо подчеркнуть, что фёлькише движение было преимущественно мужским, наличие в нем женщин было скорее исключением, нежели правилом. По этой причине большинство и фёлькише группировок и союзов придерживались антифеминистских лозунгов, а в некоторых случаях даже исповедовали женоненавистническую идеологию. Поэтому нельзя говорить о «нордическом феминизме» как о каком-то широком движении, которое обладало специфическими чертами, существенно отличавшими его от прочих фёлькише организаций. Но нельзя не заметить, что накануне Первой мировой войны в немецком националистическом движении и правых организациях стало появляться все больше женщин. Поначалу это, как правило, были жены и сестры активистов фёлькише движения. Однако ситуация стала меняться в годы Первой мировой войны. Первая «нордическая женская организация» возникла в 1917 году. Она была создана на основе «Общины немецкой веры», которой руководила Маргарет Хункель. Именно на базе этой общины появилось «Немецкое сестринство», располагавшееся в специальном фёлькише поселении Доннерсхаг. Это поселение возникло в качестве одной из практических мер по осуществлению идей Хенчеля (программа «Миттгарт»), которые, как мы помним, были ориентированы на расовую селекцию. Доннерсхаг возник как специальный поселок, в котором планировалось начать «возрождение германской расы». В программе «Немецкого сестринства» говорилось, что ее целью являлось «обеспечение активной духовной немецкой жизни», «забота о процветании кровной общности, которая должна пониматься как богослужение, предполагающее расширение возможностей для женщин реализовать свои расово-материнские функции». Однако надо отметить, что в данном случае ни слова не говорилось о равноправии полов.

Только уже во времена Веймарской республики были предприняты попытки увязать воедино расово-националистическую идеологию и требования предоставления равных прав. Собственно, эта комбинация и может обозначаться как «нордический феминизм». Представительницы этого движения в отличие от классических фёлькише (как мужчин, так и женщин) ни в коей мере не намеревались противопоставлять себя гражданскому женскому движению, в некоторых случаях выказывая даже готовность к сотрудничеству. В борьбе за равноправие полов традиционные

феминистки были готовы смириться с радикальным национализмом, расизмом и антисемитизмом некоторых известных своих соратниц. Например, это относилось к Кете Ширмахер (1865–1930). Сразу же надо оговориться, что «нордический феминизм» в большинстве случаев не являлся представленным обособленными организациями. Его представительницы предпочитали заниматься не столько организационной, сколько просветительской и издательской деятельностью.

Во времена Веймарской республики большинство из поборниц идей «нордического феминизма» были уроженками протестантских земель Германии и входили либо в «Немецко-национальную народную партию», либо в близкий к этой партии «Ринг национальных женщин». С идеологической точки зрения эти организации были весьма близки к «нордическому движению» – в частности, в них разделяли идеи Германа Вирта, Людвиг Клауса и Бернхарда Куммера. Более того, мысль Куммера о том, что у древних германцев имелось равноправие полов с учетом сохранения принципиальных различий между оными, была не просто взята на вооружение «Рингом национальных женщин», но была положена в основу программы этого союза. «Нордические феминистки» в своих публикациях не раз останавливали внимание на идеализируемом «нордическом прошлом», прежде всего, «боевом характере древних германских женщин». Так, например, одна из идеологов «Ринга национальных женщин» – Аделина Риттерсхаус – с опорой на исландские саги и скандинавские предания писала, что «уже во время мировой войны была явлена изначальная сила уверенных и гордых немецких женщин». Она полагала, что это было прирожденным качеством всех «нордических фрау», которое принципиально отличалось от «чуждых, негерманских идеалов женщины восточной культуры». В этой фразе отчетливо читалась мысль о том, что патриархат являлся «типично восточным явлением». То есть происходило противопоставление «восточно-еврейско-христианского женоненавистничества» и якобы имевшегося у древних германцев равноценного отношения к полам. Подобная конструкция и являлась центральным стержнем «нордического феминизма». Если принимать в расчет «романтическую мифологию» XIX века и идеологию некоторых фёлькише группировок, то окажется, что подобные представления не были оригинальными и по большому счету не могут восприниматься как порождение собственно феминистского движения.

Если говорить о деятельности «нордических феминисток», то прежде всего надо обратить внимание на Софи Рогге-Бернер (1878–1955), которая активно сотрудничала с «Немецко-национальной народной партией».

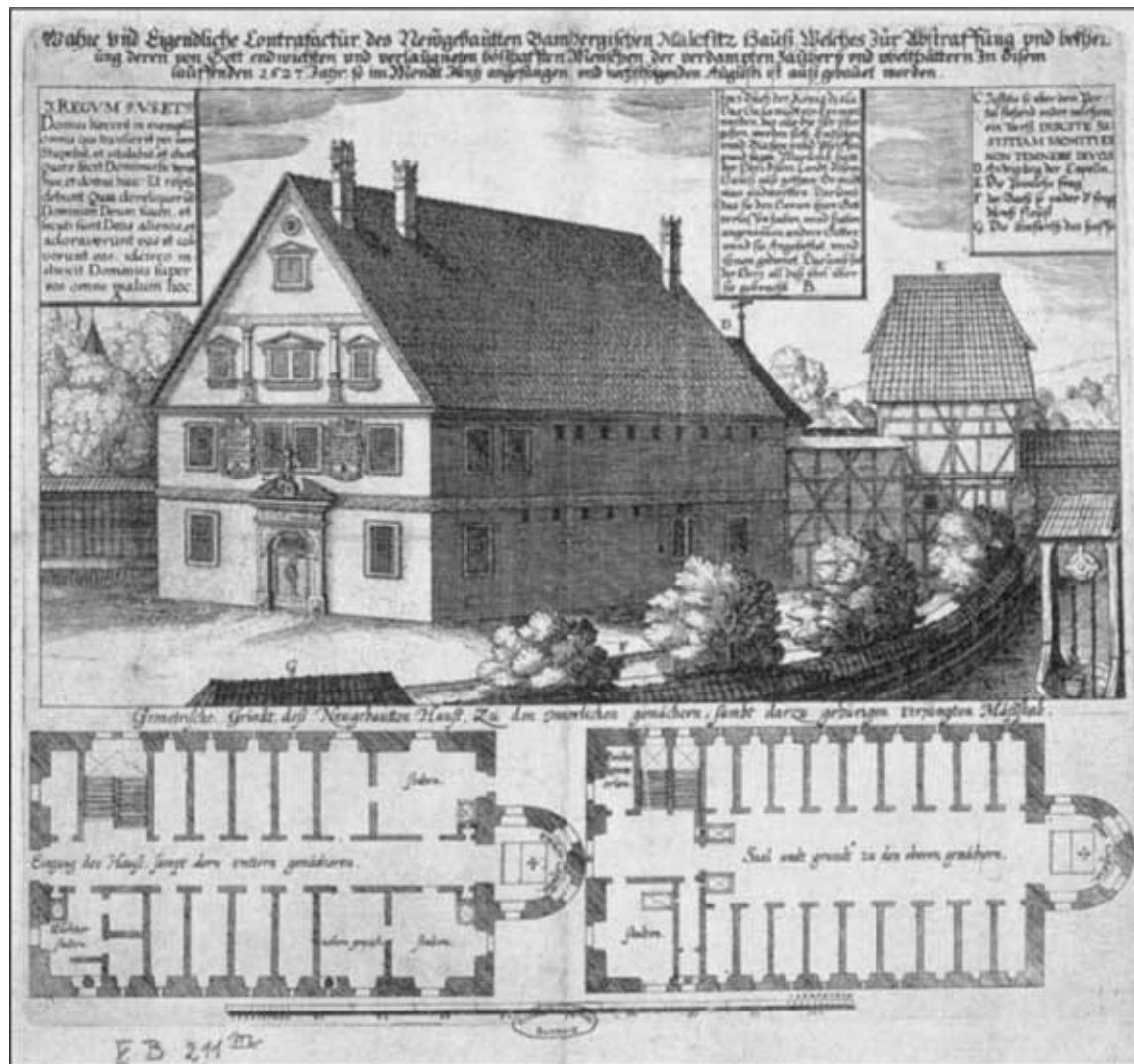
Именно она была инициатором создания «Ринга национальных женщин» – проекта, который по большому счету потерпел неудачу. Рогге-Бернер планировала создать «народное сообщество», которое бы строилось на основе «естественной гармонии» между полами, что предполагало их различия при условии равенства. При этом отбор руководящих кадров для «народного сообщества» должен был основываться исключительно на качественных, а не половых характеристиках. Развивая эти идеи, Софи Рогге-Бернер приблизилась к постулатам современного ей феминизма. Почти сразу же после того, как в январе 1933 года к власти пришли национал-социалисты, она направила письмо Адольфу Гитлеру, в котором предлагала осуществлять отбор будущих руководителей Третьего рейха только лишь на основе расовых критериев, но при этом никак не ограничивать женщин в их общественной деятельности, дать им возможность занимать ведущие позиции в общественной, политической и экономической жизни «новой империи».

Текст этого письма был опубликован в начале 1933 года в сборнике материалов, который назывался «Немецкие женщины – Адольфу Гитлеру». В этом томике также находилась статья, написанная искусствоведом и писательницей Маргаритой Курльбаум-Зиберт (1874–1938). Опираясь на теорию «иудео-христианского женоненавистничества», эта активистка «нордического феминизма» назвала свою статью весьма характерным образом – «Только еврейские порядки не позволяют женщинам быть священнослужителями». В этой статье весьма наглядно отражалась антисемитская составляющая «нордического феминизма». Курльбаум-Зиберт писала: «Только еврейским укладом жизни можно объяснить унижение, которое на протяжении веков испытывала женщина. Ее преследовали еврейские мужчины. Это было самым роковым проклятием, которое получил мир от иудаизма». Этот памфлет был составлен в виде письма, адресованного «любимому фюреру Германии, Адольфу Гитлеру». Это обращение наличествовало не только в начале статьи, но и в других ее частях. Однако это не должно производить впечатление, будто бы представительницы «нордического феминизма» заискивали перед Гитлером. На самом деле они решительно требовали законодательного и политического уравнивания женщины в правах с мужчиной. Писалось о том, что «привлечение женщин наряду с мужчинами к решению ряда проблем могло бы высвободить неслыханные национальные силы». В изображении процессов над ведьмами Маргарита Курльбаум-Зиберт, подобно многим другим исследователям этой проблемы, предпочитала использовать романтическую интерпретацию XIX века. Она говорила об

изначальном «женском духовенстве», которое имелось во времена древних германцев, опиравшихся на понимание германской женщины как «Великой матери» в «ее олицетворении природного естества». Однако не все «нордические феминистки» намеревались ограничиваться требованием равноправия полов, некоторые из них брали на вооружение модель религиозного матриархата, которая была предложена Германом Виртом. К числу таковых принадлежала и Курльбаум-Зиберт, видевшая «истинную причину» преследования ведьм в евреях, по ее мнению, «утративших человеческий облик», а потому беспощадно преследовавших «германских жриц». Именно евреев она делала виновными в том, что «мир впал в ужасающую ведовскую истерию». Она писала: «Миллионы женщин были беспрепятственно и безнаказанно уничтожены во время процессов над ведьмами. Но, несмотря на это, они продолжали противиться истерической воле мужчин, выступали против священников, которые пытались лишить женщину ее последних знаний о тайне Бытия, ее причастности к Богу».

Однако в наибольшей степени идеи «религиозного матриархата» разделяла другая активистка «нордического феминизма» – липпская принцесса Мария Адельхайд Коннопат (1895–1993). Она не просто входила в так называемое «нордическое движение», но и отличилась тем, что в 20-е годы оказывала финансовую поддержку Герману Вирту. Молодая аристократка была околдована его идеями. Однако на самостоятельное творчество она решилась достаточно поздно. Лишь в 1934 году, когда правительство Гитлера уже год как пребывало у власти, она опубликовала работу, которая называлась «Нордическая женщина и нордическая вера». На страницах этой книги она указывала на принципиальные различия между иудео-христианской и нордическо-германской традицией. Как и стоило предполагать, радикальная «нордическая феминистка» предпочла акцентировать внимание на различиях в отношениях полов. Принцесса изображала германских ведьм как участниц «героического Сопротивления», которое они оказывали «иноземной христианской религии». Она писала: «Только после длившихся десятки лет преследований, ужасов и кровопролития нордические женщины были вынуждены оставить свои позиции». По ее мнению, подчинение германской женщины было осуществлено, с одной стороны, при помощи террора, с другой стороны – посредством распространения суеверий и веры в чародейство. Обе эти стратегии достигли своей высшей точки именно в процессах по делам ведьм. Мария Адельхайд Коннопат писала: «Средневековье было ознаменовано ужасающими процессами над ведьмами, которые были связаны с немыслимыми извращениями и

изошренной жестокостью. Подобные мерзости мог выдумать только восточный ум. Пятнадцать тысяч благороднейших женщин и девушек пали жертвами этой кровавой вакханалии. Фанатичные лицемеры нутром чуяли, что надо было преследовать непонятных и противоположных им белокурых, голубоглазых девушек. В этих женщинах была воплощена суть самых мудрых и самых прозорливых жриц древности. Они были намного ближе к божественной природе, нежели к демонам и преисподней, что провозглашалась иноземцами».

Тюрьма для колдуний и ведьм

Принцесса Мария Адельхайд изобразила жертв этих преследований как одних из ключевых исторических фигур. В своих построениях она опиралась не столько на языческие культы, сколько на сам статус

«германских мучениц». Она писала: «Мы, германские женщины современности, с радостью готовы принять на себя груз ответственности “ведьм” – преследуемых, истязаемых и сожженных женщин. Мы приветствуем их как благородных и свободных сестер! Мы клянемся, что их невинная кровь не была пролита зря. Они оживают в нас, хотя между ними и нами лежат года столетий. Они помогут нам победить в душе ту церковь, что, прикрываясь “любовью к ближнему”, обрекла их на мучения и терзания. Никакое хорошее дело не может начаться с пролития благородной крови». Если принцесса Мария Адельхайд Коннопат предпочитала опираться на идеи Германа Вирта, то другая «нордическая феминистка» – Фридерика Мюллер-Раймербес – предпочитала избрать в качестве идейной основы работы Бернхарда Куммера. Отличительной чертой ее интерпретации «ведовского вопроса» являлся более чем нехарактерный для «нордических феминисток» и активисток фёлькише движения упрек, адресованный «немецкому мужчине», который на протяжении веков пребывал под влиянием «чуждых» (читай – восточных, еврейских) обычаев. Она писала, что немецкие мужчины «подменили собственный героизм восточной маскулинностью, то есть предали свою расу». По мнению Фридерики Мюллер-Раймербес, эти процессы достигли своего апогея как раз во времена Средневековья, когда преследовались ведьмы. «Это полное вырождение немецкого сообщества мужчин позволило нанести страшнейший урон. Отдать равных мужчинам женщин на растерзание кровавым палачам, опиравшимся на “Молот ведьм”, – было преступлением». Во имя искупления «миллионов жертв», которые принесли женщины в ходе «религиозной освободительной борьбы», которая имела своей оборотной стороной преследование ведьм, по мнению Фридерики Мюллер-Раймербес, было необходимо возродить «собственную кровную религию». Для этого надо было привлечь к сотрудничеству «расово сознательных женщин».

Генерал Людендорф

Если говорить о женщинах, представленных в фёлькише движении, то вне всякого сомнения самой влиятельной из них была Матильда Людендорф (1877–1966), вторая супруга героя Первой мировой войны генерала Эриха Людендорфа (1865–1937).

Ее исключительное положение в фёлькише движении основывалось на том, что Матильда являлась, по сути, главным идеологом «Движения Людендорфа». Эта политическая организация состояла в основном из людей, отколовшихся от национал-социалистов. Несмотря на то что в 20-е годы «Движение Людендорфа» было одной из самой видных фёлькише организаций, оно так и не смогло превратиться в массовое движение. Гитлер и Людендорф являлись инициаторами осуществления так называемого «пивного путча», который закончился провалом в ноябре 1923 года. После того как Гитлер вышел из тюрьмы, между ними произошла ссора. К тому времени Эрих Людендорф возглавлял Союз «Танненберг», радикальное националистическое объединение, которое на некоторых

этапах Веймарской республики даже могло составить конкуренцию НСДАП. Однако к началу 30-х годов стало ясно, что «Движение Людендорфа», не способное к сотрудничеству с другими националистическими союзами, фактически полностью утратило свое бывшее влияние. То, что «Движение Людендорфа» занимало очень жесткую позицию в отношении других организаций и неохотно шло на сотрудничество с ними, во многом было предопределено позицией Матильды Людендорф. Созданная ею идеология весьма напоминала установки фёлькише сект, которые занимали враждебные позиции в отношении христианства.

Матильда Людендорф

Будущая идеолог «Движения Людендорфа» урожденная Матильда Шписс выросла в семье протестантского пастора, где царили весьма либеральные нравы. Возможно, именно по этой причине Матильда очень рано занялась поиском «своего пути», который отличался от

христианского. В юности она большое значение придавала естествознанию. Она сотрудничала с уже упоминавшимся выше натуралистом Эрнстом Хекелем, от которого почерпнула идеи монизма, а также с известным в свое время психиатром Эмилем Креплином (1856–1926). Принимая активное участие в деятельности «Союза немецких женских объединений», Матильда Шписс приобрела определенную известность как одна из первых немецких женщин, которая после окончания университета смогла получить ученую степень. Кроме участия в женских организациях Матильда активно себя проявила как поборница идей изменения «традиционной половой морали». Постепенно она стала отходить от вопросов естествознания, все больше и больше уделяя внимание формированию «немецкого вероисповедания», которое должно было быть расово-религиозной идеологией.

В силу того что Матильда Людендорф очень рано стала возвращаться в кругах фёлькише движения, то она восприняла как сами собой разумеющиеся идеи относительно того, что «иудео-христианство презрительно относилось к женщинам», в то время как у древних германцев якобы процветало равноправие полов. Пытаясь предельно точно оформить идею о якобы имевшемся равноправии полов при учете их принципиальных различий, Матильда Людендорф сформулировала тезис о том, что германцы воспринимали «женщину как зрелого свободного человека». При этом христианизация Германии (по ее мнению) привела к принципиальному изменению в отношениях полов. Якобы «новая религия» сделала «женщину подчиненной в браке и не имеющей права голоса в общественных делах и государстве». Подобно «нордическим феминисткам», Матильда Людендорф очень тесно увязывала эти процессы с преследованием ведьм. Их сожжение она изображала как жертвоприношение мстительному еврейскому божеству: «Вновь и вновь, подобно вещим норнам, немецкие женщины припадали к источнику Сущего, чтобы оживить засохшую ветвь ясеня. Поскольку умирание дерева было неизбежно во времена бедствий, то некоторые из белокурой норн были сожжены под видом “ведьм” во славу Яхве». Несмотря на то что многие из идей Матильды Людендорф в свое время подвергались критике эзотериков из числа фёлькише, упоминание «германских норн» и «пророчиц» явно указывает на ариософское и теософское влияние.

Рисунок В. Вильриха, на котором изображена Матильда Людендорф

Скорее всего, Матильда Людендорф испытала его во время, когда она входила в «Общество Эдды», возглавляемое Горслебенем. Принимая во внимание этот факт, уже не кажется удивительным, что она пропагандировала идеи «расовой наследственной памяти», которая передавалась из поколения в поколение. Центральной идеей написанной Матильдой Людендорф книги «Душа: происхождение и ее суть» являлись представления о том, что душа «расово совершенных людей» являлась «Божественной частицей». В данном случае ее построения не очень сильно отличаются от самообожествления и духовно-метафизических фантазий, которые себе позволяли многие из представителей ариософии. Однако имелись и заметные различия. Так, например, Матильда Людендорф осознанно отказалась соединять «расовую религию» со специфическими культами, ритуалами и эзотерическими приемами, полагая их «опасным суеверием». Более того, она активно развивала тему борьбы против оккультизма как формы «индуцированного помешательства». В данном

случае видно, что главная идеолог «Движения Людендорфа», с одной стороны, вела активную борьбу против академической науки, с другой – с суевериями и оккультизмом. Говоря о ведьмах, она полагала веру в них «опасным суеверием», следуя в данном вопросе рациональной антиклерикальной традиции, присущей многим научным исследователям.

Матильда Людендорф считала, что иллюзии относительно ведьм насаждались орденом иезуитов. Борьбе против иезуитов супружеская чета Людендорфов в 1929 году посвятила памфлет, который назывался «Тайны власти иезуитов и ее конец». В целом «Движение Людендорфа» уделяло очень много внимания преодолению так называемой «надгосударственной власти». Предполагалось, что «представители надгосударственной власти» непрестанно вели войну против «германского расово-религиозного образа жизни», выступая в качестве закулисных актеров, которые насаждали в Европе различные суеверия и оккультизм. В данном случае идеология «Движения Людендорфа» являлась одной из разновидностей конспирологических конструкций, веры во всемирный заговор. В отличие от классических теорий, где главными «виновниками» всех социальных и политических потрясений выступали евреи и масоны, супруги Людендорф большое внимание уделяли иезуитам. Впрочем, в данном случае иезуиты выступали всего лишь как «разновидность» евреев, так как, с одной стороны, «маскировались, чтобы обращаться к одичавшим толпам», но в то же самое время они (иезуиты) намеревались «создать тысячелетнее царство Яхве», для чего и распространяли злокозненную веру в ведьм. По этому поводу Матильда Людендорф писала: «По праву может считаться, что самым страшным сумасбродством, которое на протяжении тысячелетия христианство прививало народам, является иллюзорная вера в ведьм. Тысячи людей погибли или были искалечены, подвергнувшись пыткам, став жертвой этого страшного заблуждения. Но в то же самое время только немногие догадываются о том, что к формированию этого ужасающего суеверия приложил руку орден иезуитов. Именно он подгонял палачей, которые тащили женщин на костер. Это является очевидным доказательством того, что иезуиты всячески противились научному объяснению многих событий, предпочитая культивировать фанатизм». В данном случае иезуиты были вдвойне виновны в преследовании ведьм. Во-первых, они были авторами суеверий и заблуждений, которые распространялись среди европейцев. Во-вторых, они выступали в роли непосредственных инициаторов уничтожения множества людей, что было вызвано мнимой попыткой ликвидации этих суеверий. По мнению Матильды Людендорф, «евреи и иезуиты» специально распространяли

среди «еретиков» (то есть недовольных положением вещей людей) «оккультные теории», частным случаем которых являлась вера в ведьм, чтобы иметь удобный повод для уничтожения «оппозиционеров».

Используя цитаты и выдержки из различных иезуитских документов, Матильда Людендорф приходила к выводу, что этот орден был непосредственно виноват в преследовании ведьм. Заключение о том, что иезуиты давали «теоретические указания по массовым убийствам», в данном случае едва ли может быть удивительным. Супруги Людендорф изначально были убеждены, что представители ордена распространяли «инструкции» о том, как «обречь на сожжение и повешение тысячи женщин». В конечном счете Матильда Людендорф полагала, что преследование ведьм являлось всего лишь предлогом, чтобы «вырезать белокурых матерей и девушек, принадлежавших к германской расе». Опираясь на письма и трактаты испано-голландского иезуита Мартина Дельрио, она провозглашала, что некоторые из местностей пришли в полное запустение, так как там были уничтожены почти все женщины.

Чтобы избежать обвинений в конфессиональной предвзятости, то есть когда вина за уничтожение германских женщин возлагалась только на католических иезуитов, в 1934 году Матильда Людендорф совместно с Вальтером Лёде опубликовала работу, которая называлась «Христианская жестокость в отношении немецких женщин». В ней большое внимание уделялось делам, когда ведьм преследовали протестантские священнослужители. При написании этой работы упор был сделан на дела состоявшегося в 1617–1619 годах в Магдебурге процесса над колдуньями. В данном случае видно, что в отличие от многих фёлькише, которые предпочитали говорить в первую очередь о вине католиков, Матильда Людендорф пыталась возложить вину на христианство в целом. В итоге она приходила к заключению, что надо было «освободить христианство от библейской веры в демонов». Это должно было стать залогом того, что «христиане искупят свои прошлые злодеяния, которые более не повторятся». Говоря об «уничтожении 9 миллионов ведьм», Людендорф подразумевала «наиболее качественных и (расово) выдающихся женщин». В конце одной из своих работ она делала предостережение, что «многочисленные христиане даже сейчас надеются на возвращение этих ужасных и жестоких методов».

Кроме Матильды Людендорф в движении ее супруга имелось еще несколько женщин, которые предпринимали попытки если не сформировать, то хотя бы оформить идеологию. Одной из них была Лена Освальд, которая в 1933 году опубликовала статью «Немецкая женщина –

служанка или спутница?». В этом материале автор делала большой экскурс в «колдовскую проблему». Освальд исходила из привычного для фёлькише посыла, что «оценка немецких женщин, основанная на крови, была коварно разрушена еврейско-христианскими врагами». Она писала: «Конечно же, если народ обладал такими женщинами, то он был непобедимым. Именно по этой причине Рим и евреи вынесли им свой приговор». Для того чтобы одержать победу в войне между «свободолюбивыми немецкими женщинами» и «Римо-Иудеей», церковь инициировала преследование ведьм. Лена Освальд писала в своей статье: «Церковь небезосновательно видела самую большую угрозу для себя в пробуждении германской женщины. Именно поэтому чудовищные гонения на ведьм продолжались несколько веков кряду. Поиск белокурых жертв начался с северных территорий». Однако в своей статье Освальд предпочитала сосредоточиться на женском героизме, причем его описание вращалось вокруг понятий, которые в националистической литературе являлись уделом «мужского героизма». Борьба и самопожертвование после легкой трансформации становились прирожденными чертами германской женщины: «И сколько героизма было во всем этом! Как мужественно они шли на истязания, не зная своей вины, которую им пытались внушить священники. Они не признавали ее, когда им ломали кости, протыкали гвоздями, прижигали каленым железом, закапывали живьем, медленно убивали на огне. Рим беспощадной рукой сорвал и растоптал цветы нашего народа».

Как видим, для «нордических феминисток» тема ведьм и колдуний всегда была весьма привлекательной. Причину преследования ведьм они видели в попытках дискриминации женщин, что было порождением «чуждого влияния». В данном случае главным виновником «женского геноцида» провозглашался «восточно-еврейский патриархат», который был воспринят и воспроизведен в христианских обычаях. Опираясь на этот тезис, «нордические феминистки» могли спокойно продолжать старые антиклерикальные традиции, которые слегка трансформировались при помощи примесей расовых теорий. При этом большинство из них пыталось избежать при обозначении роли женщин «языческих образцов», равно как и образов, позаимствованных из «романтической мифологии». Впрочем, при изображении древнегерманских жриц и пророчиц нельзя провести четкую грань между «мужскими» и «женскими» интерпретациями. «Нордические феминистки» предпочитали показывать героические качества германских женщин – силу, боевую отвагу, самоотверженность, – но при этом все-таки не предлагали принципиально нового объяснения

причин преследования ведьм. Если же все-таки попытаться определить специфику «мужских» и «женских» образов ведьм, которые бытовали в фёлькише движении, то в первом случае речь шла о «метафизической прародительнице расы», а во втором – скорее о «германской мятежнице».

Глава 4. «Колдовская проблема» и официальный национал-социализм

Поскольку национал-социалистическая идеология восприняла очень многие элементы, присущие идеологии фёлькише движения, то она не могла обойти стороной такой вопрос, как преследование ведьм, который, как мы показали в предыдущих главах, мог иметь вполне конкретные расово-политические интерпретации. В период с 1934 по 1937 год в Третьем рейхе было опубликовано несколько работ^[7], которые касались «ведовского вопроса». Их авторы принадлежали к различным мировоззренческим лагерям. С одной стороны можно было увидеть представителей близкого к Альфреду Розенбергу «нордического движения» и в некоторой степени контролируемого Розенбергом «Немецкого вероисповедания» (Deutsche Glaubensbewegung). На другой стороне можно было заметить представителей «Общества Гёрреса», которое должно было способствовать развитию наук в католическом духе, а также авторов некоторых католических издательств. Если говорить о профессиях авторов этих работ, то они были фольклористами, нордистами, религиоведами, юристами и т. д. По большому счету дискуссия о ведьмах, которая шла в Третьем рейхе, являлась продолжением споров, касавшихся книги Альфреда Розенберга «Миф XX века», часть которой как раз была посвящена проблеме интерпретации чародейства и колдовства. То есть споры, которые шли в Третьем рейхе (насколько это было вообще возможно в тех условиях), являлись продолжением мировоззренческого противостояния, уходявшего своими корнями в начало 30-х годов.

Альфред Розенберг

Гитлер не раз характеризовал Альфреда Розенберга (1893–1946) как «нашего партийного догматика». Розенберг был не просто ветераном национал-социалистической партии, а вступил в «Партию немецких трудящихся» (позже преобразованную в «Национал-социалистическую партию немецких трудящихся») до Гитлера, то есть был одним из отцов-основателей НСДАП. Если говорить о творчестве Альфреда Розенберга, который быстро сделал партийную карьеру в качестве политического журналиста («партийный солдат от журналистики»), то Армин Молер в своем фундаментальном исследовании «Консервативная революция в Германии» характеризовал его как компилятора, «чьи книги являлись сборником выдержек из ранее прочитанных трудов». По большому счету именно так можно воспринимать опубликованную в 1930 году книгу «Миф XX века. Оценка духовно-интеллектуальной борьбы нашего времени». Эта книга была объемным произведением, чьей главной задачей являлась жесткая полемика с христианством. Розенберг планировал противопоставить «хаотичному и разложившемуся» «сирийско-еврейскому

мифу», которого якобы придерживалось христианство, новый миф – «миф крови», который должен был являться основой для возникновения «новой религии».

Альфред Розенберг исходил из того, что со времен Средневековья друг другу были противопоставлены две силы. С одной стороны находилось претендующее на «физическое и духовное господство» властное папство, а на другом полюсе располагался германский народ, желавший обрести не только национальную независимость, но и «свободу совести и свободу вероисповедания». Написав «Миф XX века», Розенберг провозгласил курс на мировоззренческую революцию, которая должна была с идеологической точки зрения укрепить ряды НСДАП. Сразу же надо оговориться, что книга Розенберга не пользовалась большой популярностью среди национал-социалистов, которые считали ее слишком тяжелой для прочтения. Как-то в одной из частных бесед даже Гитлер отметил, что смог осилить только небольшую часть из нее. Однако поскольку до прихода к власти национал-социалистов, который произошел в 1933 году, у НСДАП не было кроме «Майн кампф» Гитлера никакого другого программного труда, то «Миф XX века» автоматически провозгласили второй «Библией» нацизма. Эта книга поначалу была рекомендована для изучения в подразделениях партии, в гитлерюгенде, в Имперской трудовой службе и т. д. При этом сам Розенберг изображался как «сияющий герой национал-социалистического мировоззрения». Со временем изучение «Мифа XX века» стало неотъемлемой частью всего мировоззренческого обучения в НСДАП.

Теологи обратили внимание на «Миф» по большому счету только после того, как в январе 1934 года Альфред Розенберг был назначен ответственным за все духовное и мировоззренческое воспитание в НСДАП. Реакция на книгу не заставила себя ждать. 7 февраля 1934 года она попала в индекс книг, запрещенных Ватиканом. Одновременно с этим и католики, и лютеране организовали мощную протестную дискуссию, которая касалась именно «Мифа XX века». В данном случае уловка состояла в том, что «Миф» критиковался не как программное произведение национал-социалистического движения, а как личная точка зрения Альфреда Розенберга (эти слова он позволил себе в предисловии к своему труду). И католики, и протестанты оценивали «Миф XX века» и желание Розенберга сформировать новое мировоззрение как вмешательство во внутренние дела церкви. Многие из церковных деятелей принципиально отказывались от комбинирования расовых теорий с религией и нравственностью, трактуя подобный синтез как «лжеучение». Для них «религия крови» полностью противоречила христианству. На церковных собраниях, где обсуждался

«Миф XX века», все чаще и чаще стали звучать слова о том, что «религия крови» была «новым язычеством». После этого последовала массированная кампания, которая была направлена и против «Мифа», и против Альфреда Розенберга. Обычно церковная пропаганда осуществлялась в форме докладов, статей в церковных вестниках, обращениях, звучащих с кафедры. Все они были направлены против «лжеучения», созданного Розенбергом. Дело дошло до того, что при архиепископе Кёльнском возникло подобие «центра сопротивления», который координировал деятельность церковных деятелей, намеренных выступить против национал-социалистической пропаганды (в той ее части, что противоречила христианству). Именно по инициативе указанного архиепископа началась исследовательская работа, в ходе которой теологи и близкие к церкви научные деятели занялись изучением работы Розенберга. В итоге на свет появились «Исследования Мифа XX века», которые были более известны под названием «Штудии». Это была коллективная работа католических исследователей, которые намеревались создать нечто вроде пособия, предназначенного для церковных общин. «Штудии» были впервые напечатаны в 1934 году в качестве приложения к «Церковному вестнику Кёльнской епархии». Эта книжица тут же была распространена по всей Германии. После появления на свет «Штудий» последовало написание еще нескольких критических работ, в которых как католические, так и протестантские деятели выражали немалое возмущение «Мифом XX века». В некоторых случаях интонации у церковных иерархов были самые что ни на есть воинственные.

В этой ситуации Розенберг и подконтрольные ему структуры не собирались бездействовать. Сторонники идеи создания «новой религии» родили несколько принципиальных статей, в которых пытались защитить Розенберга «от нападков анонимных авторов “Штудий”». После окончания войны один из церковных деятелей, принимавших участие в написании «Штудий» – Вильгельм Нойсс, – сообщал, что этот коллективный труд в 1934 году «наверное, был самой читаемой книгой в Германии».

Что же так возмутило католиков и протестантов? Поводов для негодования было несколько, и один из них относился непосредственно к теме нашей книги. Проблема колдуний и преследования ведьм проявлялась на страницах «Мифа XX века» в самых различных главах. Именно эти идеи и пытались опровергнуть авторы «Штудий». В дискуссию о ведьмах оказалось вовлечено множество людей, представлявших как интересы церкви, так и Альфреда Розенберга. Ведовская тематика буквально в считанные недели приобрела острый политический характер. Впрочем,

надо оговориться, что противостояние в трактовке процессов над ведьмами и колдуньями никогда не оканчивалось, начавшись со споров XIX века. Именно тогда Зольдан и Хансен высказали мысль, что вера в ведьм имела восточные корни. Им возражал Якоб Гримм, который пытался доказать, что ведовство было составной частью германского язычества, чьи следы прослеживались вплоть до Средних веков. Возобновившись в 30-е годы, эта дискуссия, чьи методы все менее и менее напоминали научные, была крайне нежелательна для так называемого «умеренного крыла» НСДАП, которое не решалось отдать предпочтение одной из двух точек зрения. Поддержка церковных кругов была чревата обвинениями в «пособничестве политическому католицизму». В то же самое время в НСДАП у Розенберга было множество конкурентов и противников, которые не желали усиления его позиций. В любом случае культурно-научная тема, которая всегда порождала множество самых различных выдумок и спекуляций, в Третьем рейхе внезапно оказалась политизированной, что вывело споры на новый мировоззренческий уровень.

Едва ли имеет смысл повторять все доводы, которые звучали в ходе этой идеологической перепалки, тем более что часть из них была уже изложена в предыдущих главах. Куда более интересными кажутся построения, которые сделал Альфред Розенберг в «Мифе XX века». Он не раз пытался выдать «Миф» за концептуальное произведение собственного авторства, но на самом деле эта книга была сборником цитат из ранее уже опубликованных научных и околonaучных работ. Если говорить о проблеме ведовства и преследования ведьм, то Розенберг использовал работу весьма спорного историка Альберта Грюнведела. Нередкие обвинения в адрес Розенберга, что он «забыл» упомянуть ее в списке использованной литературы, не соответствуют действительности. В «Мифе XX века» имеются отсылки к этой работе. Небольшое исследование Грюнведела, увидевшее свет в 1922 году, было посвящено культуре этрусков. Автор приходил к выводу, что азиатская (восточная) магия этрусков стала основой для представления о ведьмах. Основанием для подобного рода утверждений стали якобы имевшиеся у этрусков ритуальные жертвоприношения детей, а также наличие изображения козлоглового демона. По мнению Грюнведела, эти компоненты перешли со временем в европейскую мифологию, став основой для многочисленных суеверий. Розенберг развил эту мысль, превратив ее в некую теорию.

По мнению Розенберга, этрусские ведьмы склоняли мальчиков за деньги пройти обряд жертвоприношения – «стать козликом», то есть быть принесенным в жертву «демоническому козлу». Считалось, что после этого

мальчик «в пламени возносится на небеса». Для Розенберга это было «доказательством прародинности сущностей ведьм и сатанизма на европейской земле», которые уходили своими корнями к этрускам. Он делает предположение, что подобного рода обряды вызвали жесткое неприятие у «нордических» греков и римлян, которые попытались очистить Средиземноморье от «этрусского омерзительного наследия». Однако Рим не смог избавиться от этрусских жрецов – гаруспиков, которые сопровождали почти всех римских императоров. «Рим не мог преодолеть гаруспика... Самого Суллу сопровождал гаруспик Постимиус, позже Юлия Цезаря сопровождал гаруспик Спурийна». В фигуре гаруспика Розенберг видел не только прототип колдуна, но и папы римского. Ставя знак равенства между колдовством и католичеством, Розенберг писал: «Колдун как демоническая фигура так же мало нуждается в мышлении своих приверженцев, как и в их действии, свидетельствующем о сознании чести. Он должен быть последователен в стремлении обезопасить свою позицию, всеми имеющимися в его распоряжении средствами исключить и то и другое. Он должен культивировать человеческие страхи и истерическую предрасположенность; он должен проповедовать ведьманию и демонизм; запретом, огнем и мечом он должен препятствовать всякому исследованию, которое может привести к другим результатам или и вовсе к освобождению от всей представляемой колдуном картины мира. Колдун должен бросить Роджера Бэкона в тюрьму, как Галилея; он должен дело Коперника предать анафеме и пытаться уничтожить все идейные системы, которые стремятся утвердить честь, долг и мужскую верность – т. е. учения, обращенные к возвышенным личностям, – в качестве сил, формирующих жизнь. Отразить попытку внедрения мистико-демонического мировоззрения колдуна в мировую политику – значит написать историю римских догм и Римской церкви».

Средневековое представление о шаттше ведьм

В своих рассуждениях главный догматик национал-социалистической партии был не слишком своеобразным. Используя уже имевшиеся на тот момент идеологические и научные конструкции, он попытался придать видимости некой научности. Однако если теоретики фёлькише движения выводили веру в ведьм из иудео-христианского наследия, то Розенберг производил ее от неизжитой азиатской культуры этрусков. Он писал: «К этому этрусскому гаруспику возвращается и “наше” средневековое мировоззрение, та страшная вера в колдовство, та ведьмомания, жертвой которой пали миллионы жителей Запада, и которая отнюдь не умерла с “Молотом ведьм”, а продолжает весело жить и в современной церковной литературе, готовая в любой день вернуться на простор». Но в отличие от многих фёлькише эзотериков Розенберг не планировал возрождать язычество, а всего лишь задумывал «очистить христианство». На это

указывает следующий пассаж из «Мифа XX века»: «Подобно тому, как вакхическая культура и культ фаллоса стремились разложить древнегреческую цивилизацию, так и этрусское учение об аде и ведьмомании перечеркивают, по возможности, любой порыв нордического познания мира. С рассказом об изгнании злых духов Иисусом Христом эта сирийская магия до сегодняшнего дня пристала к христианству». Подобно Бернхарду Куммеру, Альфред Розенберг говорил о том, что европейский человек оказался заложником собственной двойственности: «Это два мира, которые разрывали сердце средневекового человека с нордическими задатками: малоазиатское, пугающее, взлелеянное церковью представление об ужасах преисподней и стремление быть “свободным, прямым и здоровым”. Германец может творить, только пока он свободен, и только там, где нет ведьмомании, возникают центры европейской культуры».

Авторы «Штудий» пытались опровергнуть созданную Розенбергом историческую картину. В частности, они стремились доказать, что вера в ведьм была распространена как на Востоке, так и на Западе, в частности у древних кельтов и германцев. Кроме этого указывалось, что после раскола, «устроенного Лютером, Цвингли и Кальвином», в немецких землях преследование ведьм не пошло на спад, а наоборот, стало нарастать. В «Штудиях» была предпринята попытка показать, что «в Риме происходило совсем немного судебных процессов над ведьмами, которые полностью прекратились к XVII веку, в то время как в Германии злосчастные заблуждения продолжали бытовать вплоть до XVIII века». Вывод был прост – ошибочные представления о колдунях и ведьмах пришли в Германию не из Рима или из Этрурии, а являлись древнегерманским наследием, которое, «к великому сожалению, не было изжито церковью».

Альфред Розенберг был весьма поражен появлением «Штудий», прежде всего обвинениями в том, что «Миф XX века» не имел никакого отношения к научным исследованиям. Не имея возможности, да и желания самому вступать в дискуссию, он предпочел обратиться за помощью к своим знакомым. Например, он попросил подготовить опровержение «Штудий» писателя и германиста Альфреда Миллера, который являлся выходцем из фёлькише движения и был известен своим радикальным антисемитизмом. После некоторых раздумий Миллер согласился взяться за это задание. Сам Миллер не считал себя специалистом по церковной истории, однако Розенберг пообещал выпустить его книгу большими тиражами, что обещало принести неплохие гонорары. В итоге в 1935 году на свет появилась работа, которая назвалась «“Наука” на службе мракобесов». В ней имелась большая глава, посвященная как раз проблеме

преследования ведьм и колдуний. Главным выводом была мысль о том, что «в переходное время, когда германские традиции смешивались с христианскими обычаями», попытки запугивания людей привели к их «духовному вырождению», главной носительницей которого являлась именно католическая церковь.

Будучи опубликованными в октябре 1934 года, «Штудии» получили большой резонанс за пределами Германии. В первую очередь это относилось к церковной прессе. В то же самое время сторонники Розенберга были весьма разочарованы тем, что тот не дал никакого отпора. Казалось бы, он вообще не собирался реагировать на появление «Штудий». Матиас Циглер, один из сотрудников ведомства Альфреда Розенберга, написал в те дни: «Что думает делать Розенберг? Почему он не защищается? Почему он не прибегнет к поддержке со стороны власти? Почему он не выступит против безумцев, которые уже видят себя с нимбом мучеников? Почему он не отвечает?» Ответ Розенберга последовал несколько месяцев спустя. В 1935 году Альфред Розенберг издал пропагандистскую работу «Мракобесы нашего времени». Она оказалась не слишком убедительной, так как по большому счету повторяла тезисы относительно колдуний, которые уже ранее были изложены в «Мифе XX века». Они были лишь несколько расширены цитатами из иезуитских документов. В рамках этой заочной дискуссии Розенберг в очередной раз провозгласил католическую церковь виновной в «господствующем на протяжении тысячелетия демонизме». Рим, по его мнению, «уничтожил бесчисленное количество немецких матерей», намереваясь тем самым «укрепить свою политическую тиранию».

В то время как шла дискуссия между Розенбергом и церковными кругами, в ситуацию вмешался Генрих Гиммлер. Именно он и Розенберг считались главными сторонниками создания «новой религиозности», отличной от христианской. 16 ноября 1935 года Гиммлер выступил на общеимперском крестьянском праздновании с речью «СС как антибольшевистская боевая организация». В ходе выступления рейхсфюрер вышел за рамки обозначенной темы и призвал «вернуть долги мировому еврейству», чьими жертвами пали немецкие ведьмы: «Во многих случаях мы можем предвидеть, что еврей, наш извечный враг, прикрываясь какой-то личиной, вел игру своими кровавыми руками... Мы видим, как судебные процессы зажигали костры, на которых обращались в пепел бесчисленные тысячи женщин и девушек нашего народа». После рейхсфюрера эту тему развил «главный историк» Имперского продовольственного кабинета Хорст Рехенбах, который руководил в этой

структуре «Главным управлением Г» («Крестьянство в вопросе крови»). Он живо рисовал картины демографического упадка в Германии, который пришелся на прошедшее тысячелетие. Причину этого он видел в потере самой ценной крови женщин и девушек, сожженных на кострах во время преследования ведьм и еретиков. «Эти заблуждения стоили нам сотен тысяч жизней, потерянных в равной степени и в католических, и в протестантских областях». Вывод был почти традиционным для фёлькише движения: евреи, используя христианизацию Германии, не только уничтожили «биологические корни» здоровой народности и ликвидировали остатки истинно немецкой культуры, но и при помощи католического Рима извели множество тысяч носительниц этой драгоценной культуры. И тут от Гиммлера последовал несколько неожиданный пассаж: «Исторические свидетели мировоззренческой борьбы германских племен – средневековые ведьмы и волшебники – должны быть вписаны на кроваво-красные знамена национал-социалистического движения!»

Изучение процессов над ведьмами могло стать очень выгодным козырем в руках эсэсовского руководства. Именно в 1935 году стало очевидно, что национал-социалисты проигрывали спор о ведьмах, так как у них не хватало веских аргументов. А потому «колдовские процессы» превратились в политическую задачу. О том, что эсэсовское руководство, намеревавшееся создать собственную эрзац-религию, рисковало проиграть битву за расово чистое немецкое крестьянство, говорили тайные донесения гестапо, датированные 1935 годом. В них говорилось о необходимости обоснования нового «германизированного» крестьянского календаря, изданного Имперским продовольственным кабинетом. Дело в том, что в январе 1935 года по стране буквально прокатилась волна акций протеста, организованных церковными деятелями в среде крестьянства. Католический епископат не устраивало, что в новом крестьянском календаре отсутствовали традиционные христианские праздники. Резолюция епископата была более чем решительной: «Этому календарю не место в немецкой христианской семье крестьян». Особое возмущение у церковников вызвала следующая запись в календаре: «Страстная пятница: поминаются 4500 саксонцев, убитых Калом Мясником (Карлом Великим – от автора), равно как и все пострадавшие еретики, поборники веры и ведьмы». Католическая церковь была не намерена мириться с подобными выходками. В одной из берлинских газет даже появилась заметка, в которой новый крестьянский календарь назывался «образцом исторического вздора, слепого антихристианского фанатизма». Трирский епископ пошел еще дальше. В ответ на заявление, что «9 миллионов уничтоженных еретиков

являются плодом церковной ненависти», он провозгласил с амвона, что подобные календари разрушают «народное сообщество» Третьего рейха. Принимая во внимание доводы, к которым прибегал Альфред Розенберг, можно было предположить, что натиск католиков привел бы к тому, что он мог оказаться в лагере расового фанатика Вальтера Дарре, который в начале 30-х годов был личным другом Генриха Гиммлера. Однако этого не произошло. Дело в том, что отношения между главным идеологом нацистской партии и эсэсовским руководством всегда носили напряженный и даже враждебный характер.

В какой-то момент могло показаться, что католическая сторона стала одерживать верх. 12 января 1935 года представитель пресс-службы Имперского руководителя крестьян, предвидя многочисленные возмущенные петиции, ходатайствовал перед Гиммлером о запрете «нехристианского календаря». Эти документы оказались тут же на столе у шефа службы безопасности СС Рейнхарда Гейдриха. Не опасаясь бурной реакции со стороны католической церкви, полицейские органы 22 января 1935 года дали ответ, в котором говорилось, что о запрете календаря не могло быть и речи. Между тем скандал вокруг крестьянского календаря вышел за границы Германии. Его уже обсуждали в швейцарской и в голландской прессе. Национал-социалистам удалось изобразить открытые общественные протесты некоторых крестьянских лидеров, например графа Дросте, «личной точкой зрения». Но этих объяснений было явно недостаточно, и 26 февраля 1935 года Имперский продовольственный кабинет пошел на уступку, решив все-таки частично ограничить распространение календаря. После этого гестапо в Мюнстере сообщало: «После заявления Имперского руководителя крестьян тайная государственная полиция больше не в состоянии препятствовать акциям протеста, направленных против календаря». В итоге местные эсэсовские чины просили охарактеризовать эти мероприятия как «неполитические» и изъять из компетенции гестапо. Однако реакция Гиммлера была совершенно иной. Он потребовал наказать тех крестьянских региональных лидеров, которые поддерживали «клерикальные настроения». Под давлением руководства СС Вальтер Дарре, который являлся не только имперским руководителем крестьян, но и высокопоставленным эсэсовцем, отказался от своего заявления. Генрих Гиммлер решил перейти в контрнаступление на церковь. И вот в том же 1935 году на Имперском съезде крестьян звучит его знаменитая речь о ведьмах. По большому счету эта речь, равно как и появление «Зондеркоманды Х», стала результатом попытки церковных структур заявить о своем мировоззренческом влиянии

в Германии и надавить на руководство СС.

Но это был далеко не единственный стимул заняться изучением колдовской проблематики. Интерес к ведовским процессам был также продиктован празднествами, организованными католической церковью 7 августа 1935 года. Повод для этих торжеств был выбран с точки зрения эсэсовского руководства крайне одиозный – 300-летие со дня смерти известного немецкого иезуита Фридриха Шпее. Католическое руководство изобразило его так, будто бы он в своем литературном наследии выступал против пагубной практики преследования ведьм, что якобы послужило поводом для его конфликта с руководством ордена. Изображалось, будто бы книги этого иезуита только чудом не попали в список произведений, запрещенных папой. Именно в фигуре Шпее католическая церковь хотела найти того исторического персонажа, чьи деяния смогли бы использоваться для полемики с догматиком Розенбергом. Вовсе не придерживаясь исторических реалий, трирский епископ произнес на могиле Шпее речь, в которой содержались следующие слова: «Благодаря ему наше Отечество освободилось от ужасов охоты на ведьм». В своей работе «Мракобесы нашего времени» Розенберг уже провозгласил «Общество Иисуса» ответственным за новую волну преследования ведьм. Однако эти доводы нельзя было назвать убедительными. В сложившихся условиях Гиммлер решил, что больше нельзя откладывать реализацию своих замыслов.

Глава 5. Идеологические предпосылки появления «Зондеркоманды Х»

Если разбираться с посвященными процессам над ведьмами сюжетами, которые не раз в упоминались Генрихом Гиммлером, и которые были предметом изучения нескольких эсэсовских исследователей, то можно обнаружить, что все они подавались в контексте расово-половой идеологии. В СС ведовская проблематика осваивалась только как смесь религии, расизма и специфических воззрений на «вопросы пола». Показательно, что тон этим исследованиям задали личные указания Генриха Гиммлера. Это указывало на его повышенный интерес к темам, связанным с германскими ведьмами и колдуньями.

Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер

С принципами расовых теорий, равно как и с первыми зачатками идеологии «крови и почвы», Генрих Гиммлер познакомился, когда состоял в молодежной националистической организации «Артамены». Получив сельскохозяйственное образование, Гиммлер заинтересовался организацией, которая кроме антисемитизма и расизма проповедовала идеи «духовного и расового обновления», связанные с так называемым аграрным утопизмом, то есть отказом от жизни в больших городах и возвращением в природную среду. Формирование идеологических взглядов Гиммлера, которое происходило в «Артаменах», предопределило его тяготение к биологическому расизму. Будущий рейхсфюрер СС оказался околдованным идеями о «расовой селекции». Подобные теории, нередко использовавшие сельскохозяйственный понятийный аппарат, были близки и понятны Гиммлеру, только что получившему диплом агронома. Однако со временем он дополнил биологический расизм идеями, высказанными Розенбергом в «Мифе XX века». Гиммлера в первую очередь заинтересовала мысль о том, что «нордическая кровь» могла оказывать наднациональное воздействие. Впрочем, принять эту теорию вне контекста биологического расизма едва ли представлялось возможным. В любом случае скрещивание духовного и биологического расизма и стало основой для идеологии, которую пытался предложить «охранным отрядам НСДАП» (СС) их руководитель Генрих Гиммлер. Для него было весьма типичным почти моментально попытаться применить на практике или воплотить в жизнь любую идею, которая показалась ему удачной. Это было отличительной чертой почти всех проектов, инициированных рейхсфюрером СС, поскольку для Гиммлера именно «нордическая кровь» являлась отличительной чертой всех истинных германцев. Германцами для него были не только немцы, но и большинство жителей Северной и Северо-Западной Европы. Этим объясняется, почему Гиммлер при первой же возможности пытался германизировать носителей «нордической крови». Так было, например, с проектом «Лебенсборн» («Источник жизни»), который в годы войны занимался похищением детей на оккупированных территориях. Так как кровь, по мнению Гиммлера, являлась «сутью народа», то он в типичной для агронома манере намеревался следить за «сохранением ценной крови», что выражалось в тщательном расовом отборе претендентов на вступление в СС, а затем в не менее доскональном изучении родословной невест, которые хотели выйти замуж за эсэсовцев. В своей знаменитой речи «СС как антибольшевистская боевая организация» Гиммлер заявил буквально следующее: «Мы пошли тем же путем, каким идет занимающийся селекцией посевных семян работник сельского

хозяйства, перед которым стоит задача возродить чистоту старого доброго сорта некой аграрной культуры, выродившейся вследствие смешения с другими видами. И подобно тому, как этот селекционер в начале своей работы проходит по полю, отбирая и, так сказать, выбраковывая негодные растения, мы, обращая прежде всего внимание на чисто внешние характеристики, так же занимаемся отсевом тех людей, которых, как мы полагаем, не сможем использовать в структурах СС».

Несмотря на свое сельскохозяйственное образование, Генрих Гиммлер прилагал немалые усилия к тому, чтобы придать понятиям «раса» и «расовая чистота» серьезный, догматический характер. В пафосном духе он превозносил их как базу для национал-социалистического «народного сообщества». В 1937 году он произнес: «Для СС предельно ясно, что подобные приказы имеют исключительное значение. Мы не обращаем внимания на упреки, насмешки и недоразумения, поскольку мы знаем, что будущее принадлежит именно нам». По мнению Гиммлера, самую большую угрозу для «нордической крови» представляли евреи, христиане и большевики, так как якобы именно они, не признавая расовых теорий, стремились перемешать между собой все нации и народы. Кроме этого, большевики считались врагами немецкого народа, ибо они являлись «уничтожителями всякой религиозности».

Гиммлер никогда не рассматривал вопрос преследования ведьм в отрыве от проблемы «враждебно настроенного к германцам христианства», что выводит на первый план не столько историческое, сколько религиозное значение этих событий. То есть мы вновь сталкиваемся с проектами по моделированию «германской религиозности». По этой причине не стоит удивляться тому, что в своей работе «Зондеркоманда X» ориентировалась исключительно на религиозные представления самого Гиммлера. В юности рейхсфюрер СС был восторженным католиком, а потому не раз пытался интегрировать свои националистические и расистские убеждения в христианскую доктрину. В своей работе «Гиммлер как идеолог» Йозеф Акерман приводит сведения о том, что будущий глава «черного ордена» сделал пометку в прочтенной им книге Генриха Бёмер-Ромундта «Иезуиты» (1921): «Христианство – выдающийся протест арийцев против евреев: Добра против Зла». Предположительно эта запись была сделана в 1923 году. В то время Генрих Гиммлер пытался предпринимать собственные изыскания, собирая доказательства «арийского происхождения Иисуса Христа». Однако вскоре Гиммлер решил порвать с традиционным христианством. Он в корне изменил свое отношение к католикам. В 1937 году он заявил: «Мы живем во времена окончательного

отмежевания от христианства. Миссией охранных отрядов НСДАП является передать немецкому народу подобающие внехристианские мировоззренческие принципы, чем и определить на века вперед его образ жизни». Под «подобающими мировоззренческими принципами» Генрих Гиммлер подразумевал в первую очередь «германскую религиозность», которая должна была вести нацию по жизни, «определяя ее образ жизни».

Так как Гиммлер прекрасно понимал, что религиозные постулаты, не подвергающиеся сомнению, имеют большое политическое значение, то он пытался придать национал-социализму в целом и СС в частности некие сакральные черты. Но для рейхсфюрера СС религиозные церемонии и ритуалы были не просто средством воздействия на массы. Именно по этой причине Гиммлер планировал заменить католицизм на «германскую религиозность». В данном случае предполагалось не изживать религиозные традиции немецкого народа, а трансформировать их, придать им вид новой религии. Потребность в сакрализации национал-социалистического государства становится очевидным явлением почти сразу же после прихода национал-социалистов к власти. Это отражается даже на выборе понятий, в том числе и самого словосочетания «Третий рейх». Это было не просто продолжением имперской традиции: Первый рейх – Священная Римская империя германских народов, Второй рейх – империя, созданная Бисмарком, Третий рейх – национал-социалистическое государство. Во многих материалах, обращениях и выступлениях деятелей национал-социалистической партии звучали слова о «тысячелетней империи», что являлось непосредственной отсылкой к хилиастическим представлениям о царстве справедливости, «тысячелетнем царстве». Гиммлер был одним из создателей того, что немецкий исследователь Иоахим Фест назвал «функциональным литургическим колдовством», – национал-социалистических церемоний, в ходе которых участники должны были обрести чувство исключительной сплоченности и единства. В некоторой части национал-социалистические и эсэсовские церемонии подменяли церковные праздники. Вместо крестин использовался эсэсовский обряд «имянаречения» новорожденного, место конфирмации занял обряд принятия в СС. Обряд вступления в «охранные отряды НСДАП» носил явно инициатические черты. Большинство эсэсовских церемоний происходили у специального алтаря, украшенного изображениями свастики, на котором находился портрет Гитлера. Использование изображений фюрера не только в административных помещениях (традиция размещения портретов правителей), но и в ритуальных действиях как бы намекало на то, что они должны были заменить собой иконы. Если

говорить о литургической лексике эсэсовских обрядов, то в ней нередко использовалось слово «посвящение». Так, например, эсэсовское бракосочетание с немецкого языка дословно переводилось как «посвящение в брак», похоронная церемония – как «посвящение в мертвые». В отечественной литературе отдается предпочтение упрощенным и устоявшимся переводам, однако слова «бракосочетание» и «отпевание» не передают всей сути эсэсовских ритуалов. Вечная жизнь на небесах заменялась на вечную жизнь в веренице поколений, божественная любовь – на «божественную» борьбу и отбор. Пасху сменил праздник Остары, Рождество – праздник зимнего солнцестояния, который в СС был праздником Юль (в скандинавской традиции – Йёль). Делая акцент на включение отдельного человека в круговорот событий, которые шли «от предков к потомкам, от возникновения к исчезновению», Гиммлер предпринимал осознанную попытку создания «новой традиции».

Некоторые западные исследователи трактуют эти устремления как намерение создать «политическую религию», то есть осуществить обожествление политической общности в рамках тоталитарной системы. Впервые термин «политическая религия» был употреблен в 1938 году австрийским исследователем Эриком Фёгелином. Он полагал, что для «политической религии» была характерна утрата трансцендентности и в то же время она была «отрыта для зла». Повторно понятие «политическая религия» было введено в научный оборот в 1944 году Раймондом Ароном, который понимал под ней доктрины, подменявшие собой религию и стремившиеся «соблазнить» людей различными «священными посулами». В итоге под «политической религией» стали подразумеваться тоталитарные режимы XX века, которые по своей сути являлись антимодернистскими, в частности стремились стереть грань между религией и политикой. Долгое время историки игнорировали теорию Фёгелина и его последователей. Отношение к этим идеям в корне изменилось, когда на рубеже XX и XXI века о себе заявил радикальный исламский фундаментализм. В настоящее время признается, что такой фактор, как «религия», может играть большую роль даже в совершенно секуляризованном обществе. Впрочем, это не позволяет трактовать национал-социализм в целом как некую особенную религию. Признаками самостоятельной религиозности обладала только идеология СС, в которой можно было найти следы различных вероучений. Являясь по своей сути компилятивной, то есть составленной из кусочков различных обычаев и литургических действий, она должна была подменить собой традиционное для Германии христианство (католичество на юге страны, протестантизм – на севере).

Гиммлер тесно увязывал комплекс вопросов, касавшихся взаимоотношения полов, с расовыми и религиозными соображениями. Он считал, что сексуальные отношения конкретного человека должны были определяться его расовыми качествами. То есть понятие «пол» было для него расово детерминированным, а потому глава СС всячески пытался разделить «половые традиции германской культуры» и христианские представления о морали и нравственности. Восприняв некоторые из идей фёлькише движения, Гиммлер в разговорах нередко противопоставлял «достойное положение женщины у древних германцев» и «уничтожение женской чести в христианстве». При этом рейхсфюрера СС нисколько не смущало то обстоятельство, что еще в 1921 году в НСДАП были приняты правила, согласно которым женщины не могли занимать руководящие и ключевые посты в партии. Гиммлер предпочитал говорить не об общественном равноправии, а о «биологической равноценности» женщины. Он рассуждал главным образом о том, что женщине надо было вернуть ее важное символическое значение.

Генрих Гиммлер среди офицеров своего персонального штаба

Генрих Гиммлер придерживался точки зрения, что естественные науки должны были способствовать гуманитарным исследованиям, в то время как гуманитарии должны были обильно использовать естественно-научные сведения. Подобный подход он применял ко всем ученым, которым оказывал содействие и помощь. Такой междисциплинарный метод должен был использоваться в первую очередь для развития эсэсовского мировоззрения. В своем восприятии истории Гиммлер не был своеобразным. Его представления во многом напоминали элементарный социал-дарвинизм. История для рейхсфюрера СС была отражением жесточайшей борьбы за существование, направленной на укрепление и распространение власти «арийского человека». Гиммлер свел подобное восприятие истории к нескольким пунктам, которые имели для него особое значение. Он предпочитал брать некоторые исторические события

прошлого и применять их к современности. Например, он определял историческое развитие человечества как борьбу между Европой (которая должна была ассоциироваться прежде всего с германской империей) и Азией. Исходя из подобного рода представлений, он провозглашал, что «восточная политика» Третьего рейха была всего лишь продолжением «борьбы, которую некогда вели наши предки». Гиммлер хотел видеть «непрерывность германской истории» во всех сферах жизни. Такие взгляды уже выражала «германская школа», представленная Венским историком Рудольфом Мухом.

Рудольф Мух (1862–1936) в 1900 году опубликовал работу, которая назвалась «Немецкое племеведение», позже став одним из первых выразителей национал-социалистической идеологии в сфере древней германистики и этнографии. Кроме этого он являлся одним из первых исследователей, кто поддержал и стал развивать теорию «мужских союзов». С легкой руки Муха слова «германский» и «немецкий» стали синонимами, а история германских племен стала восприниматься как ранняя история Германии. Ученики Рудольфа Муха в основном занимались изучением обычаев и сказаний, связанных с юношескими объединениями древних германцев, которые служили некой подпиткой для «мужских союзов». В рамках данной книги для нас интерес представляют в первую очередь два представителя «школы Муха». Первой из них являлась Лили Вайзер-Аль (1898–1987), которая с 1927 года работала над диссертацией «Инициация юношей у древних германцев и “мужские союзы”». Второго исследователя звали Отто Хёфлер (1901–1987). Он был выходцем из известной семьи венских ученых. Под влиянием Рудольфа Муха Отто Хёфлер занялся изучением древней истории Германии. В 1931 году он защитил диссертацию по теме «Тайные культовые союзы германцев». В 1934 году он был приглашен в Киль на должность заведующего кафедрой германистики и новой истории немецкой литературы. Кроме этого Хёфлер читал лекции по этнографии. Для нас отдельный интерес должно представлять то обстоятельство, что первоначально в Киль приглашали Бернхарда Куммера, но затем отдали предпочтение Отто Хёфлеру. Во многом это предопределило контуры дискуссии, которую в 1938–1939 годах Хёфлер вел с Куммером. Молодой ученый был замечен Гиммлером, который пригласил его преподавать в Мюнхен. Одновременно он был принят на работу в «Наследие предков». В 1939 годах он был вынужден вступить в НСДАП, но при этом отказался отречься от католичества. Щекотливость ситуации состояла в том, что Хёфлер некоторое время был сотрудником эсэсовской организации, не являясь членом партии. По этой

причине его вступление в НСДАП было записано «задним числом» – 1 мая 1937 года.

Интерес Гиммлера к истории оказался подстроен под потребности национал-социалистического режима. По этой причине рейхсфюрер СС поддерживал исторические образы, которые внушали, что пропагандируемые национал-социалистические ценности были тесно связаны с древними германскими традициями. Уже поэтому глава «черного ордена» нуждался в новой историографии, которая бы обращалась не столько к сознанию, сколько к эмоциям, к «сердцу». Чтобы вызвать необходимый настрой среди народа, Гиммлер выступил инициатором написания так называемой «популярной истории», то есть романов, повестей и рассказов, в которых должно было не только рассказываться о древнегерманских ритуалах, но и исподволь пропагандироваться идеалы национал-социализма. В этом коктейле из истории и идеологии важную роль играли не цифры и не факты, а указание на «линию развития» и «двигающие силы истории», полностью соответствующие национал-социалистической идеологии. Являясь по своей сути практиком, Гиммлер намеревался использовать все методы для создания и укрепления «народного сообщества». Предложенные им теории должны были непременно превращаться в директивные указания, которые не могли ставить под сомнение ни живущие в то время немцы, ни их потомки, будущие поколения «имперских немцев». В итоге под видом исторических фактов настойчиво продвигались мифы. Происходила мифологизация современности, которая подгонялась под известные исторические факты. В специально издававшихся для СС журналах, например в «направляющих тетрадах», постоянно появлялись сообщения о примерах «современного героизма», который сравнивался с событиями прошлого. Обычно для подобного сравнения предпочтение отдавалось событиям древней или ранней истории. Новые исследовательские подразделения, курировавшиеся СС, обязывались порождать «новые знания», которые можно было использовать для обоснования «новой политической реальности», что в свою очередь должно было закрывать имевшиеся пробелы в «вечном круговороте прошлого, современности и будущего... предков, ныне живущих и потомков». «Германский дух», как его представляли национал-социалисты и, в частности, Генрих Гиммлер, должен был быть «легитимирован» продолжительной германской историей. В этой цикличной истории человек должен был иметь право на существование лишь как член «германской общности», в то время как всё остальное рассматривалось в качестве случайных обстоятельств.

Гиммлер поздравляет победителей спортивных соревнований

Характерным для восприятия Генрихом Гиммлером истории была интерпретация СС как «мужского арийского ордена», который, являясь организацией, консолидировавшей представителей «лучших немецких родов», нес священную ответственность за «будущее германской расы». Гиммлер в одном из своих выступлений произнес: «И вот мы стали в строй, и как национал-социалистический воинский орден решительных и уверенных в себе нордических людей, связавших нерушимой клятвой содружество своих родов, мы совершаем марш по пути, простирающемуся в далекое будущее, веря в свое стремление быть не только теми внуками, которым лучше своих предшественников удалось довести начатое дело до конца, но, более того, стать достойными предками следующих поколений, от которых зависит продолжение вечной жизни нашего, ведущего происхождение от древних германцев, народа».

Сам собой напрашивается вопрос, какое место в этой исторической картине уделялось ведьмам и процессам над ними? Эта часть германской истории должна была использоваться для укрепления «народного сообщества». Гиммлер придавал «ведовскому вопросу» большое

пропагандистское значение. Как уже говорилось выше, позиция Гиммлера в отношении истории сводилась к тому, что он сознательно занимался конструированием «исторической действительности», что становилось одной из разновидностей «современной мифологии». Анализ работ, которые были написаны в подчиненных и контролируемых Гиммлером подразделениях, указывает, что при описании ведовской тематики активно использовались аргументы, присущие расовым теориям, «селекции человека» и пропаганде, делающей акцент на «образе врага». Кроме этого, деятельность «Зондеркоманды Х» была направлена в том числе на обоснование «новой религиозности», которую Гиммлер планировал использовать в рамках СС. При этом надо задаться вопросом: в какой мере при осуществлении «особого поручения рейхсфюрера» использовались аргументы, которые преподносились во время заочной полемики между функционерами НСДАП и представителями католической церкви? Тот факт, что Генрих Гиммлер обстоятельно говорил о немецких ведьмах в речи, посвященной проблеме, на первый взгляд к ним не имеющей никакого отношения, – гомосексуализму, указывает, что рейхсфюрер СС уделял этой проблеме очень большое значение. По большому счету именно эта речь является исходным пунктом того, что позже привело к отдельному исследованию «колдовского вопроса» в недрах СС.

Причины, по которым Генрих Гиммлер решил обратиться к колдовской тематике, дать «особое поручение», а затем сформировать «Зондеркоманду Х», вызывали и вызывают до сих пор немало споров в исторической литературе. Так, например, Иоахим Фест в своей книге «Лики Третьего рейха» высказал мысль о том, что речь шла об очередной фантастической идее, из-за которой глава СС приобрел весьма «специфическую репутацию». Однако подобная трактовка событий является слишком упрощенной, почти схематичной. Как было показано в предыдущих главах, проблема преследования ведьм приводила к ожесточенным идеологическим дискуссиям задолго до возникновения Третьего рейха. Первое использование «ведовского вопроса» в политических целях можно отнести ко второй половине XIX века, когда прусское государство пошло на сознательный конфликт с католической церковью. В тот момент некоторые аргументы относительно процессов над ведьмами использовались для того, чтобы заново сформировать понимание государства. Однако мысль о том, что в начале 30-х годов, когда шло формирование национал-социалистического государства, была использована традиция, заложенная Бисмарком, кажется не слишком убедительной. В частности, напряженные отношения у национал-социалистов складывались не только с

представителями католической, но и лютеранской церкви. Дискуссия о ведьмах была настолько острой, что в какой-то момент обозреватель французской газеты «Эхо Парижа» предположил, что речь велась о «новом культуркампфе». Конечно же, антицерковная пропаганда, которая наиболее ярко проявилась в начале 30-х и в начале 40-х годов, не была случайным явлением. Заголовки газет, через которые осуществлялась эта пропагандистская кампания, говорили об агрессивном наступлении «новой, национал-социалистической эпохи». Самоописание самого национал-социализма должно было не только подчеркнуть его динамичность, но содержало в себе намеки на некоторые скрытые угрозы: «Мы – движение, которое не отступит ни на шаг, пока не станет самой Германией».

Мировосприятие, присущее для фёлькише, с их расистской точкой зрения, идеями о «борьбе против всего чуждого», становилось едва ли не главной задачей. «Сигнальные маяки» должны были возвестить о наступлении «новой эпохи». Дискуссии по проблемам преследования ведьм, которые совмещались с появлением на страницах партийной прессы антицерковных статей, велись отнюдь не при помощи научных понятий и академических аргументов. Для них использовалась лексика, которая должна была вызывать к простейшим эмоциям читателей. Процессы над ведьмами характеризовались как «бесчеловечные», «похабные», «жестокие». Инквизиция изображалась как «ненастная в своем стремлении к расправам» организация. Ее беспощадность должно было подчеркнуть детальное описание пыток, которым «подвергались немецкие женщины и дети». Подобное смакование жестокости должно было шокировать немецкое общество. Папство, под которым, по сути, подразумевалось все традиционное христианство, равно как и евреи, обвинялось в массовом убийстве немцев, что совмещалось с описанием «полной невинности немецкого народа», в частности, немецких женщин, казненных в качестве ведьм. Аналогичные мотивы можно было найти и в других формах пропаганды. Истории «церковных преступлений», совершенных в Средние века, были посвящены целые циклы лекций, докладов, выставок. Все они должны были настроить немцев против «христианских суеверий». Этих сведений вполне достаточно, чтобы констатировать, что «ведовской тематикой» в Третьем рейхе интересовался не только Генрих Гиммлер. А потому создание «Зондеркоманды Х» нельзя воспринимать как его частную и сумасбродную идею.

Есть несколько косвенных указаний относительно того, что Генрих Гиммлер стал интересоваться проблемой преследования ведьм еще до того, как национал-социалисты пришли к власти. Так, например, точно известно,

что в 20-е годы он прочитал книгу Франца Хельбинга «Пытка. История пыток в уголовном процессе всех времен и народов». Эта книга была опубликована издателем Максом Бауэром, который был известен кроме всего прочего еще и тем, что публиковал Вильгельма Готтлиба Зольдана, который считался одним из классиков «колдовской литературы». Будущий рейхсфюрер СС прочитал книгу Франца Хельбинга, значительная часть которой была посвящена проблеме преследования ведьм, в 1926 году, то есть почти сразу же после того, как она увидела свет. Описание пыток, которое давал Хельбинг, простиралось от Древнего Египта до XIX века. В главах, которые были посвящены процессам над ведьмами, автор опирался на сведения, которые он почерпнул из работы Густава Фрайтага «Образы немецкого прошлого», а также на книги Якоба Гримма, Вильгельма Зольдана и Йозефа Ганса. В той части, что касалась германского права, он опирался на Тацита и опять же на Якоба Гримма. В главах, где рассказывалось о процессах над ведьмами, постоянно цитировались архивные документы, своды законов, приводились выдержки из протоколов допросов. Хельбинг исходил из того, что преследование ведьм шло по всей Европе: и в католических, и в протестантских странах. Обращая внимание в первую очередь на методы истязаний, он приходил к выводу о том, что преследование ведьм было «хорошим источником дохода для светских судей и палачей». В частности, Хельбинг указывал на то, что церковь восприняла множество языческих идей о колдовстве, сделав их составной частью образа ведьмы. Для Хельбинга не было никаких сомнений относительно вины христианства в преследовании ведьм. Кроме этого он подчеркивал, что никакая другая религия и культура не оправдывала свои злодеяния верой в чародейство, которое являлось одним из основных источников силы, якобы имевшейся у ведьм. По большому счету книга Хельбинга была обобщающей работой, которая не предполагала сделать каких-то принципиальных открытий.

Некоторое время спустя после этого Генрих Гиммлер обратился к архивариусу Арнольду Руге (1881–1945) с просьбой написать работу, посвященную «колдовским процессам». Арнольд Руге был активистом фёлькише движения. В 1907 году он получил ученую степень, защитив диссертацию о понятии «свободы» в философском наследии Канта. Затем он работал ассистентом у Вильгельма Виндельбанда, который был известен как «неокантианец». В 1919 году Руге, принимавший участие в многочисленных антисемитских акциях, был вынужден покинуть университет. Современники характеризовали Арнольда Руге как «человека, который непрерывно выискивал шансы, возлагал надежды на успех, но

столь же неизбежно травился конкурентами». В одной из своих автобиографий Руге сообщал, что еще во времена кайзеровской империи связал свою судьбу с антисемитизмом и антифеминизмом: «В 1909 году в Гейдельберге я выразил публичный протест против иницируемого евреями международного женского движения, которое намеревалось осуществить эмансипацию. Мои высказывания вызвали явное недовольство либеральных преподавателей». За свой радикальный антисемитизм Арнольд Руге в годы Веймарской республики не только преследовался, но даже один раз был посажен в тюрьму. В 1926 году он встретился с Мюнхеном с Гитлером. После этого записал в своем дневнике: «Великая беседа с фюрером НСДАП в Мюнхене. Фюрер советует мне, чтобы я не вступал в партию, но продолжал самостоятельно действовать против общего врага». В 1933 году Мартин Хайдеггер, который одно время поддерживал национал-социалистов, сказал об Арнольде Руге: «До тех пор пока в национал-социалистическом движении при выборе руководителей и ответственных работников будут руководствоваться принципом вознаграждения по количеству и качеству работ, то господин Руге вообще не будет рассматриваться как претендент на должность профессора философии». В 1933 году Руге все-таки вступил в национал-социалистическую партию. Его научная карьера вновь продолжилась только после того, как он смог заручиться поддержкой Генриха Гиммлера. Именно глава СС смог выбить для него рабочее место в архиве Карлсруэ. В 1939 году Руге с большими проблемами удалось стать профессором философии в Техническом институте Карлсруэ. В 1940 году он начал выпускать издание, которое называлось «Фёлькише наука».

Но вернемся к взаимоотношениям Генриха Гиммлера и Арнольда Руге. Рейхсфюрер СС заплатил остро нуждавшемуся в деньгах ученому тысячу рейхсмарок. Это был гонорар за то, что Руге напишет работу, посвященную процессам над ведьмами. При этом Гиммлер поставил достаточно жесткие условия: Руге не мог публиковать отрывки из нее, равно как вообще упоминать о том, что получил такое задание. Забегая вперед, сообщим, что в настоящее время работа Арнольда Руге считается пропавшей. Однако это не помешало немецким исследователям предположить, что эта первая рукопись во многом напоминала другую работу Руге, которая также не была опубликована, но в отличие от первой все-таки сохранилась. Более поздняя рукопись Руге назвалась «Средневековые процессы над ведьмами. Фрагменты немецкого культуркампфа». В этой рукописи Руге, подобно многим исследователям колдовских процессов, постоянно ссылается на Зольдана и его «Историю процессов над ведьмами», а также на книгу

Хансена «Источники и исследования по истории ведьмomanии и преследования ведьм». Кроме этого в списке использованной литературы значилась книга бывшего иезуита Пауля фон Гёнсброха «Папство в его социально-культурной эффективности». Показательно, что эту книгу использовал и Альфред Розенберг, когда пытался найти убедительные исторические источники для своей антицерковной пропаганды. Бывший иезуит проявил интерес к преследованию ведьм после того, как прочитал множество католических книг, в которых было красочно описано время, когда «стремились извести на костре всех ведьм». Уже через эту цитату Руге показывал, что многие из католических священников были одержимы «сладострастием и эротическими фантазиями», которые могли выступать в качестве истинных мотивов преследования ведьм. В предисловии к своей работе Арнольд Руге подтверждал, что она носила «заказной характер», что должно было указать на некую политическую значимость проекта, к которому он был подключен. Руге писал: «После того как национал-социалисты пришли к власти, я получил предложение от рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера заняться исследованиями по этому вопросу. Это произошло в декабре 1934 года. Последующая моя деятельность показала, что существует немалая опасность, что в случае публикации моей работы проект может быть прекращен».

Один из авторов сборника «Колдовская картотека Гиммлера», Клаус Граф, пришел к выводу о том, что Гиммлер получил от Руге необходимые антицерковные аргументы, что убедило его в необходимости перейти на позиции, враждебные католической церкви. В данном случае глава СС оказался во власти теорий, которые высказывались идеологами фёлькише движения. В частности, речь шла о непреодолимых духовных противоречиях, которые якобы существовали между «германским миром» и «традиционным христианством». Скорее всего, подобные «подозрения» стали закрадываться в голову Гиммлера сразу же после прочтения обзорной книги Хельбинга. Постепенно стала выкристаллизовываться идея подать процессы над ведьмами исключительно с идеологической точки зрения. Если же говорить о второй рукописи Руге, то по ней фактически невозможно проследить, какие источники были использованы для ее написания. Некоторые из немецких исследователей предполагали, что она была собранием выдержек из множества книг, в которых имелись хотя бы незначительные нападки на католичество и христианство. В центре своей рукописи Арнольд Руге помещает тезис о том, что нет никаких причин считать, что процессы над ведьмами имели «германское происхождение», то есть они должны были восприниматься исключительно как часть

враждебной к германцам политики. «Политический католицизм» провозглашался врагом, который был нацелен на уничтожение немцев. Однако речь шла не просто о духовном «порабощении», а о «биологической борьбе», в ходе которой католики намеревались воспрепятствовать «органическому развитию жизненных культур». В частности, Арнольд Руге писал: «Вся духовность политики костра брала начало во враждебных установках в отношении немецкой самобытности. Они не хотели давать органических стимулов для развития немецкого вида людей, а все с точностью до наоборот. Из важнейших документов политического католицизма следует, что он хочет развития расовых и религиозно-культурных качеств нордическо-германского человека столь же мало, как и развития других видов народов».

Принимая во внимание тот факт, что первоначально вторая рукопись Арнольда Руге должна была называться «Вечные средства борьбы политической церкви», можно однозначно утверждать, что эта работа должна была быть направлена в первую очередь против «политического католицизма», что должно было преподноситься как «вынужденная идеологическая самооборона». На тот момент еще не имевшая ясных очертаний «религия немецкого народа» должна была быть принципиально отграничена от христианства в целом. Руге должен был принять участие в формировании «правильного взгляда» на историю, что было отдельным эсэсовским проектом. Он был нацелен на «лучшее» понимание прошлого, при этом будучи принципиально ориентированным на «грядущую борьбу». В заключительной главе своей рукописи Арнольд Руге говорил о «немецкой борьбе за существование»: «Задачей подлинной исторической науки является засвидетельствование источников жизни народа, средств защиты от опасностей, которые угрожают жизни нации». Этот тезис мог бы стать девизом «Зондеркоманды Х». Хотя, скорее всего, люди, входившие в нее, не были знакомы с текстом рукописи, написанной Руге. Однако очень многое говорит о том, что именно деятельность Руге была непосредственной предпосылкой для появления на свет «особого проекта Х» и «Зондеркоманды Х».

В рукописи Руге процессы над колдуньями и ведьмами изображались как инструмент «церковного террора», «средство борьбы политической церкви», которая постоянно в своей деятельности выступала против немецкой нации. По мнению Руге, даже во времена преследования ведьм «немецкий дух пребывал в борьбе с духом римской церкви». То есть германцы осознанно или неосознанно пытались сопротивляться мировому заговору, который против Германии якобы составили католики и евреи.

Согласно Руге, последние были непосредственно «виновны» в преследовании «германских ведьм». Именно этим обстоятельством он объяснял, что еврейские общины фактически не знали процессов над колдуньями. В данном случае выдвигалась весьма необычная и по-своему «новаторская» конспирологическая формула, в которой евреи выступали союзниками христиан. Она мало походила на традиционные вариации «всемирного заговора», но полностью соответствовала национал-социалистической аргументации. Еще Гитлер выдвинул тезис о том, что евреи якобы принимали участие во всех заговорах, направленных против немцев и Германии. Рукопись Арнольда Руге заканчивалась выводами, которые более напоминают «боевой клич». Он переносил понятие «жертв католицизма» с сожженных ведьм на «немецких людей» в целом. То есть предпринималась попытка некой сакрализации немецкого народа, который, принеся множество жертв, становится «мученическим», «святым». Руге писал: «Только один боевой призыв должен заглушить шум всех мировых пожаров, не в последнюю очередь учиненных “непогрешимой” церковью, направивших на костры немецких людей. Этот клич звучит так: святая и священная немецкая самобытность!»

Многие из немецких исследователей при изучении текста рукописи Арнольда Руге обращали внимание на ее агрессивный и биологизированный лексикон. Упоминание «опасностей», с которыми автору якобы приходилось считаться во время своей работы, говорит о воинственных метафорах. Подобного рода сравнения часто использовались в частях, где велось рассуждение о «борьбе за существование», «средствах борьбы», «угрозах», «обороне», «боевом кличе». Если принимать в расчет формулировки, которые употреблялись для описания народа как «органического целого» – «органический стимул», «сила», «народные виды», то они явно указывают на то, что Руге ориентировался на биологический расизм, идей которого придерживался Генрих Гиммлер. Если ведьмы у Руге должны были идентифицироваться с «народным организмом», то процессы, которые вели к нарушению «органического развития», представляли как воплощение стратегии «вечного врага немецкой нации», который планировал устранить германцев «при помощи всех мыслимых и немыслимых средств уничтожения их физической и духовной сущности». Тезис о том, что католическая церковь всегда стремилась к уничтожению германского народа, должен был мобилизовать современных тому времени немцев, направив их на борьбу во имя «национал-социалистического настоящего». Обвинения в адрес церкви должны были легитимизировать антицерковную борьбу. Чтобы сделать эти призывы более

выразительными, Арнольд Руге прибегал к весьма патетическим формулировкам. Он апеллировал к чувству национальной солидарности, к сопротивлению церкви, как надрасовому и надгосударственному институту, являющемуся «дьявольским», «темным» и «опасным для жизни». Любви к ближнему должна была быть противопоставлена «святая и священная немецкая самобытность».

Однако если рассматривать рукопись Руге как непосредственную предпосылку для возникновения «особого проекта Х», то поводом для его возникновения в 1935 году стали упоминавшиеся выше протесты представителей католической церкви против публикации «германского календаря», предназначенного для немецких крестьян. В свете того что эти события совпали по времени с празднованием 300-летия со дня кончины Фридриха Шпее и дискуссиями вокруг «Мифа XX века», написанного Альфредом Розенбергом, то станет ясным, насколько была напряженной обстановка в стране. Скорее всего, при издании календаря учитывалось принципиальное пожелание Гимmlера как главы СС и Рихарда Вальтера Дарре как начальника Имперского продовольственного кабинета. Они не хотели отражать в нем церковные праздники и отказались печатать дни святых. Кроме этого упоминание Страстной пятницы как дня поминовения убитых Карлом Великим (которого в СС предпочитали именовать Карлом Франкским, Карлом-Завоевателем или Карлом-Мясником) четырех с половиной тысяч предводителей племен саксов, а также миллионов «замученных и сожженных борцов за права, религиозных героев, еретиков и ведьм», было не простым выпадом в сторону христианства. В данном случае как бы происходила ритуальная подмена смерти Спасителя на гибель «национальных мучеников», которых формально уничтожили «во имя Христа». В данном случае ведьмы являлись одними из «национальных мучениц», которые были «посмертно» приняты в ряды борцов за «германский мир». Причем все жертвы инквизиции, которые не принадлежали к числу «германцев» в рамках эсэсовского проекта по формированию «новой религиозности», никак не учитывались. Впрочем, подобная тенденция была характерной для большинства исследований, которые предпринимались в Третьем рейхе. Насколько резко католическая церковь осуждала «германский календарь» для крестьян, настолько же сильно его защищало эсэсовское ведомственное издание, журнал «Черный корпус». В этом журнале вообще делали вид, будто бы что календарь не был запрещен в некоторых из германских земель.

В качестве одного из вдохновителей «проекта Х» можно также назвать юриста Вальтера Бёма, в ноябре 1933 года прикрепленного к аппарату

Главного управления СС по вопросам расы и поселений. В составе РусХА Бём должен был заниматься подготовкой антиклерикальной пропаганды. Об этом человеке стоит сказать пару слов. 16 октября 1933 года, буквально за несколько дней до своего попадания в СС, он защитил диссертацию «Акатолики. Изучение положения некрещеных, вероотступников, еретиков и схизматиков в католическом каноническом праве». Очутившись в СС, ученый сразу же получил лично от Гиммлера поручение осуществлять под руководством группенфюрера СС Курта Витте исследовательский проект «Долг крови церкви перед немецким народом». Самое интересное заключалось в том, что юрист занимался изучением этой проблематики, взяв псевдоним Вальтера Унгнада (Вальтера Неприкаянного). В плане работ, подготовленном Бёме-Унгнадом, Гиммлера в тот момент очень заинтересовал пятый пункт: «Процессы над ведьмами». Именно в нем мы могли бы найти слова, которые рейхсфюрер СС взял на вооружение и громогласно произнес, фактически повторив текст плана, на Имперском съезде крестьян в 1935 году. После этого Витте предупредил исследователя, что глава СС проявил к его разработкам повышенный интерес, а потому не могло быть и речи о каких-то натяжках и поверхностности, надлежало подробно постигнуть все аспекты этого вопроса.

Казнь ведъм в Средние века

В уже не раз упоминавшейся в предыдущих главах речи, которую Генрих Гиммлер произнес 16 ноября 1935 года на Имперском съезде крестьян, рейхсфюрер СС еще раз подтвердил мысль о том, что сожженные немецкие ведьмы должны были восприниматься как «германские

мученицы». В этом выступлении Гиммлер использовал особые фигуры речи, являвшиеся во многом демагогическими. Он начал с констатации, что «большевизм был организованной и возглавленной евреями борьбой недолюдей». Гиммлер сразу же отметал мысль о том, что эта борьба была «порождением современной эпохи», а считал, что она имела «давние традиции». Она якобы могла быть прослежена с библейских времен, когда «евреи вели борьбу против других народов», через Средние века с их процессами над ведьмами вплоть до XX века. В связи с упоминанием преследования германских ведьм Гиммлер акцентировал внимание присутствовавших на «опасном качестве католической церкви» – она могла выступать в союзе с «кровавыми евреями», которые с древних времен являлись «носителями большевизма». В причудливой интерпретации исторических событий Гиммлер объединил между собой «трех главных противников Третьего рейха». К преследованию ведьм оказались причастны христиане, евреи и большевики. В данном случае большевизм трактовался не как конкретное политическое явление, а как стремление к потрясению основ общества. То есть, говоря об СС как «антибольшевистской боевой организации», Гиммлер подразумевал не «антикоммунистические отряды», как могло бы показаться на первый взгляд, но «орден нордических людей», которые противопоставили себя силам хаоса и разрушения. Жертвы инквизиции, сожженные ведьмы и еретики, если таковые были «арийцами» по происхождению, автоматически включались в пантеон «политических борцов», которые оказывали сопротивление «антигерманским силам». При этом Гиммлер не стеснялся в образах, подбирая очень «эффектные» слова. Он говорил о «замученных и разорванных телах» немецких женщин, которые были «сожжены дотла».

Говоря об условиях, в которых возникла «Зондеркоманда Х», необходимо более детально разобраться с попытками устроить церковные торжества, посвященные 300-летию со дня кончины Фридриха Шпее. Католическая церковь издала несколько книг и брошюр, в которых пыталась представить этого иезуита как «верного сына Церкви». Вне всякого сомнения, это было продолжением заочной полемики с Розенбергом. По мнению католических активистов, Шпее должен был служить примером того, что именно церковь положила конец преследованию ведьм в Германии. Однако католики допустили грубейшую ошибку – они забыли упомянуть, или решили сознательно умолчать о том, что в свое время Шпее подвергался церковным гонениям, а на многие из его работ был наложен запрет. Этим промахом тут же воспользовались

национал-социалисты. Они не преминули упомянуть об этих деталях биографии Шпее. Так, например, специальные «направляющие тетради СС», небольшие журналы, которые должны были использоваться для мировоззренческого обучения и воспитания служащих «охранных отрядов», использовали эту информацию для того, чтобы показать «двуличность» церкви. Авторы, писавшие для «тетрадей СС», изобразили Фридриха Шпее как немца, который боролся «против инородческих церковных заблуждений». После этого были воспроизведены многочисленные документы, которые подтверждали намерение католиков преследовать ведьм. Вывод был почти «очевиден» – церковь сама культивировала веру в ведьм и колдуний, а истинные немцы, преследовавшиеся церковью (в том числе Шпее), решительно выступали против подобных «суеверий». Весьма показательным является то обстоятельство, что именно с этих публикаций началось формирование архива «Зондеркоманды Х».

Пример Фридриха Шпее позволяет наглядно проследить, как осуществлялись идеологические манипуляции во время дискуссий о преследовании ведьм. Образ Шпее менялся в зависимости от того, представлял ли автор той или иной публикаций церковные или антицерковные настроения. В одном случае это был иезуит, который намеревался реформировать церковь и осуждал народные суеверия. Во втором случае он представал в качестве немца, который пытался бороться с заблуждениями церкви, за что и подвергался гонениям. Нечто аналогичное можно было увидеть в фигуре Генриха Крамера (Генрикус Инститорис), одного из авторов печально знаменитого «Молота ведьм». Католики пытались изобразить его как немца, придерживавшегося типично «германских суеверий». Национал-социалисты рисовали Крамера как верного Риму доминиканца.

Выступление Генриха Гиммлера

Вторая речь, в которой Генрих Гиммлер говорил о ведьмах, была произнесена в 1937 году перед группенфюрерами СС. На этот раз основная тема выступления сводилась к угрозе, которую представлял для Германии гомосексуализм. Генрих Гиммлер еще со времен, когда только возглавил немецкую полицию, считал гомосексуализм не просто склонностью к однополым контактам, не частным делом отдельного человека, но вредной для государства болезнью. Гиммлер вообще был одним из первых национал-социалистов, кто открыто заявил о том, что сфера сексуальных отношений должна восприниматься как политическое дело государственной важности. То есть половые отношения должны были использоваться с максимальной «пользой для общества» и быть предельно функциональными. Гиммлер заявил в 1937 году своим эсэсовским генералам: «Тем не менее все вещи, которые относятся к сфере половых отношений, не являются личным делом отдельного человека, так как они

связаны с жизнью и умиранием народа... Гомосексуализм подрывает рождаемость и разрушает саму основу государства... Из этого следует следующее: гомосексуалист является полностью психически больным человеком».

Гиммлер полагал, что гомосексуалисты составляли что-то вроде заговора. В своей речи рейхсфюрер СС характеризовал их как худшее явление, нежели даже иезуиты. В данной ситуации он исходил из того, что ложь иезуитов была целенаправленной, а ложь гомосексуалистов – обусловленной их склонностями. Гиммлер сожалел, что у него не имелось возможности «избавиться от гомосексуалистов столь же простым способом, как это делалось в старые времена». Он приводил следующий пример: «Гомосексуалиста, которого звали Урнинг, утопили в болоте... Это не было казнью, а лишь исправлением ненормальной жизни. Они должны быть искоренены, подобно тому, как мы выдергиваем крапиву, бросаем ее в кучу, а затем сжигаем». Гиммлер как бы намекал, что расстрел гомосексуалистов «при попытке бегства» из концентрационного лагеря уже не являлся выходом из ситуации. В качестве главного «противоядия» от гомосексуальной предрасположенности в своей речи глава СС назвал «женщин». Именно отношения с женщинами должны были гарантировать «естественную разгрузку сексуальных инстинктов». По этой причине Гиммлер настаивал на том, чтобы женщины принимали активное участие в общественной жизни. На самом деле он подразумевал не наличие общественного равноправия, на котором в свое время настаивали «нордические феминистки», а предполагал сделать женщин и девушек украшением мужского общества, в котором с ними должны были быть обходительными и учтивыми. Как ни покажется странным, но Гиммлер предполагал, что при сохранении традиционных социальных ролей женщины должны были заниматься некой общественной деятельностью. Только это было залогом того, что немецкое общество могло избежать излишней маскулинизации и милитаризации (!), что воспринималось главой «черного ордена» как первый шаг с гомосексуальной предрасположенности. Если мужчины по работе и в общественной деятельности сталкивались только с мужчинами, то возникала опасность, что «преимущества мужского государства и мужских союзов» пойдут по ошибочному пути развития. Этой в высшей мере провокационной фразой Гиммлер намекал на дилемму, которая возникла при формировании национал-социалистической идеологии. С одной стороны, «мужские союзы» были востребованы национал-социализмом. В качестве «мужских союзов» можно было рассматривать сначала СА, а затем и СС. Однако,

принимая во внимание сексуальное поведение некоторых штурмовиков в начале 30-х годов, Гиммлер опасался, что однозначное превалирование мужчин приведет к «нежелательным гомосексуальным влечениям», чему надо было жестко противостоять. В данных условиях настойчивость Гиммлера, с которой он предполагал организовывать совместные (юноши и девушки) праздники, требовал признания прав внебрачных детей, нельзя путать со стремлением к признанию прав женщин и к изменению их традиционной роли в обществе.

Карикатура из журнала «Черный корпус», на которой изображен католический священник, являющийся «пастырем» самых отвратительных человеческих пороков

Во время своей речи Гиммлер не упустил возможности в очередной раз возложить вину за сложившуюся ситуацию на христианство. Он

полагал, что именно христианство способствовало складыванию «гомосексуальных эротических союзов мужчин», которые могли быть разрушены женщинами. Повторимся, что эти мысли никак нельзя было трактовать как требование равноправия женщин и мужчин. В рамках общества, в котором жизнь отдельного человека ничего не значила, а он сам не имел права на существование вне сообщества, подобного рода противоречия не должны были быть удивительными. Гиммлер постоянно говорил о возможности небольшой модификации традиционной для немецкой женщины роли. Например, признание внебрачного материнства как некоего социального института исходило из «интересов нации», а не интересов матерей-одиночек. Даже после небольшой трансформации функции женщин в национал-социалистическом обществе их роль на государственном уровне должна была определяться четкими и строгими критериями. Если Гиммлер планировал дать женщинам некоторые привилегии, то подразумевалось достижение вполне конкретных политических результатов, например, увеличение рождаемости. Но в то же время равноправие полов было неприемлемым для Гиммлера, так как оно должно было означать маскулинизацию женщин. Рейхсфюрер СС, несмотря на мнимую «биологическую прогрессивность», продолжал придерживаться традиционных патриархальных взглядов, характерных для консервативно-буржуазной среды. Он полагал, что если бы женщины стали выполнять в обществе мужские функции, то исчезли бы их «женские качества», то есть стерлись различия между полами. Гиммлер заявлял: «Не надо стремиться сделать из женщины логический интеллектуальный инструмент». Потенциальное пребывание женщин у власти для Гиммлера было столь же катастрофическим явлением, как и возможное «господство гомосексуалистов в мужских союзах». По его мнению, эмансипация женщин неизбежно вела к их маскулинизации, что приводило к гомосексуализации потерявших власть мужчин. Гомосексуальные мужчины и «маскулинные» женщины были двумя сторонами одной медали, то есть признаками распада типично немецкого государства мужчин, разложения принципов традиционной мужской политики. Если Гиммлер все-таки и говорил о правах женщины, то он подразумевал ее лишь как роженицу, которая должна была руководствоваться своими расовыми инстинктами, стремиться к сохранению «чистоты крови» и осознавать свою роль в «народном сообществе». Гиммлер заявлял: «Лучшим из всех видов государств является мужское».

Один из католических монахов, представший перед судом по обвинению в гомосексуализме

Может возникнуть вопрос: при чем здесь ведьмы и их преследование? Надо сразу же обозначить, что ведовские сюжеты в этой речи являлись отнюдь не самыми центральными, но весьма показательными. Первый раз Гиммлер упомянул в речи 1937 года ведьм, когда рассуждал о гомосексуализме, распространенном среди католических священников. Он высказал идею, что отдельные иерархии церкви устраивали преследование ведьм и их сожжение, чтобы удовлетворить свои «извращенные потребности». В этом тезисе отчетливо слышатся отголоски идей некоторых фёлькише о «темной сексуальной магии». Гиммлер заявлял: «Неоспоримые доказательства этого будут приведены через четыре года. Я надеюсь, что тогда мы сможем спросить с церковной организации, с ее иерархов, с ее священников как представителей гомосексуальных эротических мужских союзов, которые терроризировали человечество на протяжении последней тысячи восьмисот лет. Мы сможем призвать их к ответу за великие кровавые жертвы, которые они приносили в прошлом, следуя за своей садистской извращенностью. В данном случае можно было

бы напомнить о преследовании ведьм и еретиков». То есть Гиммлер предполагал, что среди прочих причин, по которым надо было бороться против церкви, надлежало отдельно выделить гомосексуализм священников, который угрожал «основам государства». Обещание предоставить «неоспоримые доказательства» можно было оценивать двояко. С одной стороны, это можно трактовать как косвенное упоминание о деятельности «Зондеркоманды Х». Однако это можно объяснить как стремление начать против католических священников серию «процессов нравственности», пик которых в Третьем рейхе действительно пришелся на 1940–1941 годы.

Второе упоминание ведьм в речи Гиммлера, которую он произнес в 1937 году перед группенфюрерами, было связано с похвалами в адрес немецкой женщины и жестким осуждением «гонений, которым она подвергалась». Гиммлер заявил буквально следующее: «Нам должно быть предельно ясно, что движение и мировоззрение имеет смысл, когда их носительницей является женщина. Если мужчины пытаются постигнуть все вещи умом, то есть логически, то женщина полагается на свои чувства. Немецкие женщины во время процессов над ведьмами и еретиками принесли огромные жертвы. Священники предельно точно представляли, зачем им надо было сжечь пять и шесть тысяч женщин. Они, женщины, полагались как раз на их старое знание, старое учение, на соответствующие чувства, в то время как мужчины уже перестроились и стали думать логично. Однако их логика не имела никакого смысла. Они смирились с тем, что, крестившись, понесли политическое поражение». В этом пассаже Гиммлер как бы идентифицирует немецкую женщину с германским государством. Она служит «народному сообществу» на самом низовом уровне, то есть в «частной жизни», в семье, где проявляет немалую заботу о «правильном» воспитании и сохранении традиций. Подобного рода представления имеют очень долгую историю, в том числе в фёлькише движении. Немецкие националисты нередко приписывали германской женщине роль «защитницы нации», заступницы за государство и господствующую идеологию. При этом делалась оговорка, что сами женщины в реальности должны были осознанно отказываться от общественной жизни, то есть не являться активно действующим субъектом политики. В данном случае они должны были быть пассивными хранительницами традиций, чья функция в обществе была скорее символической, нежели действительной. В представлениях Гиммлера германские ведьмы были женственными (но не эротичными), верными спутницами мужчин, воспитательницами детей, которые защищали

«народное сообщество» от «болезненной сексуальности» и сохраняли народную самобытность. Придерживаясь подобной точки зрения, Гиммлер исходил из того, что сожжение ведьм было необъявленной войной против немецкого народа. Эта мысль до него уже не раз высказывалась некоторыми идеологами фёлькише движения. То есть в СС германские ведьмы должны были почитаться как «национальные мученицы», которые погибли в борьбе за «старые обычаи и идеалы» и пресловутую немецкую самобытность.

Если еще раз посмотреть на рукописи Арнольда Руге, то окажется, что оба центральных мотива эсэсовского восприятия процессов над ведьмами – акцент на враждебности церкви по отношению к германской расе, к германской женщине и к германским государственным принципам, а также провозглашение сожженных ведьм «национальными мученицами», символическими носительницами немецкой самобытности – некоторое время спустя оказались положенными в основу деятельности «особого проекта Х». Попытка представить католических священников как «врагов рейха», которые в своей подрывной работе пошли на союз с другими врагами Германии (большевики, евреи, гомосексуалисты и т. д.) дополнялась попытками поиска элементов «новой немецкой религиозности». Их искали прежде всего в народной культуре, однако представители «Зондеркоманды Х» делали это исключительно с привязкой к сюжетам о преследовании ведьм. По большому счету вся деятельность «Зондеркоманды Х» сводилась именно к тому, чтобы найти и собрать как можно больше документов и исторических свидетельств того, что женщина всегда занимала особое место в германской культуре. Кроме этого, исследователи, работавшие в «проекте Х», должны были специально выискивать исторические источники, которые в перспективе можно было бы использовать для дискредитации католической церкви и христианской теологии. Однако последнее поручение не являлось отличительной чертой эсэсовского проекта, так как приблизительно тем же самым занималось еще несколько ведомств. В Третьем рейхе антицерковными кампаниями кроме Альфреда Розенберга отличились Мартин Борман и министр пропаганды Йозеф Геббельс, который несколько раз инициировал критику католической церкви через подконтрольную ему прессу.

Глава 6. «Особый проект X» между наукой и политикой

В 1935 году Генрих Гиммлер отдал приказ сформировать при службе безопасности СС (далее по тексту – СД) исследовательскую группу, которая должна была заниматься исключительно историей репрессий в отношении ведьм и судебными процессами над колдуньями. Первое упоминание об этой группе датируется 11 сентября 1935 года, а последнее – 19 января 1944 года. Как уже говорилось выше, Гиммлер был известен идеями, которые современные историки предпочитают оценивать как «сумасбродные». Нередко Гиммлер давал своим сотрудникам поручения, выполнение которых было не самым простым делом. С одной стороны, надо было выполнить приказ рейхсфюрера СС, с другой стороны, это надо было сделать так, чтобы не вызвать ненужного резонанса в научно-исследовательских кругах. Дело в том, что многие из сотрудников эсэсовских исследовательских структур были людьми с академическим образованием и даже с учеными степенями, а потому они просто-напросто боялись опозориться. Например, уполномоченные Гиммлером исследователи должны были заниматься изучением системы регулирования рождаемости, причем в каждом отдельном случае они должны были обращать внимание на то, не были ли дети зачаты во время летнего солнцестояния. Или другой пример: эсэсовские ученые должны были заняться изучением якобы происходящего со времен викингов искусства сворачивания сигар. Поводом для этого стали неверно понятые описания одной пожилой женщины из Ютландии. Сам же Гиммлер полагал, что раз викинги могли открыть Америку до Колумба, то они вполне могли первыми привезти в Европу табак. Или другой пример. Ученым поручалось найти доказательства того, что брюки от костюма японских крестьянок весьма напоминали баварские одеяния. В любом случае большинство заданий для эсэсовских исследователей давал лично Генрих Гиммлер. Он же определял, насколько эти задания, равно как и полученные результаты, соответствовали национал-социалистическому мировоззрению. Рейхсфюрер СС был свято убежден, что гуманитарные науки можно было использовать в качестве боевого средства для борьбы с врагами Третьего рейха, а также для укрепления национал-социалистического государства. Тем не менее Гиммлер предполагал, что гуманитарные науки надо было

«преобразовать», что они лучше справлялись с «новыми функциями», нежели это получалось у представителей «старого академического мира». Выполнение этой задачи осложнялось тем, что немецкие университеты не были непосредственно подчинены Гиммлеру. Кроме этого, даже после окончания унификации немецкой науки многие из ее представителей не скрывали своего скептического отношения к идеям, высказанным главой СС. Примером может послужить «учение о мировом льде» Ганса Гёрбигера, которое активно поддерживалось Генрихом Гиммлером, но никогда не воспринималось всерьез в академических кругах.

Вообще-то Гиммлера было очень легко спровоцировать на начало новой пропагандистско-исследовательской кампании. Наглядным примером этого может послужить проект «Лес и дерево в арийско-германской духовной истории и культуре», реализуемый в рамках исследовательского общества «Наследие предков». Толчком для его возникновения стал подарок, сделанный Имперской руководительницей женщин, Гертрудой Шольц-Клинк, на праздник Юль 1938 года, который должен был заменить христианское Рождество. А Шольц-Клинк всего лишь преподнесла Гиммлеру печенье, выполненное в виде лоса. Весной 1939 года глава «черного ордена» связался с главным егерем рейха Германом Герингом и убедил совместно финансировать исследования профессора Франца Альтхейма, которому предстояло придать мировоззренческое значение народным мотивам с изображением лоса и оленя. Или другой пример. Как-то в беседе с Гиммлером Геринг бросил фразу о том, что вороны очень часто кружатся над местами, где раньше, даже в незапамятные времена, происходили массовые казни и расправы. Гиммлер тут же взял эту идею на вооружение. 9 октября 1942 года он отдал «Наследию предков» распоряжение составить карту, на которой были бы отмечены все такие места.

H-Sonderauftrag des RFGG

Штамп «Особого проекта X рейхсфюрера СС»

На первый взгляд могло показаться, что работа «Зондеркоманды X» определялась не только взглядами и идеями Гиммлера. Наряду с ним с ним в формировании «Зондеркоманды X» участвовал специалист, человек, обладающий глубокими знаниями. Им был профессор Обенауер, который был не только деканом философского факультета в Бонне, но и одним из

первых академиков, поступивших на службу в СД. Именно он подбирал кадры для «Зондеркоманды Х». Его взгляды на жизнь и историю были не похожими на гитлеровские. В отличие от рейхсфюрера СС он не был одержим нордическими мифами. Но судьба распорядилась так, что именно он активно сотрудничал с СС, фактически поддерживая многие бредовые идеи честолюбивого главы «черного ордена». Возможно, им двигал обыкновенный оппортунизм. Возможно, какие-то другие мотивы. Так или иначе, но все сотрудники «Зондеркоманды Х» не имели права на собственное мнение, они должны были идти лишь в русле расовых фантазий Генриха Гиммлера.

Рейнхард Гейдрих

Гиммлер придерживался точки зрения, что любая наука (гуманитарная в том числе) должна была иметь «органическую основу» – никакой ее элемент не должен был существовать сам по себе, а находиться в тесной взаимосвязи с другими элементами, то есть быть частью чего-то целого. Едва ли стоит объяснять, что эсэсовские исследования были предельно идеологизированными. Как уже говорилось в предыдущих главах, Гиммлер планировал устранить четкие границы между отдельными научными дисциплинами. Например, методики исследования, присущие для

естественных наук, должны были применяться в гуманитарной сфере, и наоборот. В итоге на свет появлялись такие дисциплины, как «арийская физика» или «расовая обусловленность германской культуры». Желая показать абсурдность научных взглядов Гиммлера, отечественные и зарубежные исследователи нередко приводят фразу, которую якобы некогда рейхсфюрер СС произнес Герману Раушнингу. «Если государство или партия высказывают какое-либо мнение в качестве желательной отправной точки для научных исследований, то оно просто должно считаться научной аксиомой и не допускать никаких кривотолков, а тем более злонамеренной критики. Нам все равно, так ли в действительности происходила древняя история германских племен, или иначе. Ученые исходят из понятий, которые меняются каждые несколько лет. И никакого значения не имеет, если понятия, определенные партией в качестве отправной точки, вначале будут противоречить мнениям, принятым в научных кругах. Единственное, что касается нас, и за что мы платим этим людям – исторические представления, укрепляющие в нашем народе столь необходимую национальную гордость. Во всем этом весьма сомнительном предприятии у нас один интерес – спровоцировать на далекое прошлое наши представления о будущем немецкого народа. Весь Тацит со своей “Германией” – тенденциозная писанина. Наша германистика веками питалась этой фальшивкой. И мы имеем полное право заменить одну фикцию другой. Первобытная история – это наука о выдающемся значении немцев в доисторическую эпоху». Однако, как оказалось, фальшивкой была и сама книга Раушнинга. А потому с большой долей вероятности можно утверждать, что данная «цитата» из Гиммлера является выдумкой. Глава СС никогда не ставил под сомнение, что наука должна была находиться под политическим контролем. Но при этом ему бы в голову не пришло заниматься сознательной фальсификацией истории. Проблема заключалась в том, что Гиммлер действительно верил, что давал своим исследователям «перспективные» научные задания.

Облава, устроенная айнзацгруппой СД

Чтобы лучше понять, какие цели преследовал «особый проект Х», каких результатов он должен был добиться, надо учитывать, что он осуществлялся с 1935 года при СД, которая в 1939 году была интегрирована в Главное управление имперской безопасности (РСХА). Поначалу проект осуществлялся в рамках 2-го управления РСХА, а с 1941 года – внутри 7-го управления РСХА. Когда Гиммлер и Рейнхард Гейдрих создавали службу безопасности СС, то они планировали, что СД станет тайной полицией, которой будут руководить самые «проверенные» эсэсовские офицеры. Одной из задач СД было информирование партийного руководства о планах и намерениях идеологических противников режима.

Кроме этого, СД должна была изучать настроения, царящие в обществе. В декабре 1938 года компетенция СД была расширена – она стала курировать в том числе вопросы разведки. Упоминавшееся 2-е

управление отвечало за все дела, связанные с деятельностью коммунистов, марксистов, иудеев, масонов и представителей «политических религий» (в первую очередь подразумевался так называемый «политический католицизм»). В процессе формирования и уточнения «образа врага» в него были включены все «негерманские» явления. В данном случае было вполне логичным, что изучение истории ведовских процессов как одной из форм борьбы католичества против германцев осуществлялось именно в рамках СД. Даже Гейдрих, глава эсэсовской службы безопасности, который нередко скептически относился к идеям Генриха Гиммлера, охотно признавал, что «политические церкви» на протяжении многих столетий «уничтожали кровные и духовные ценности нашего народа». Впрочем, Гейдрих предпочитал находить более прозаичные примеры подобной подрывной работы, нежели Гиммлер. Для начальника СД значение имели не некогда сожженные ведьмы, а то, что католики «открыто саботировали расовое законодательство рейха и закон о стерилизации». В отношении своих служащих Гейдрих придерживался принципа, что каждый из референтов «должен был думать так же, как противник, но в любой момент мог арестовать его, не испытывая сострадания».

Сотрудники СД на оккупированных восточных территориях

Когда в 1939 году Генрих Гиммлер был назначен начальником всей

германской полиции, то он решил сохранить функции СД в новом учреждении, которое получило название Главного управления имперской безопасности. РХСА делилось на несколько управлений, а каждое из управлений – на несколько рефератов (отделов). Каждая из этих структур имела свое собственное задание, начиная от организации террора до принятия мер по осуществлению национал-социалистической пропаганды. Чтобы далее лучше разобраться в бюрократических хитросплетениях работы «Зондеркоманды X», надо дать краткую характеристику каждому из семи управлений РХСА.

1-е управление (персонал, образование, подготовка, организация полиции безопасности) – участвовало в формировании так называемых айнцагрупп (оперативных групп), которые уничтожили тысячи людей на оккупированных территориях Польши и Советского Союза.

2-е управление (хозяйство и экономика) – занималось проблемами перевооружения различных типов грузовых автомобилей, в том числе созданием мобильных газовых камер («душегубки», газенвагены), которые предназначались для уничтожения евреев;

3-е управление (немецкое жизненное пространство) – участвовало в так называемой «политике германизации» аннексированных польских территорий;

4-е управление (исследование противника и борьба с ним) – ответственно за уничтожение фактических и мнимых противников Третьего рейха; реферат IV В4 под руководством Адольфа Эйхмана был повинен в организации массовых убийств европейских евреев;

5-е управление (борьба с преступностью) – ответственно за аресты и направление в концентрационные лагеря так называемых «асоциальных личностей» (кроме всего прочего, цыган и евреев);

6-е управление (служба сбора информации из-за рубежа) – ответственно за подготовку покушений на немецких эмигрантов, а также за составление списков для «оперативных групп», которые начинали действовать на только что оккупированных территориях;

7-е управление (мировоззренческие исследования и оценка положения) – занималось разработкой теоретических и идеологических основ, которые укрепляли национал-социалистическую государственность, а также оправдывали национал-социалистический террор.

Уже из краткого описания деятельности РСХА видно, что «особый проект X», в рамках которого исследователи должны были заниматься на первый взгляд сугубыми историческими проблемами, осуществлялся при учреждении, которое играло значительную роль во внутренней политике

Третьего рейха, а также было ответственно за многочисленные преступления, совершенные на оккупированных территориях. Все это говорит о том, что Гиммлер не планировал ограничиваться исключительно гуманитарно-идеологическими исследованиями, а планировал «применить» полученные результаты на практике.

Сведения об исследователях, которые принимали участие в деятельности «Зондеркоманды Х», а также составляли «колдовскую картотеку Гиммлера», позволят пролить свет на споры, которые в последнее время активно ведутся в германской историографии. Речь идет о роли гуманитарных наук в национал-социалистическом государстве. Судьбы сотрудников «Зондеркоманды Х» позволят хотя бы в какой-то мере ответить на многочисленные вопросы, порождаемые в этой дискуссии. Надо отметить, что все «охотники на ведьм» из состава СС имели высшее образование. Все, кому удалось пережить войну, смогли прилично устроиться в Австрии или Федеративной Республике Германии, где нашли сторонников своих слегка модифицированных идей.

Франц Альфред Зикс

«Проект X» подчинялся непосредственно Францу Альфреду Зиксу. Сам он никогда не занимался непосредственной работой по изучению истории преследования ведьм, однако как глава сначала 2-го, а затем 7-го управления РСХА он являлся автором тех директив, на которые опирались сотрудники «Зондеркоманды X». Уже одного этого обстоятельства вполне достаточно, чтобы поближе познакомиться с биографией Франца Зикса. Он родился 12 августа 1907 года в Мангейме, и, таким образом, к моменту создания РСХА ему было лишь немногим более 31 года. Как отмечает отечественный исследователь Константин Залесский, всё это позволяет характеризовать Франца Зикса как «молодого интеллектуала», который был привлечен к сотрудничеству с СС лично Рейнхардом Гейдрихом. В свое время Зикс изучал философию и политэкономию в знаменитом Гейдельбергском университете, где в 1934 году защитил диссертацию и получил ученое звание доктора философии. Однако в национал-

социалистическом движении Зикс не был случайным человеком и, в отличие от большинства сотрудников той же криминальной полиции, примкнул к нацистам не из карьерных соображений, а по убеждениям. Уже в 1929 году он стал членом гитлерюгенда и Национал-социалистического союза студентов, а 1 марта 1930 года – полноправным членом НСДАП (он имел партийный номер 246 670) и СА. На протяжении нескольких лет он сделал успешную карьеру в молодежных нацистских организациях и к 1934 году стал пресс-директором Германской ассоциации студентов Кёнигсбергского университета. В 1936 году Зикс получил должность доцента юриспруденции и политических наук Кёнигсбергского университета. К этому времени он уже вовсю сотрудничал с СД, выполнял задания по исследованию отдельных направлений враждебной идеологии, поэтому вполне логично, что высоко ценивший его знания Гейдрих предложил Зиксу перейти на службу в СД.

20 апреля 1935 года Зикс вступил в СС (получил номер СС 107 480), получил звание унтерштурмфюрера и был назначен начальником Центрального отдела I 3 (пресса и музей) Главного управления СД, причем одновременно он остался руководителем одного из главных управлений Национал-социалистического союза студентов. За два года он стремительно преодолел несколько ступенек по служебной лестнице и в июне 1939 года возглавил отдел исследований вопросов идеологии III управления Главного управления СД, а 12 декабря того же года был произведен в оберштурмбаннфюреры СС (что соответствовало уже подполковнику). Как уже указывалось выше, 27 сентября 1939 года Зикс стал начальником II, а затем и VII управления РСХА. 11 сентября 1938 года ему было присвоено звание штандартенфюрера СС. Так как Зикс возглавлял «научное» управление, то одновременно происходил и его «профессиональный» рост – в 1938 году он стал почетным профессором Кёнигсбергского, а в октябре 1939 года – Берлинского университета. О том, каким высоким авторитетом пользовался Зикс у руководства, может служить тот факт, что его планировалось после успешного захвата Великобритании назначить руководителем СД и полиции безопасности на Британских островах.

Франц Альфред Зикс на судебном процессе

4 июня 1940 года Альфред Зикс поступил на службу в запасной артиллерийский полк СС в Берлине-Лихтерфельде рядовым (СС-манн), в течение полугода он получил несколько повышений и наконец 20 апреля 1941 года получил офицерское звание – унтерштурмфюрера войск СС (кстати, именно поэтому на приведенной в этой книге фотографии можно видеть Зикса со знаками различия обершарфюрера СС). Как и многим высшим руководителям РСХА, Зиксу пришлось принять участие в ставшей одной из черных страниц этого ведомства операции, связанной с уничтожением гражданского населения и евреев на территории СССР. Накануне нападения Германии на СССР, а именно 20 июня 1941 года, штандартенфюрер СС Альфред Зикс был назначен командиром зондеркоманды СД «Москва» в составе айнзацгруппы «Б», которой, кстати, командовал руководитель V управления РСХА Артур Нёбе. Зикс пробыл на фронте недолго – около 2 месяцев, однако его подчиненные успели поучаствовать в массовых расстрелах евреев в Центральной России. Тем не менее практика той теории, которую он исповедовал, произвела на профессора Зикса очень тяжелое впечатление, и он счел за благо под

предлогом плохого здоровья 20 августа 1941 года сдать командование штурмбаннфюреру СС Вольдемару Клингельхёферу и вернуться в Берлин. 9 ноября 1941 года Зикс стал оберфюрером СС. Еще почти год Зикс продолжал руководить управлением, но 1 сентября 1942 года он оставил службу в РСХА и перешел в Имперское министерство иностранных дел, где возглавил Культурно-политический отдел и получил ранг посланника 1-го класса. На этой должности он встретил в мае 1945 года крах режима, к этому времени изменилось лишь его звание в СС – 30 января 1945 года (в годовщину прихода нацистов к власти) он стал бригадефюрером СС. После капитуляции Зикс, выправив документы на Георга Хехера, некоторое время скрывался от властей союзников, но вскоре был арестован и в 1948 году стал одним из подсудимых на процессе Американского военного трибунала по делу оперативных групп СД. Наказание за 2 месяца карательных операций в России было довольно суровым – 20 лет тюремного заключения. Однако уже через 3 года – в 1951 году – срок заключения был сокращен до 10 лет, а затем – до 5 лет. 30 сентября 1952 года Альфред Зикс вышел на свободу. После освобождения он в течение шести лет возглавлял отдел труда в администрации концерна «Маннессманн», а затем стал директором по рекламе моторостроительной фирмы «Порше – Дизель ГмбХ» в Фридрихсхафене. Скончался Зикс в Бозене 9 июля 1975 года в возрасте 68 лет.

Если Франц Зикс просто курировал работу «особого проекта X», то за непосредственное выполнение заданий, поставленных рейхсфюрером СС, отвечали два других эсэсовских офицера – Вильгельм Шпенглер и Рудольф Левин. Вильгельм Шпенглер (1907–1961) изучал историю, историю искусств и филологию в университетах Мюнхена и Лейпцига. В одной из автобиографий он упомянул, что настолько сильно ненавидел католицизм, что выбрал образование, которое «могло способствовать мировоззренческому возвышению германского и немецкого духовного наследия». После защиты диссертации, которая была посвящена драмам Шиллера, Шпенглер в течение года работал преподавателем. После этого в 1934 году он поступил на службу в СД, став первым германистом, числившимся в эсэсовской службе безопасности. В 1937 году он возглавил реферат (отдел), который занимался «прессой и печатными материалами». Затем он был переведен в культурный реферат, где занимался оценкой настроений, царивших в среде творческой интеллигенции. В 1942 году по поручению руководства СД он был направлен на Восточный фронт, где «отличился» в борьбе с партизанами. После окончания войны работал в издательстве «Шталлинг». Здесь он оказался в компании Ганса Шнайдера,

сотрудника «Наследия предков», который возглавлял в годы войны отдел «Германское научное действие». С 1951 года Вильгельм Шпенглер был членом правления «Тихой помощи», организации, которая занималась оказанием поддержки осужденным национал-социалистам и военным преступникам. Рудольф Левин (1909 – погиб приблизительно в 1945) также изучал историю и германистику. Кроме этого, он занимался проблемами философии и английского языка. Окончив Лейпцигский университет, он защитил докторскую работу «Понятие истории в позитивизме при учете особых воззрений Милля». Оказавшись в составе «Зондеркоманды Х», долгое время работал над диссертацией по теме «Процессы над ведьмами с народно-исторической точки зрения», однако так и не успел ее закончить. Был ассистентом Франца Зикса в Берлине. Кроме этого в составе «Зондеркоманды Х» имелось тринадцать штатных сотрудников и несколько советников. Если говорить о штатных сотрудниках «особого проекта Х», то их список выглядел следующим образом.

Ганс Петер Коудрес (в центре)

- Мартин Бирманн. Родился в 1914 году. Работал помощником адвоката. Вслед за своим отцом сначала вступил в НСДАП, а затем в СС.
- Доктор Отто Экштейн. Родился в 1912 году. После окончания

университета работал в партийной комиссии по цензуре, откуда перешел в «особое книгохранилище» СС.

– Эрнст Меркель. Родился в 1907 году. Начал свою службу в СС в Лейпцигском «особом книгохранилище».

– Доктор Фридрих Христиан Муравский. Родился в 1898 году. Один из немногих армейских капелланов, который защитил кандидатскую диссертацию. После вступления в НСДАП был лишен сана. После прихода к власти нацистов работал на курсах повышения квалификации в «Немецком трудовом фронте». В 1935 году вступил в СС. Являлся одним из ведущих специалистов в СД по церковным вопросам. В 1943 году изгнан из СС за «сочувствие к евреям и высказывание филосемитских идей».

– Фридрих Фердинанд Норфолк. Родился в 1899 году. В 1924 году был награжден моравской литературной премией. В 1935 году переехал в Лейпциг. В 1942 году получил признание немецкой общественности за роман «Сердце в танке».

– Профессор Вильгельм Август Патин. Родился в 1879 году. Преподавал каноническое право в Мюнхене. В 1934 году вступил в НСДАП.

– Рудольф Рауль Райссман. Родился в 1910 году. Учился в Дрездене, Мюнхене, Париже и Лейпциге. В ноябре 1936 года поступил на службу в СД.

– Рудольф Рихтер. Родился в 1905 году. Несостоявшийся учитель, который работал на «Средненемецком радио» в Лейпциге.

– Готфрид Рушке. Родился в 1912 году.

– Герхард Шмидт. Родился в 1911 году. Один из инициаторов написания «Библиографии национал-социалистического движения».

– Барон Шренк фон Нотцинг. Родился в 1916 году. Учился в старших классах у Шпенглера. Параллельно с работой в «Зондеркоманде Х» изучал юриспруденцию в Берлине.

– Альфред Фердинанд Карл Вентцель. Родился в 1910 году. После получения торгового образования примкнул к националистической парамилитаристской организации «Вервольф». Несмотря на молодой возраст, считался одним из ветеранов штурмовых отрядов в Лейпциге. Вступил в СС в 1935 году.

– Доктор Ганс-Петер Коудрес. Родился в 1905 году. В 1930 году вступил в НСДАП. Работал библиотекарем в «Немецком книгохранилище» в Лейпциге. Пользовался расположением Гимmlера. Со временем был переведен на работу в замок Вевельсбург.

Кроме перечисленных выше людей в работе «Зондеркоманды Х»

принимал постоянное участие «особый заключенный» концентрационного лагеря Заксенхаузен Герберт Бланк. Этот человек в свое время являлся одним из идеологов левого крыла НСДАП. Вместе с Отто Штрассером он покинул гитлеровскую партию и создал «Черный фронт», который был запрещен в Третьем рейхе как «подрывная организация». После ареста от неминуемой расправы его спасло личное заступничество Генриха Гиммлера. Также СД привлекало для решения отдельных задач некоторых ученых, например, докторов Эбергарт Шмидера и Вильгельма фон Эренвиссена, а также профессоров Карла Юстаса Обенауера и Гюнтера Франца. Как мы видим, состав «Зондеркоманды» был достаточно представительным. В основном это были молодые люди, которые имели блестящее образование. Это еще раз доказывает, что Гиммлер очень серьезно относился к «особому проекту X».

Вильгельм Шпенглер

Из приведенных биографий видно, что руководители «проекта X» – Шпенглер и Левин – имели не только историческое, но и филологическое образование. Как служащий СД Вильгельм Шпенглер в основном занимался тем, что составлял списки литературы, которая могла использоваться для обоснования позиций идеологических противников национал-социализма. Кроме этого, он постоянно принимал участие в обсуждении перспективных планов «Зондеркоманды X», наблюдая за тем, чтобы деятельность этой структуры имела необходимое идеологическое обоснование. По большому счету Шпенглер не занимался изучением истории «колдовских процессов». Однако как член организации «СС-фрауэнверк» («Эсэсовское женское предприятие») он активно изучал проблему восприятия женщины как у германцев, так и в христианстве. По большому счету этот комплекс проблем имел непосредственное отношение к задачам, поставленным перед «Зондеркомандой X». Образ женщины, разработкой которого занимался Шпенглер, должен был полностью соответствовать расистской идеологии СС. В одной из своих статей, которая была опубликована в пропагандистском журнале «Народ в процессе становления», Вильгельм Шпенглер писал: «Мужчина или женщина? Нет! Согласно древним законам бытия, они оба приглашены нести ответственность за род и передавать свою кровь в будущее через постоянное творение новой жизни... Вереница поколений от пращуров к потомкам делает в какой-то момент каждого мужчину и каждую женщину полностью ответственными за свой род». Представители полов в материалах Шпенглера никогда не возникали как личности, а всегда появлялись лишь как существенные элементы цепи сменяющих друг друга поколений.

Пропагандируемые им идеи были отнюдь не новаторскими. Он говорил о разделении полов, которое должно было узаконить устранение женщины из сферы политики: «Мужчина должен быть и будет не только ответственным защитником семьи и рода, но также он должен быть и будет являться носителем государственности, выразителем стилеобразующих и типологических сил во всех областях общественной жизни». В патетическом описании женской сути Шпенглер, подобно Гиммлеру, обращал в первую очередь внимание на роль женщины в укреплении существующего порядка: «Однако женщина остается хранительницей неистощимых жизненных сил народа, она – источник вечно юной жизни, в ее руках находятся счастье и тепло всей личной жизни».

Если говорить о Рудольфе Левине, то он не раз пытался получить должность доцента, опираясь на свои разработки, касавшиеся изучения

истории процессов над ведьмами. Об этом как-то он сообщил известному аграрному историку и специалисту по Крестьянской войне Гюнтеру Францу (1902–1992), который с 1935 году состоял в СС. Франц был не просто историком, а руководителем нескольких исследовательских проектов, которые осуществлялись при СД. В своем письме Рудольф Левин, видимо, предполагая научную слабость своей работы, акцентировал внимание на ее политической важности. Он писал: «Поскольку данная работа также является исследовательским заданием, которое осуществляется по приказу рейхсфюрера СС, то мировоззренческие аспекты в ней выражены много сильнее, нежели в других научных трудах. Существенная часть полученных результатов находится во второй главе, которая попала под гриф секретности, а потому изъята из текста работы». Это письмо было датировано 3 декабря 1941 года. К нему прилагалось оглавление, которое позволяет судить о том, что исследовательская работа в рамках «особого проекта X» велась во враждебном к христианству направлении (глава I b и c), что полностью соответствовало целевым установкам Гиммлера. Текст Левина изображал преследование ведьм как преступление в отношении германской расы (главы I и II).

Само оглавление выглядело следующим образом:

«I. Происхождение и распространение заблуждений о ведьмах и процессов над колдуньями в империи

- a. Проблема заблуждений о ведьмах.
- b. Германское и христианское восприятия.
- c. Отношение духовенства к заблуждениям относительно ведьм и влияние на общественное мнение через проповеди.

II. Народно-исторические последствия ведьмomanии и процессов над ведьмами.

III. Народно-политические последствия преследования ведьм».

В более позднем письме к Гюнтеру Францу (от 27 июля 1942 года) Рудольф Левин выражал опасение, что его работа могла быть не принята академическими кругами. При этом он напоминал об обязательствах по соблюдению секретности «проекта X», а потому просил Франца согласовать темы докладов. Кроме всего прочего Левин просил, чтобы Франц в отличие от «представителей факультета не подвергал [работу] слишком острой критике, так как тоже являлся служащим СС». Переписка продолжалась на протяжении всего 1942 года. Гюнтер Франц не раз упрекал Рудольфа Левина в поверхности суждений, недостатке анализа и перенасыщенности его статей ссылками на источники, которые никак не были сгруппированы. Вышеупомянутые недостатки статей и работы

Рудольфа Левина объяснялись тем, что тот занимался активным поиском материалов в немецких архивах, но не анализировал их. Аналогичную тенденцию можно было обнаружить также в работах других сотрудников «Зондеркоманды Х». Подобные упреки были совершенно справедливыми, даже если на них указывал состоявший в СС Гюнтер Франц. Он не раз настаивал, чтобы представленные на его рассмотрение материалы хотя бы формально соблюдали критерии научной объективности и были корректными по своей форме. Однако в них явно прослеживалось идеологическое и мировоззренческое влияние. В итоге даже в марте 1943 года Рудольф Левин не смог получить должность доцента. После этого провала он решил попробовать себя в Мюнхенском университете. Однако и здесь его ожидала неудача. В 1944 году все арбитры отвергли научную работу Рудольфа Левина, однако это не должно трактоваться как несостоятельность самого «проекта Х». Ситуация была весьма щекотливой. Одним из историков, который «завернул» научный труд Левина, был профессор Карл Александр фон Мюллер, который был не просто членом НСДАП, а еще с 20-х годов были лично знаком с Гитлером. В данном случае едва ли приходится сомневаться в том, что фон Мюллер не придерживался национал-социалистической идеологии, однако даже ему показался весьма сомнительным один из центральных тезисов работы, в котором указывалось, что центральную роль в процессах над ведьмами играли священнослужители. Кроме этого, он не мог согласиться с выводом о том, что немецкое население никак не было причастно к преследованию ведьм («реабилитация» германцев была одной из задач «Зондеркоманды Х»). Фон Мюллер писал по данному поводу: «Очевидным подстрекателем к преследованию ведьм, скорее всего, являлось само население и соответственно местная община».

Представление о волшебстве как об искушении нечистыми духами

Принимая во внимание второй важный тезис научной работы Рудольфа Левина, согласно которому заблуждения о ведьмах являлись результатом «инородного воздействия христианства на германскую культуру», фон Мюллер сослался на свою некомпетентность в данном вопросе. Он рекомендовал обратиться к германисту Отто Хёфлеру. Хёфлер же решительно отверг тезис Левина о том, что ведьмomania была полностью чужда изначальной германской культуре. В обосновании, почему им была отклонена работа Рудольфа Левина, говорилось, что это исследование представляло «в значительной степени только собрание отрывков из источников, которое не имело логичной структуры, и являлось законченным текстом, что затрудняет восприятие материала». Кроме этого, Отто Хёфлер написал: «Главный тезис исследования о том, что заблуждения относительно ведьм являются результатом иностранного, южного влияния – в корне ошибочен».

Подобного рода отзывы весьма негативно сказались на научной карьере Левина. Тот еще в 1942 году подготовил список публикаций, которые должны были быть напечатаны в рамках «проекта Х». Новые статьи должны были принципиально отличаться и по форме и по содержанию от всех предыдущих материалов. Кроме этого, в СД были запланированы специальные книжные серии, которые бы освещали отдельно взятые проблемы. Например, в издательстве «Нордланд», принадлежавшем «Наследию предков», предполагалось напечатать многотомную серию «Источники и изложение масонского вопроса». После предполагаемой защиты диссертации Рудольфа Левина планировалось начать выпуск двух других книжных серий: «Источники и изображения политической церкви» и «Источники и комментарии по Х-вопросу». Однако по итогам поступивших отзывов рукопись диссертации Левина была признана скандальной, и ее отказались принять к рассмотрению в Мюнхенском университете. Судя по всему, она действительно была очень слабой, так как отказ поступил даже от Вальтера Вюста, который был не только эсэсовским офицером, но и куратором «Наследия предков».

Кроме Рудольфа Левина на научной почве решил себя попробовать еще один сотрудник «Зондеркоманды Х» – историк Эрнст Меркель. Он полагал, что его работа в рамках «проекта Х» могла быть использована для его научной карьеры. Относительно судьбы его диссертационного исследования имеются некие разночтения. Так, например, автор книги «Ведьмы и германцы» Катажина Лещинская указывает, что она была защищена в 1939 году. Однако Йорг Рудольф, один из авторов и составителей сборника «Колдовская картотека Гиммлера», приводит сведения о том, что диссертация Меркеля было только принята к рассмотрению в 1939 году в Гиссенском университете. Однако в 1940 году, несмотря на все содействие Франца Зикса и других «академических» сотрудников СД, декан факультета филологии сообщил, что диссертация могла быть защищена «только после окончания войны», что было вежливой формой отказа. В любом случае эти версии сходятся в нескольких моментах: Эрнст Меркель подготовил текст диссертации, который в 1939 году был представлен на рассмотрение в университет Гиссена. Этого уже достаточно, чтобы познакомиться с идеями, которые попытался заложить в свою работу Эрнст Меркель.

Диссертация Эрнста Меркеля называлась «Фигура демона в гиссенских процессах над ведьмами». Уже во введении, в котором автор ссылаясь на Зольдана и Хансена, как на необходимых для исследования авторов, Меркель констатировал, что процессы по делам ведьм были

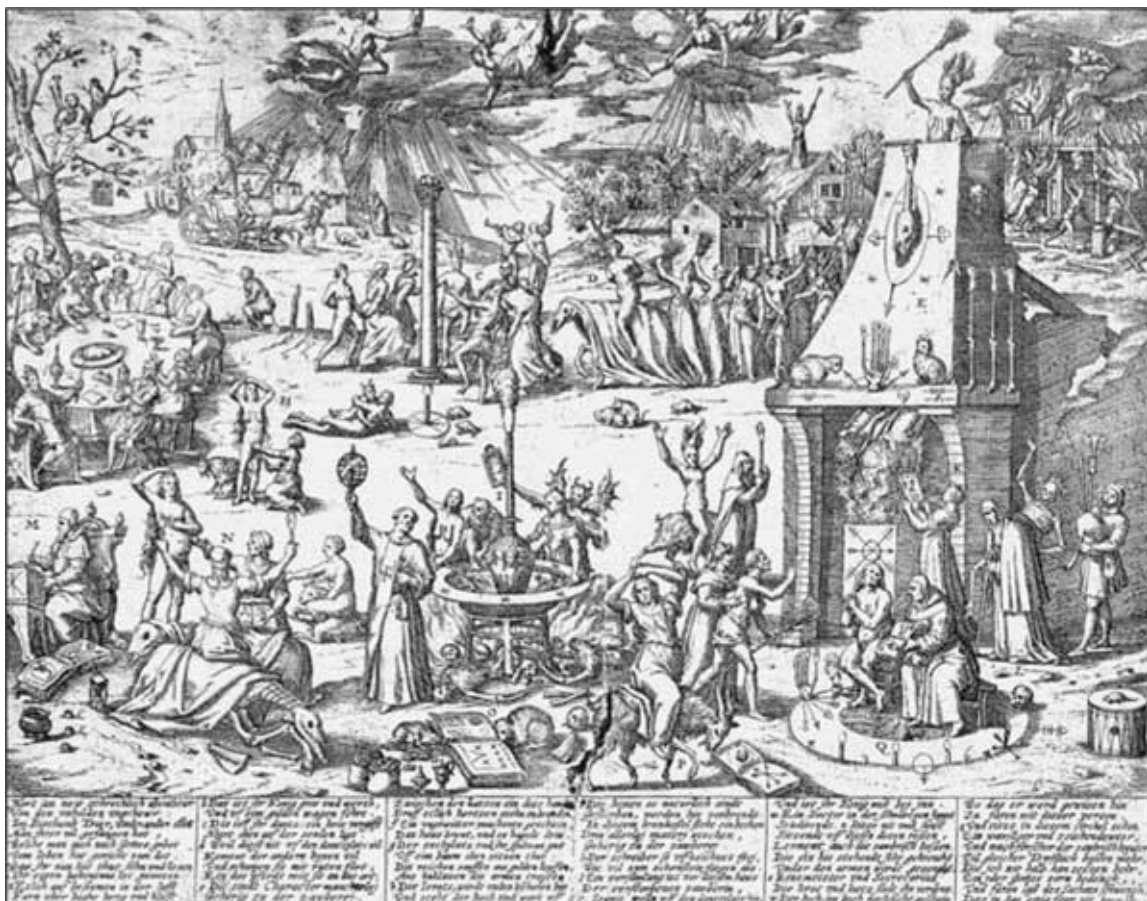
связанны с представлениями о демонах, являвшимися одним из краеугольных камней христианской религиозной системы. Он подчеркивал, что подобный «тандем» вызвал мировоззренческие споры, которые велись вплоть до времени написания диссертации. Указывая в методологии, что работа была написана исходя из расовых идей, Меркель намеревался определить источники возникновения веры в демонов, разделив при этом «инородное влияния» и «собственные [германские] представления». Из названия работы следовало, что диссертация была написана в рамках так называемой «региональной истории», то есть должна была быть научно объективной. Выявив некоторые детали, Меркель намеревался выстроить общую схему, которая могла быть применима к Германии в целом. Заявленное разграничение «инородного» и «собственного» должно было происходить с опорой на многочисленные источники. Однако автор диссертации ставил под сомнение это методологическое намерение, когда указывал на то, что преобладающая часть необходимых для этого документов была уничтожена в самом же Гессене.

Меркель трактовал веру в демонов как составную часть «расово обусловленного мировоззрения» и проводил непосредственную связь с религией, которую он обозначал как «дуалистическую» и «переднеазиатскую». Рисуя образ «чуждой» религии, оказавшей роковое влияние на европейское сознание, он тем не менее не противопоставляет Европу и Азию, что было, например, весьма характерным для воззрений Гиммлера. Хотя Меркель отмечает, что «азиатское изобретение принципа Зла», характерное для евреев, не было превращено в монотеистическом иудаизме в ярко выраженную веру в демонов. Христианство, которое, по мнению Меркеля, ко времени поздней Античности представляло собой «забродившую расовую смесь», почерпнуло понятие «демонов» именно из иудаизма. Меркель повторял тезис Зольдана о том, что в раннем христианстве представления о демонах не были развитыми. Христианство смогло укрепить свою власть только тогда, когда демонология превратилась в отдельную доктрину. В нордической народной культуре он не находил никаких упоминаний о «царстве зла». Если же таковые все-таки имелись, то они были единичными исключениями, которые были заимствованием из католических проповедей и религиозного искусства. Меркель придавал особое «пропагандистское» значение «историям о чертях», чье народное происхождение он оспаривал. Автор исследования полагал, что все эти истории и сказания были созданы в монастырях.

В своей диссертации Меркель представал как интеллигент, который намеревался переписать немецкую историю, трактуя историческую науку в

целом как «идеологическое оружие». Он упрекал католическую церковь в многочисленных исторических подлогах, а потому брал на себя смелость «выправить» эти факты и сведения. Меркель проводил взаимосвязь между верой в демонов и началом преследования еретиков, полагая, что один процесс являлся причиной другого. Вера в демонов стала возможной, так как духовенство интерпретировало отношения между человеком и дьяволом не только как теологическую метафору, но и как вполне реальные события. Вину за это Меркель возлагал не только на католиков. По его мнению, Мартин Лютер «также оказал пагубное влияние, когда интегрировал дьявола в человеческую жизнь». Вывод о том, что в христианские времена «старые боги» утратили свой прежний облик, воспринимаясь народом самое большее как духи различного вида, должен был доказать негерманский характер веры в демонов, а стало быть, и преследования ведьм. Меркель выводит фактически все формы проявления демонических сущностей из христианской веры. Сатана как мятежный дух был выведен из Библии, черный цвет, присущий демонам, являлся результатом противопоставления мрака ада и тьмы «мира сего» свету «потустороннего мира» (небес). Меркель полностью отвергал любую возможность германского происхождения хоть каких-то демонических мотивов и вариаций. Он вообще выдвигал тезис о том, что любая вещь, изначально являвшаяся христианской, не могла быть германской по определению. Единственной уступкой, которую себе позволил автор диссертации, была взаимосвязь между представлением о чародействе и верой древних германцев. В одном из таких из примеров он указывает на коня, облик которого в христианстве могли принимать отдельные демоны. Но даже в этих исключительных случаях Меркель продолжал настаивать на демонизации христианства, так как в данном случае речь велась об «очернении» народной веры и священных животных. Провозгласив христианство антиподом всего германского, Меркель пытался обрисовать контуры «истинной» германской религии, то что называется «от противного» (все германское прямо противопоставлено христианскому). С этой точки зрения мотив соблазнения демоном или дьяволом, весьма характерный для средневековых сказаний, трактовался им как общение с очень красивыми «инородцами» и «инородками». При этом «инородные представители» должны быть непременно «азиатами». Поставленный знак равенства между «христианским» и «азиатским» позволял Меркелю предположить, что только враждебно настроенные к германской расе (азиатские) монахи могли увязать между собой красоту и «греховную чувственность». В то же самое время нордический идеал красоты

провозглашался весьма близким к античной эстетике, то есть он был отстраненным, нечувственным и совершенно неэротичным. С этой точки зрения в качестве «олицетворения расовой красоты» и «идеала во всех отношениях» должна была выступать германская знать. По этой причине Меркель полагал, что сюжеты с аристократом-демоном, который совращал людей, были типично «азиатским изобретением», так как только «азиаты могли наделить человека чудовищными и животными чертами». Меркель писал: «Подобного рода нововведения первоначально не были характерны для Севера, где божественность никогда не могла быть связана со страхом и с отчуждением».

«Танцы ведьм в Триере». Рисунок конца XVI века

Меркель исключал из мира «германских» идей все то, что хоть в какой-то мере находилось в связи с чувственностью, плодородием, опьянением или ужасом. Поэтому сладострастный козлоногий фавн (Пан) не мог иметь ничего общего с культовым животных германцев – козлом, который использовался для почитания предков. Фавн был порождением

Средиземноморья, а потому его похотливость был связана с культом плодородия, что затем было превращено христианами в демонические черты. По мнению Меркеля, подобной извращенной чувственностью были проникнуты и многие из судей, которые принимали участие в процессах по делам колдуний и ведьм. В качестве доказательства этого он приводил некоторые из задаваемых вопросов, чья непристойность говорила о «предельно низком моральном уровне» преследователей ведьм.

Меркель был готов лишь в отдельных случаях смириться с тем, что образ демонов мог испытать на себе «германское влияние». В первую очередь это касалось одежды. Например, нередко в качестве доказательства связи ведьмы с демоном демонстрировалась типично германская охотничья шляпа с пером. Кроме этого, он соглашался с доводом о том, что шабаши ведьм были не чем иным, как выродившимся ритуалом, который справлялся на Вальпургиеву ночь. Подводя итоги разграничения «собственных» и «чуждых» элементов в образе демонов, которые рисовались во время процессов над ведьмами, Меркель говорил об однозначно негерманском характере веры в нечистую силу. А потому он возлагал всю вину за ведьмomanию исключительно на христианство. Сразу же надо отметить, что Меркель очень избирательно цитировал исторические документы, которые должны были подтвердить его выводы. Скорее всего, собранные в архивах документы предварительно были отсортированы в соответствии с принципом их «идеологической значимости». После этого они должны были проиллюстрировать одержимость христианства магией и чувственностью.

После написания этой работы Эрнст Меркель приступил к работе над обширной статьей, которая называлась «Германские основания заблуждений о ведьмах». Из сохранившегося плана работы видно – он намеревался поставить под сомнение, что в истинной германской культуре вообще имелось понятие ведьмы. Скорее всего, он планировал доказать, что все документы «германского происхождения», в которых говорилось о ведьмах, возникли либо под христианским влиянием, либо в них говорилось о положительно воспринимаемых священнодействиях, которые не имели ничего общего с азиатскими и христианскими представлениями. То есть Меркель планировал объяснить различия в восприятии магии как некую расовую обусловленность. В руки современных немецких исследователей попали записи, сделанные Меркелем, из которых можно было узнать о главных тезисах запланированной статьи. Ее главная идея была выражена во фразе: «Результаты: германские представления лишь поверхностно являются родственными христианским. Имеется лишь

несколько точек соприкосновения. Представление о соблазнении демоном ни в коем случае не может быть германским».

Те действия, которые предпринимали Левин и Меркель, позволяют судить об исследовательских директивах, которых придерживались в «Зондеркоманде Х». Впрочем, попытки совместить научную карьеру и работу над «проектом Х» были единичными. Не исключено, что сотрудниками «Зондеркоманды Х» было написано еще несколько работ, по своему объему близких к диссертациям, однако они не были опубликованы. Это было связано отнюдь не с их низким научным уровнем, о чем иногда говорится в современной исследовательской литературе, а с приказом Генриха Гиммлера, который запретил обнародовать любые результаты деятельности «Зондеркоманды Х». Планировалось, что они могут быть явлены общественности после предполагаемого «окончания войны». В любом случае почти все современные исследователи, которые занимались проблемами «особого проекта Х», отмечали, что ни в специализированной литературе, ни в архивах не сохранилось упоминаний о последних наработках «Зондеркоманды Х». В данном случае нам приходится довольствоваться списком сотрудников «проекта Х» и их предположительной специализацией. Исключение в данном случае составляет, наверное, только Фридрих Норфолк.

Если говорить о популярной или, как выражались в Третьей рейхе, «народной» литературе, то работу над этим направлением рейхсфюрер СС поручил Фридриху Норфолку. Норфолк – немецкий писатель из Судетской области Чехословакии – был неоднократным лауреатом Имперских литературных премий. В поле зрения Гиммлера и Зикса он попал в 1940 году. В начале июня этот литератор был зачислен в штат 7-го управления РСХА, а затем в течение двух месяцев работал с документами и картотекой «проекта Х». Тогда Норфолку поступил заказ – через полгода написать исторический роман, основой для которого послужили события в Оснабрюке. 12 мая 1943 года литератор даже заключил договор с издательством «Нордланд» на публикацию романа. Позже идея написания романа переросла в намерение создать трилогию, посвященную ведьмам. На эту задачу Норфолку отводилось около трех лет. Когда Гиммлер увидел наброски к этому произведению, то понял, что работа Норфолка не решала поставленных задач. После этого он рекомендовал писателю создавать короткие истории (80–100 страниц), которые рядовой немец мог бы прочесть достаточно быстро. Но близился конец войны, и про «колдовские книжки» очень быстро забыли.

В недрах СД возникла также идея создать специальные

иллюстративные альбомы, которые как бы дополняли предполагаемые книжные серии. Первый альбом должен был приводить не только изображения ведьм, адских картин и inferнальных существ (вампиров, оборотней и т. д.), но и тех, кто с ними боролся: папы, инквизиторы, палачи. Во втором томе планировалось опубликовать рисунки, изображающие казни, пытки, судебные процессы над колдуньями. В том же альбоме намечалось поместить в качестве приложения факсимиле наиболее интересных документов, касавшихся преследования ведьм. Впрочем, этот проект, предложенный Рудольфом Левиным в январе 1942 года, так и не нашел своего продолжения. Схожую мысль в свое время, кстати, высказывал Шпенглер, который совершал поездки по всей Германии. По возможности он фотографировал «памятные места» (башни ведьм, камеры пыток, орудия истязаний и т. п.). Он даже предполагал создать специальную коллекцию фотографий подобной тематики, но служебные дела не позволили ему сделать этого.

Следуя последнему слову техники, рейхсфюрер СС решил, что в «проекте X» необходимо использовать такое мощное средство пропаганды, как кино. Уже знакомый нам Норфолк, пребывавший в тот момент в Лейпциге, должен был не только сострять «колдовскую трилогию», но проявить талант драматурга и написать сценарий для «колдовского кино». Но Гиммлер явно переоценил способности Норфолка. В итоге «Кинопроект X» достался хауптштурмфюреру СС Хайнцу Баллензифену. В свое время этот человек был сотрудником Министерства пропаганды, которое возглавлял Йозеф Геббельс. Баллензифен принимал самое активное участие в создании антисемитской агитки «Вечный жид». Правда, кино о ведьмах он так и не снял. Но после своего двухлетнего сотрудничества с «Зондеркомандой X» он получил весьма «выгодный» пост начальника «еврейского сектора» в РСХА.

Герберт Бланк (стоит) беседует с Отто Штрассером

Как уже говорилось выше, сотрудником «проекта X» с уникальным статусом был Герберт Бланк (1899–1958), «особый арестант рейхсфюрера СС», который содержался в концентрационном лагере Заксенхаузен. Это был человек удивительной и трагичной судьбы. Многие в Германии его знали под псевдонимами: Картсганс (крестьянин эпохи Реформации), Тифенбах (глубокий ручей), Виганд фон Милтенберг. Герберт Бланк еще в 1926 году вступил в НСДАП, где примкнул к социалистическому крылу партии. Больше всего он проявил себя в работе «Боевого издательства», принадлежавшего братьям Штрассерам. После того как Йозеф Геббельс перешел на сторону Гитлера (правого, «баварского» крыла партии), Герберт Бланк стал его преемником в качестве главного редактора газеты «Национал-социалистическая корреспонденция».

В 1930 году Бланка исключили из партии. После этого он вместе с Отто Штрассером находился в руководстве «Черного фронта», организации, которая была запрещена в 1933 году. 16 июня 1933 года Герберт Бланк был арестован в первый раз. В сентябре его отпустили на

свободу, после чего он устроился на работу цензором в особый отдел по контролю над духовной и культурной деятельностью евреев. В 1934 году он был повторно арестован. В октябре 1935 года Бланк был обвинен в государственной измене и приговорен к четырем годам заключения. С 1939 по 1945 год он находился в концентрационных лагерях Заксенхаузен и Равенсбрюк, где по поручению Гиммлера занимался изучением вопросов, связанных с историей преследования ведьм. Выбор Гиммлера был не случайным – дело в том, что Герберт Бланк был известен не только как один из идеологов «Черного фронта», но и как автор нескольких исторических романов и эссе, затрагивавших историю Крестьянской войны. По сути, Бланк был дублером Норфолка. Даже не подозревая, для чего проводится эта работа, он охотно обрабатывал представляемые ему материалы, делал наброски статей и рассказов. Может быть, только благодаря этому ему удалось не сгинуть в аду концлагерей. В 1951 году журнал «Христос и мир» опубликовал заметку, посвященную Бланку. В ней говорилось: «После своего восьмилетнего заключения арестованный писатель Герберт Бланк в 1942 году получил специальное задание от Генриха Гиммлера. Он был направлен в особый эсэсовский дом, который располагался в пригороде Берлина, Вильмерсдорфе на Эмсской улице. Сюда в большом количестве привозили документы, касавшиеся процессов над ведьмами. Бланк должен был разбирать их и делать краткие выписки». Впрочем, в 1951 году автор этой заметки не знал, каково было истинное предназначение этого проекта, а потому полагал, что «цель этого предприятия до настоящего дня так и остается невыясненной». Сам же Гиммлер придерживался мнения, что Герберт Бланк был «арийцем» и «бывшим товарищем», который должен был быть арестован из-за его «измены», но тем не менее все равно являлся пригодным для ведения пропагандистской работы. Именно Герберт Бланк должен был написать для СС несколько небольших историй, которые касались судеб германских ведьм. Насколько успешно он справился с этим поручением, неизвестно. В любом случае окончание Второй мировой войны и поражение Германии помешало осуществлению этого проекта.

Как видим, под «особый проект Х» была сформирована «исследовательская группа», силу и слабость которой можно понять, если попытаться оценить с точки зрения концепции «умственного коллектива», которая в свое время была выдвинута Людвигом Флеком. В данном случае под умственным коллективом надо подразумевать «сообщество людей, которые заняты интеллектуальной работой и обменом мыслями». Если принимать во внимание, что умственные коллективы всегда рисковали

испытать на себе идеологические и пропагандистские злоупотребления, то «Зондеркоманду Х» можно трактовать следующим образом. Сотрудники «особого проекта Х» были членами специально созданной исследовательской бригады, которая имела иерархическую структуру, была нацелена на выполнение определенных исследовательских задач, но в первую очередь перед ней были поставлены пропагандистские цели. Сотрудники этого коллектива находились под давлением общего «интеллектуального стиля», под которым в данном случае подразумевается идеология, провозглашенная «единственно возможной» и «истинной». По этой причине на первый взгляд сугубо научное изучение «колдовских процессов» находилось в жестко ограниченных рамках. Факты, которые не встраивались в общую картину, изначально нарисованную Генрихом Гиммлером, должны были быть «заново» истолкованы. Если не имелось «подходящих» фактов, то они должны были быть «сконструированы».

Подобного рода идеологические «умственные коллективы» очень редко могли добиться изменения и органического развития изначальных установок. Это принципиально отличает их от научных «умственных коллективов», которые очень чутко реагируют на изменение социальных настроений. В случае «Зондеркоманды Х» имело место быть «магическое овеществление идей», то есть «научная видимость». В данном проекте любые слова, любые доводы должны были превращаться в лозунги, в «боевой клич». По итогам окончания работы «особого проекта Х» планировалось усиленно пропагандировать полученные результаты. В данной ситуации руководство «Зондеркоманды Х» должно было интересоваться не самоутверждение «именем науки», а упрочение своих позиций «именем истинной идеологии». Однако наличие идеологического надзора не могло полностью блокировать механизмы, присущие научным коллективам. На первый взгляд могло показаться, что эсэсовские исследователи «колдовской проблемы» имели возможность произвольно манипулировать фактами из истории процессов над ведьмами, на свое усмотрение используя положения тех или иных документов. Однако классические методы научной работы нельзя было полностью игнорировать, и они проявлялись в неустойчивости и неубедительности «новой аргументации». Эсэсовские исследователи никак не могли обходить стороной проблему «германских женщин», а потому разделяли идеологическое возмущение в отношении инквизиторов, крайне враждебных настроенных к природной чувственности, но при этом все эти построения были подвергнуты критике в рамках же национал-социалистических научных кругов (например, Хёфлер). То есть

сотрудникам «проекта X» не удастся полностью игнорировать те тенденции, которые учитывали причастность немцев и германцев к преследованию ведьм.

Глава 7. Как работала «Зондеркоманда Х»?

Возникнув в 1935 году, «Зондеркоманда Х» до весны 1936 года была тесно связана с эсэсовским книгохранилищем, расположенным в Лейпциге. В своей автобиографии унтерштурмфюрер СС Вильгельм Шпенглер так описал возникновение «Зондеркоманды» и книгохранилища: «Весной 1934 года я предложил использовать возможности всей немецкоязычной литературы в интересах СД, службы безопасности. Я продолжал развивать эту идею с июня 1934 года по март 1936 года. То есть до того времени, пока она не нашла свое воплощение в виде Лейпцигского книгохранилища СС. 1 апреля 1936 года в Берлине состоялось совместное заседание представителей этого учреждения и сотрудников, выполнявших особое “поручение Х”, отданное лично рейхсфюрером СС».

Первое задание, которое пришлось выполнять книгохранилищу СС, была подготовка при помощи некоторых академических структур (Лейпцигской библиотеки, ряда ВУЗов и т. д.) подробной «Библиографии национал-социалистического движения (1919–1933 гг.)». Тогда осуществление этого проекта было поручено местному руководителю СД, Лотарю Бойтелю, который запросил для его реализации «пять политических солдат» (так иногда называли служащих СС).

Сама «Зондеркоманда Х» никогда не имела четкого места обитания. Вначале она ютилась в берлинском отеле «Принц Альбрехт». Затем переехала в Лейпциг. В годы войны она базировалась в конфискованном польском замке. Формально она числилась при СД, при главном управлении I/3, еще точное обозначение выглядело следующим образом – СД I/323 Х. Именно под этой сигнатурой она появлялась во всех официальных бумагах. Оказавшись в составе СС, все участники этого проекта получили не только эсэсовские звания, соответствующие служебные посты. Доктор Левин, к слову, занимал формально пост референта по вопросам образования и высшей школы при отделе «Жизненно важных сведений». После реорганизации СД в 1939 году Зикс стал непосредственно подчиняться шефу РСХА Рейнхарду Гейдриху. Теперь «Зондеркоманда Х» действовала при VII Управлении РСХА. Сам проект получил новое чиновничье наименование – РСХА VII С 3 – «Особые научные поручения».

Одновременно с «обработкой» фондов библиотек «Зондеркоманда Х» пыталась проложить путь в немецкие архивы. Это было не так просто, как казалось на первый взгляд. Первые неприятности ждали эсэсовцев в Штутгарте. 11 июня 1935 года государственный архив Штутгарта посетил унтерштурмфюрер Ганс-Петер Коудрес, который кроме работы на «Зондеркоманду Х» также занимался составлением библиотеки в замке Вевельсбург. Придя в архив, он запросил там подробную справку о документах периода Крестьянской войны, повествовавших о преследовании ведьм. Руководитель архива Герман Херинг, известный противник «нового язычества», порекомендовал для начала ознакомиться с литературой по этому вопросу. Но в ответ поступило не менее наглое требование – именем рейхсфюрера СС передать все интересующие документы в замок Вевельсбург. Естественно, последовал отказ.

Часть библиотеки, собранной Коудресом, которая была перевезена в замок Вевельсбург

История получила свое продолжение осенью 1937 года, когда упрямый архивариус отказался передавать документы, несмотря на сильное давление сверху. Более того, он отказался допускать до работы с документами одного из офицеров СД, мотивировав это низкой квалификацией специалиста. И лишь 15 августа 1938 года сопротивление

Херинга было сломлено. Но и в этом случае речь шла не передаче документов, а всего лишь об их фотокопировании. Подобный инцидент был далеко не единичным. Работникам «проекта Х» постоянно приходилось сталкиваться с нежеланием передавать им исторические документы из архивов. Для преодоления столь неожиданных трудностей в «Зондеркоманде Х» пришлось даже создать специальный отдел, который бы занимался лишь получением необходимых согласований на работу в архивах и выемку документов. Если верить документам, то с бумажной волокитой эсэсовцы не столкнулись только в Баварском государственном архиве Нойбурга.

Надежды Гимmlера на скорейшую реализацию проекта не оправдывались. По задумке руководства СД архивы должны были присылать в «Зондеркоманду Х» все запрошенные документы. Но на деле немногочисленным участникам «Проекта Х» приходилось самим ездить по стране, неделями сидеть в архивах, делать выписки и зарисовки.

Но со временем эсэсовцы стали действовать более тонко и изысканно. Они перестали прибегать к прямым действиям. В отличие от случаев, когда эсэсовцев ждали неудачи, сотрудники «Зондеркоманды Х» стали расширять свои «частные» контакты с исследователями и учеными. Эти добровольные помощники очень искусно могли маскировать деятельность «проекта Х». Перед тем как направиться в тот или иной архив, велась долгая переписка якобы от лица студентов или докторантов Лейпцигского университета. Те, естественно, и не думали упоминать пресловутую «Зондеркоманду Х». Так, например, в 1941 году в Берлинский архив вначале пришел запрос о наличии литературы, посвященной средневековым процессам. В ходе переписки якобы соискатель на степень научной степени поинтересовался наличием документов, которые касались темы его диссертации «Процессы над ведьмами, волшебство и суеверия».

Другим приемом для получения документов являлось составление и уточнение данных по генеалогии семей, в которых числились ведьмы и колдуньи. Этим вопросом, как правило, занимался непосредственно Рудольф Левин. В этом направлении деятельности возникало гораздо меньше проблем, так как для составления родословной требовались в основном лишь выписки из церковно-приходских книг, а в некоторых случаях – городские хроники и летописи. За подобную деятельность полагалась небольшая оплата из фондов СД, от которой служащие небольших городов, само собой разумеется, не отказывались. Но по-настоящему в полную силу «Зондеркоманда Х» заработала, когда заручилась поддержкой «Семинара вспомогательных исторических наук

исторического факультет Лейпцигского университета». Именно эта структура стала направлять запросы в различные архивы Германии. Для прикрытия Рудольф Левин был оформлен в этой структуре как внештатный сотрудник, который занимался написанием статьи о «духе позднего Средневековья». Подобное прикрытие не просто распахнуло двери почти всех немецких архивов, но даже в частных фондах, фактически контролировавшихся католической церковью. Попробуй эсэсовцы проникнуть в них в своей форме и со своими документами, они неминуемо получили бы от ворот поворот.

Но и здесь не обошлось без накладок. Например, в коммерческом отделе Лейпцигского университета вызвали если не переполох, то изрядное удивление огромные счета, предоставленные архивом г. Бамберг. Дело в том, что сам Райссман не являлся сотрудником университета, а лишь некоторое время учился в нем, так и не получив долгожданного диплома. Но скандал удалось вовремя замять, и ситуацию оперативно исправили.

Позиции «проекта Х» усилились, когда Франц Зикс стал не только учредителем, но и деканом зарубежного научного факультета в Берлинском университете. После этого документы и выписки из исторических актов направлялись к нему на кафедру. Их обработка была поручена специально выделенным офицерам СД. Подобная «конспирация» соблюдалась не только в рамках «проекта Х», но и при исследованиях масонства, которыми также занималось СД. Эсэсовская служба безопасности, учтя свои ранние ошибки, предпочитала вообще больше не использовать собственные бланки. Все письма, проходящие по этим делам, адресовались на частный адрес: Берлин, Вильмерсдорф, Эмсерштрассе, 12–13.

Кроме частных исследователей и научных структур СД использовала для прикрытия такую организацию, как Имперское студенческое руководство, главой которого 6 ноября 1936 года стал Густав Адольф Шеель, старый знакомый Зикса. Со временем «Зондеркоманда Х» стала прибегать к подобной маскировке только в тех случаях, когда могла столкнуться с бюрократическими препятствиями. С началом войны эсэсовским специалистам нередко удавалось заполучить желаемые документы, ссылаясь на воздушные налеты и необходимость эвакуации наиболее ценных исторических актов в более защищенные места, чем здания архивов. В ходе осуществления подобной эвакуации специалисты «Зондеркоманды Х» беспрепятственно знакомились с любыми интересующими их архивными фондами. Если же руководство архивов прознавало об этом, то получало ответ, что сотрудники СД использовали документы вовсе не для подготовки какой-то научной публикации, а лишь

для составления статистики, необходимой руководству СС. Документы, как правило, тут же копировались либо переписывались.

Имитация колдовского обряда на горе Брокенберг

Время самой большой активности сотрудников «проекта Х» приходилось на 1935–1936 годы. Именно в этот период идет оживленная переписка со священниками, теологами, архивариусами, антикварами, преподавателями высшей школы. Интерес проявляется ко всем уголкам Германии. Как правило, сотрудники «проекта Х» направляли свои письма, не указывая, что заказчиком их «исследования» было руководство СС. Катажина Лещинская в своей книге «Ведьмы и германцы» указывала, что в настоящее время в Познаньском архиве сохранились многочисленные письма, в которых эсэсовские изыскатели просили предоставить им сведения о казни людей, которые были обвинены в колдовстве или чародействе. Кроме этого, поступали многочисленные запросы о предоставлении сведений об имеющихся материалах, которые касались процессов над ведьмами, в бытность происходившими в отдельных общинах. Еще имеется немало материалов, свидетельствующих о конфликтах, которые возникали, когда эсэсовцы пытались получить доступ к архивным материалам. Так, например, Лещинская на страницах своей

книги рассказывает о секретном рапорте, датированном 25 марта 1936 года, в котором сообщалось, что начальник Рудольфа Левина Франц Зикс направился на остров Фемарн, расположенный близ Балтийского побережья. Там офицер СД планировал вести переговоры с Петером Випертом о возможности использования эсэсовскими структурами, в том числе «Зондеркомандой Х», результатов его исследований. Петер Виперт (1890–1980) занимался изучением обычаев и традиций острова Фемарн. Он был директором местного краеведческого музея. Кроме этого, Виперт был известен как писатель, который сотрудничал с «Наследием предков». Но гораздо больший интерес для нас должны представлять два других обстоятельства. Во-первых, Петер Виперт был кузеном супруги Лины Гейдрих, супруги шефа РСХА. Скорее всего, именно это обстоятельство позволило ему в свое время бросить фразу: «На острове Фемарн не имеется ни змей, ни кротов, ни евреев». Во-вторых, Петер Виперт написал рукопись, посвященную ведьмам. Как в большинстве случаев, любые исследователи, даже если они являлись частными лицами, начав сотрудничество с «Зондеркомандой Х», должны были соблюдать определенную конспирацию и секретность. Это не было перегибом, так как все сотрудники «проекта Х» имели доступ к многочисленным секретным документам, касавшимся не только процессов над ведьмами, но и деятельности СС и всей нацистской партии. Любые поездки по стране сопровождалась мерами повышенной секретности. Например, для того, чтобы направиться в марте 1936 года к Петеру Виперту, проживавшему на одном из островов Балтийского моря, Франц Зикс получил в свое распоряжение автомобиль гестапо, что было нарушением служебной субординации. В обычных условиях это было бы достаточно серьезным нарушением. Но любые действия «Зондеркоманды Х» были окутаны завесой тайны и не разглашались. Кроме этого, в свое время Петер Виперт попытался опубликовать свою рукопись о «колдовских процессах» в издательстве Людендорфа, но книга попала под запрет. Скорее всего, интерес к этому произведению так никогда бы и не возник снова, если бы до руководства СД не дошли слухи о том, что в распоряжении Петера Виперта находились оригинальные документы процессов над 240 ведьмами. Не надеясь заполучить оригиналы, эсэсовское начальство очень рассчитывало снять с них фотокопии.

Разворот книги Энгельберда Кемпфера

Кроме этого в архивах сохранился протокол посещения Шмидтом и Рихтером (февраль 1937 года) директора архива Детмольда доктора Виганда, с которым они беседовали о возможности получения доступа к архивам города Лемго. Из документа следовало, что сотрудникам «проекта Х» было не очень просто добиться расположения Виганда, так как в протоколе имелись следующие строки: «Нам пришлось отказаться от маскировки и предъявить эсэсовские удостоверения, которые были предельно тщательно изучены Вигандом. Только после этого он заявил нам, что готов оказать необходимую поддержку». Два месяца спустя Шмидт и Рихтер вновь сообщают об очередных трудностях, с которыми они столкнулись при получении доступа к делам из Лемго. Это письмо было адресовано оберштурмфюреру СС, которым, скорее всего, являлся Рудольф Левин. Между тем ситуация стала накаляться, так как Гиммлер ожидал, что данные документы должны были быть обработаны со дня на день. В архивах также сохранились донесения о том, что бургомистр городка Лемго, с которым беседовал Ганс-Петер Коудрес, упомянул о разговоре с Розенбергом. После этого в «Зондеркоманде Х» стало понятно, почему постоянно возникали технические сложности с предоставлением архивных дел. На тот момент Альфред Розенберг был едва ли не главным

конкурентом Генриха Гиммлера, претендовавшим не только на исследование вопросов истории (он считал, что этим должны были заниматься только «его люди»), но и предпринимавшим попытки создания «немецкой религиозности», что не могло не раздражать главу СС. Также Альфред Розенберг проявлял особый интерес к городку Лемго. По большому счету городской архив получил оригинальные дела только потому, что так пожелал Розенберг. Кроме этого, Розенберг планировал регулярно проводить в Лемго праздник в честь Энгельберда Кемпфера (1651–1716), который был известным немецким путешественником и исследователем Японии.

Когда бургомистр Лемго отказался давать доступ в архивы, то Рихтеру вновь пришлось предъявить свои эсэсовские документы, чем, собственно, он разгласил «тайный характер своей миссии». В одном из отчетов говорилось: «Чтобы сделать возможной дальнейшую работу, Р[ихтер] принял решение назвать СС в качестве заказчика исследования. Он полагал, что это возымеет действие, так как: 1) доктор Виганд ручался за благонадежность бургомистра и местного государственного архивариуса; 2) упоминание Коудреса автоматически предполагало, что архив уже сотрудничал с другими эсэсовскими ведомствами».

В конце концов Рихтер все-таки получил разрешение использовать архивные дела для своих исследований, но только при условии, что он предоставит письменные гарантии от СД, что они (дела) будут вовремя возвращены в архив. Подобное развитие событий еще раз указывает на то, что деятельность «проекта Х» носила секретный характер, а потому эсэсовское руководство пыталось не привлекать к нему лишнее внимание сторонних лиц, в том числе являвшихся протеже Розенберга. В большинстве случаев сотрудники «Зондеркоманды Х» предпочитали представляться частными лицами, которые якобы собирали сведения для составления свой родословной. От маскировки они отказывались только в единичных случаях, когда работники архивов оказывались «не слишком несговорчивыми». Но на самом деле проблемы возникали почти всегда – большинство директоров городских архивов весьма неохотно шли на то, чтобы выдавать дела незнакомым людям. На фоне этих конфликтов становится понятным, какое большое значение для «проекта Х» имели архивы, равно как и контроль над ними.

Листовка 1571 года, изобличающая «происки» ведьм

3 июня 1937 года Вильгельм Шпенглер направился в Берлин, чтобы обсудить программу деятельности «Зондеркоманды Х» с Эрнстом Меркелем и бароном Шренком фон Нотцингом. В ходе состоявшихся бесед были намечены контуры направления деятельности Меркеля и Шренка фон Нотцинга. Они хотели заниматься изучением роли судов, принимавших участие в процессах над ведьмами. Но в ходе разговора выяснилось, что данные исследования могли и не иметь никакой прикладной политической пользы. Судя по всему, роль судебных органов не очень интересовала руководство «Зондеркоманды Х», хотя упоминание подобных тем имелось в программе «проекта Х». Кроме этого, отказ заниматься проблемами, связанными с деятельностью светских органов власти, во многом мог быть связан с идеологическими установками. В данном случае осуществление «проекта Х» должно было быть направлено на дискредитацию церкви, а не светских учреждений. Развитие этой темы могло поставить под сомнение

самую главную идею, заложенную в основу деятельности «Зондеркоманды Х», что главной виновницей преследования ведьм (уничтожения германских женщин) являлась католическая церковь. В итоге после проведения нескольких консультаций было решено, что Меркель и Шренк фон Нотцинг займутся поездками по местам, где осуществлялись казни колдуний, где они будут фотографировать «объекты». После этого им надлежало создать унифицированную фотографическую базу «Зондеркоманды Х».

С самого начала осуществления «проекта Х» было также решено, что его сотрудники не будут выезжать в зарубежные архивы. Вся территория рейха была поделена на сектора, за каждым из которых был закреплен один из сотрудников «Зондеркоманды Х». Подобная практика казалась эсэсовскому руководству перспективной хотя бы потому, что «позже она позволит написать, опираясь на местный материал, серию статей о преследовании ведьм, которые можно было бы публиковать в самых крупных ежедневных газетах». То есть антицерковную работу предполагалось вести под видом публикации краеведческих статей. По итогам сбора материала в архивах, библиотеках и написания статей должна была возникнуть толстенная книга, на которую руководство СС и Гиммлер лично возлагали очень большие надежды. Появление этого коллективного труда должно было дать старт новой пропагандистской кампании, направленной против церкви.

Во время обсуждения программы действий Меркель и Шренк фон Нотцинг предложили в качестве тем для написания будущих статей пытки, которые применялись во время «колдовских процессов», а также сюжеты, связанные с подлогами, которые совершили церковные деятели (то есть возвели на костер совершенно ни в чем не повинных женщин). В своем отчете о визите в Берлин Вильгельм Шпенглер указывал на необходимость «ни в коем случае не упускать из вида политическую значимость исследований». Указанная политическая значимость вообще должна была стать главным критерием в оценке предпринятых изысканий. Состоявшиеся же в июне 1937 года «берлинские беседы», судя по всему, были в основном посвящены тому, как можно было бы более эффективно использовать национал-социалистическое восприятие истории.

В любом случае 14 июля 1937 года на свет появился план работы «Зондеркоманды Х». Это был отдельный документ, который назывался «Обзор расовых и народно-исторических проблем деятельности». В качестве основных направлений указывались:

- влияние на немецкую народную жизнь через трактаты, проповеди,

воззвания, в которых вводилось понятие «ведьмы»;

- преследование ведьм, как в католической, так и в протестантской Германии;

- история религиозных и антицерковных движений XV века;

- общественно-психологическое воздействие процессов по делам ведьм;

- сознательное формирование волны ведьмomanии, которая привела к социальным потрясениям, разложению семьи, распаду сельских и городских общин.

В обоснование последнего тезиса говорилось: «Доносы на ведьм вынуждали многих женщин и их семьи покидать свои места жительства. Это доносительство привело к тому, что в деревнях и в небольших городах никто не был уверенным в том, что не предстанет перед судом в качестве ведьмы или колдуна. В доказательство этого можно привести массу документов». Описание разрушения общины, как одного из последствий преследования ведьм (в том числе из-за повального доносительства), использовалось сотрудниками «проекта X», как правило, тогда, когда не имелось возможности доказать, что процессы над ведьмами привели хоть к каким-то расово-биологическим последствиям. Принимая во внимание обязательную критику в адрес католической церкви, подобного рода аргументы казались весьма рациональными. Однако в данном случае речь шла все-таки о политике, а не о научном исследовании исторического феномена массового доносительства на «ведьм». Если бы эсэсовские сотрудники всерьез занимались изучением доносов, то они бы неизбежно вышли на проблему учреждений, которые способствовали доносительству и нагнетанию истерии в средневековом обществе. В данном случае церковь никак не представляла бы в качестве «главной виновницы». В этой ситуации идеализируемый национал-социалистами «немецкий народ» должен был стать опосредованным преступником, виновным в совершенных злодеяниях, так как большинство доносов совершали самые простые «люди из народа». То есть среди германцев имелось признание норм, согласно которым ведьм надлежало «исключать» из общины.

Не имея возможности отрицать эти факты, специалисты «проекта X» решили обойти стороной эту «опасную» тему. Именно по этой причине сюжеты с доносительством на ведьм так и не были развиты. По данной теме не было написано ни одной более-менее законченной работы. «Зондеркоманда X» вообще оказалась в сложной ситуации. Она была поставлена перед дилеммой: нельзя было вести последовательную идеологическую работу против церкви, не подвергнув критике принципы

собственного (национал-социалистического) мировоззрения. Едва ли можно было говорить о прототипе гармоничного «народного сообщества», если в нем процветали повальное доносительство и ведьмомания.

Рудольф Левин

В проекте программы деятельности «Зондеркоманды Х», которая была составлена Рудольфом Левиным, говорилось также о намерении осуществлять количественный анализ. Этот анализ должен был быть направлен на то, чтобы «сравнить» количество погибших на кострах инквизиции людей с количеством умерших в результате стихийных бедствий, эпидемий и т. д. Конечно же, изначально была дана установка, что потери от «церковного террора» должны были быть не в пример выше, нежели количество жертв «разгула стихии». Кроме этого Рудольф Левин планировал «идеологически грамотно» объяснить, как церкви удалось распространить среди германцев пагубную веру в ведьм. При этом предполагалось описать, как «здоровые силы германского народа» пытались организовать сопротивление подобным устремлениям. Последний пункт программы деятельности «Зондеркоманды Х» касался

расовых вопросов. Он должен был наглядно продемонстрировать, что сожжение ведьм было преступлением против всего «германского мира». А вот сделать это было весьма проблематично, хотя в силу отсутствия необходимых для подобного рода выводов источников. По этой причине Левин предпочитал говорить лишь о значении расовых теорий как основополагающего принципа при оценке исторических событий. Это позволяло ему уйти от конкретных выводов, сосредоточив свое внимание на уничтожении католичеством германских ценностей, которые были непосредственно связаны с существованием так называемой «германской расы». Само собой разумеется, увязка между собой расового вопроса и преследования ведьм, столкнулась с множеством самых различных трудностей. В первую очередь это было связано с тем, что не имелось никакой возможности однозначно установить национальное происхождение казненной ведьмы. В отчаянной попытке хоть как-то спасти положение Левин предложил сосредоточить внимание на поведении «ведьм» во время допросов и пыток, так как якобы во время них в наиболее ярко проявлялись «расовые черты характера жертв». Левин писал по этому поводу: «Физически истерзанные люди оставались цельными по складу своего характера. Эта духовная устойчивость не только к физическим, но и к психическим пыткам (чаще всего суды прибегали к банальному аргументу – забота о детях) является одной из лучших характеристик, которые народ почерпнул в своем расовом наследии». Как результат, «Зондеркоманда Х» должна была заняться разработкой и изучением такого понятия, как «расовый характер». Но даже эти отвлеченные изыскания оказалось не так уж просто соединить с преследованием ведьм. Вдобавок подобная постановка вопроса автоматически подразумевала, что католики изводили не только германцев (в противном случае надо ли было изучать характер жертв?). Как видим, каждая идеологическая уловка была чревата новыми «неудобными» вопросами.

Что касается качества самой работы сотрудников «проекта Х», как уже говорилось выше, почти все они имели высшее образование, но это еще не было залогом их высокой квалификации. Именно по этой причине руководство СД проводило для «Зондеркоманды Х» неоднократные курсы повышения квалификации. Первые курсы были начаты в октябре 1936 года и длились до мая следующего года. Интересно, на каких темах было решено сосредоточить внимание сотрудников «проекта Х». Кроме общих лекций по истории средневековой Германии эсэсовцам преподавались такие узко специфические дисциплины, как архивоведение, палеография и искусствоведение. И при этом ни одной политической лекции! Обучение

должно было вестись силами специально созданного при СД «научного подразделения». Вторые курсы повышения квалификации начались во второй половине 1942 года. На этот раз лекции по вспомогательным историческим дисциплинам читали специалисты дирекции Центрального архива Пруссии. Скорее всего, поводом для проведения вторых курсов повышения квалификации стали ошибки и неточности, обнаруженные Эрнстом Мерклем в картотеке «Зондеркоманды Х». Во втором случае обучение носило не только теоретический характер – все обучающиеся должны были выполнять специальные палеографические упражнения и задания.

Глава 8. «Колдовская картотека»

В настоящий момент значительное количество документов, относящихся к деятельности «Зондеркоманды Х», находится в архиве города Познань (Польша). Среди прочих дел здесь пребывает в том числе так называемая «колдовская картотека» Генриха Гиммлера. В ней содержится более 30 тысяч формуляров, каждый из которых был заполнен на казненную и преследовавшуюся ведьму. Большинство из них были заполнены еще до начала Второй мировой войны. Если говорить о датах, которые были занесены в карточки, то они охватывают период с 899 по 1752 год. Из 3621 географических названий, записанных в формулярах, 3104 находятся на территории Германии. Эта картотека собиралась сотрудниками «проекта Х» в течение почти девяти лет. Для составления детальной «описи» ведьм специалисты эсэсовской исследовательской бригады посетили 12 архивов, 9 крупных библиотек и 2 музея. Здесь они либо фотокопировали документы, либо изымали на время дела, либо делали выписки.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
1. Name: <i>Wendling</i>										35. Ort: <i>Rheinfelden</i> <i>1613</i>									
2. Schreibweisen:										36. bei:									
3. Vornamen: <i>Kunigunda</i>										37. Herrschaftsgebiet:									
4. Mädchennamen:										38. kath. 39. prot. 40. erf. 41. weisl.									
5. Stand: <i>Schneiders burgers Hausfrau</i>										42. Neg. Herr:									
6. Wohnort: <i>Rheinfelden</i>										43. f. h. r. d. B. d. h. p. f. e. r:									
7. wo: 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15.										44. Stellung d. B. d. h. p. f. e. r:									
16. Familienverhältnis:										45. Stellung d. Orden:									
17. Kinderzahl:																			
18. Befäh:																			
19. Verwandte:																			
20. Ansehen:																			
21. Rasse:																			
22. Stellung zur Kirche:																			
23. verhaftet am: <i>20. August 1613</i>										46. Ankläger:									
24. Grund: <i>Zauberei, Hexerei</i>										47. Denunziant:									
25. Gefangenhaft und Folter: <i>gut. und peinlich befragt</i>										48. Geistl. oder weisl. Gericht:									
										49. Richter:									
26. Geständnis: <i>Unzucht, Tödt, Zauberei</i> <i>Aus 20 August 1613 wurde das Geständnis</i> <i>notwendig verlesen, das sie aber leugnete</i>										50. Betreffte Personen: <i>Schöffen: Lux Späthel,</i> <i>Geörg Walther, Hans Trübner, Georg Lötter,</i> <i>Philipp Völkner, Hans Frey, Max Steinert</i>									
27. Urteil: <i>lebendiges Verbrennen</i>										51. Gutachten:									
28. Hinrichtung: <i>erst enthauptet, dann</i> <i>verbrannt</i>										52. Betreffte Geistl. Orden, Inquisitoren:									
29. allein 30. mit:										53. Foltermethoden:									
31. Lit. u. Qu. angb.										54. Scharfrichter:									
										55. Prozeßakte in: <i>St. A. Freiburg</i> <i>Akten Breisgau Generalia Fasc. Nr. 3390</i>									
										56. Abdruck:									
										57. Bildl. Darstellg:									
32. Karte ft. L. Abb. mit:																			
33. Sedibest.: <i>Le / We</i>										34. Tag: <i>— 1. Sep. 1936</i>									

Один из формуляров «колдовской картотеки»

Что же являли собой формуляры из «колдовской картотеки»? Образцы этих карточек были разработаны лично Вильгельмом Шпенглером. В каждой карточке, являвшейся белым бумажным листом формата А4, содержались 57 полей. Большая часть деятельности сотрудников «Зондеркоманды» состояла в том, что они, сидя за письменным столом, переносили добытые в архивах сведения в соответствующие графы «колдовских формуляров». Как правило, эти формуляры никогда не заполнялись полностью, так как сведения о ведьмах нередко носили куцый характер. До сих пор непонятно, чем руководствовался Шпенглер, когда составлял эти формуляры. Скорее всего, он опирался на «Атлас немецкой этнографии». Процесс заполнения формуляров не был простой формальностью. Он проходил в несколько этапов. На каждом этапе требовалось согласование соответствующего начальства. В итоге каждый из формуляров оказывался на столе у руководства «Зондеркоманды Х», где также визировался. Лишь после этого формуляр поступал в картотеку. В нем содержалось: имя колдуньи, место ее рождения, место казни, обвинение, выдвинутое против нее, литература или источник, в которой говорилось о ней. А так же малопонятные графы «Проблемы I —... VIII».

Современные польские и немецкие историки, которые занимались деятельностью «Зондеркоманды Х», проанализировали «колдовскую картотеку» Генриха Гиммлера. Это позволило им утверждать, что к ней надо относиться с предельной осторожностью, так как формуляры были заполнены не полностью, а часть из них – даже с фактическими ошибками. Один из авторов сборника статей «Колдовская картотека Гиммлера», Герхард Шорман, попытался объяснить, почему карточки были заполнены именно таким образом. С одной стороны, всего лишь несколькими людям была поручена титаническая по своим объемам работа. Кроме этого эсэсовские специалисты очень редко могли рассчитывать на помощь служащих архивов. Принимая во внимание, какое количество архивов было «обследовано», а также тот факт, что все эти архивы располагались в различных частях Германии, можно предположить, что работа велась в жуткой спешке. Вдобавок даже самим сотрудникам «проекта Х» оставались неясными критерии, по которым они отбирали жертв «колдовских процессов». Все эти недостатки привели к тому, что в формулярах царил хаос. Из них даже было затруднительно понять, шла ли речь о казненных ведьмах, самоубийцах, умерших в тюремном заключении или скрывшихся бегством. Это было отнюдь не единственным недостатком «колдовской картотеки». Например, в формулярах напрочь отсутствуют подробные сведения о личности ведьмы, равно как и о ее социальном происхождении.

Это вдвойне удивительно – ведь сотрудники «Зондеркоманды Х» пытались переписывать любые упоминания о процессах над ведьмами. Возникает некий контраст между изобилием материала, который имелся в распоряжении эсэсовских изыскателей, и полупустыми формулярами из «колдовской картотеки».

Польские же исследователи «колдовской картотеки» Генриха Гиммлера считают, что многочисленнее погрешности и неточности были вызваны исключительно недостаточным образованием сотрудников «проекта Х». Но тут нельзя списывать со счетов и такие факторы, как сжатые сроки, отведенные руководством СС «Зондеркоманде Х» для выполнения ее задания, специфическая социальная обстановка и атмосфера, царившие в Третьем рейхе. К тому же не стоило забывать, что единственным критерием оценки деятельности «Зондеркоманды Х» был рост картотеки, куда заносились колдуньи и ведьмы, а вовсе не качество обработки материала. Гиммлера интересовали вовсе не научные открытия, а пропагандистские материалы и формирование «немецкой религиозности». А теперь к этому надо прибавить нежелание многих немецких архивов иметь хоть какие-то отношения с эсэсовскими службами. Так что ошибки совершались, как правило, отнюдь не из-за низкого уровня образованности эсэсовцев, а по ряду совершенно других субъективных причин. Один из авторов сборника «Колдовская картотека Гиммлера» Вольфганг Берингер, изучавший деятельность «Зондеркоманды Х» на территории Баварии, характеризовал ее работу как «собираательство материала». Он отмечает, что появляющиеся на полях некоторых формуляров отметки и записи говорят о том, что сотрудники «проекта Х» нередко были разочарованы явным недостаточным количеством жертв, равно как и недостаточно суровыми приговорами судов в отношении ведьм.

Нередко оценки «колдовской картотеки» современными исследователями являются диаметрально противоположными. Одни говорят о небрежности в ее ведении, когда эсэсовские искатели забывали указывать пол жертв, а сами жертвы путались с обвинителями. Другие полагают, что сотрудники «проекта Х» проявили в свое время поразительные способности в расшифровке старых документов. Те же, кто критикует «колдовскую картотеку» как научный проект, сходятся в двух вещах. Во-первых, они сосредотачивают свое внимание на том, что «Зондеркоманда Х» пыталась охватить максимальное количество материала, в том числе даже те документы, которые относились к случаям, которые нельзя было однозначно идентифицировать как судебное преследование ведьм. Во-вторых, их не устраивает минимальное

отражение социального контекста этих судебных процессов. Однако некоторые из немецких исследователей обратили внимание на то, что для сотрудников «проекта X» жертвы «колдовских процессов» не были простыми людьми, а «выражением таких ценностей, как героизм, семья, род, сообщество и связанные с ними обычаи». Пожалуй, из всех критиков «колдовской картотеки» внимание на ее исключительное пропагандистское значение обратил лишь Вальтер Руммель.

Изображение сделки с дьяволом (позднее Средневековье)

Архивы «особого проекта X», в которые входила в том числе «колдовская картотека», с самого начала рассматривались эсэсовским руководством в качестве политического средства. Документы, которые ранее хранились во множестве разных архивов, копировались, после чего сортировались и упорядочивались в архиве «проекта X». Скорее всего, в перспективе было запланировано создание специализированной библиотеки и собрания документов, которое было бы предназначено «для нужд широкой общественности». Заданием архива «особого проекта X» являлось создание новой «правильной» реальности в вопросах

преследования ведьм. Если допустить, что планы, которые вынашивало руководство «проекта Х» в 1941–1942 годах, были не просто идеологическими химерами, а программой действий на перспективу, то после ожидаемого окончания войны с «проекта Х», скорее всего, был бы снят гриф секретности. При этом сама «Зондеркоманда Х» превратилась бы в одно из весомых учреждений, которые бы определяли заново написанную историю Германии и Европы. Поскольку Гиммлер полагал, что после «окончательной победы в войне» были бы разрешены «еврейский вопрос» и «коммунистическая проблема», то имелась вероятность, что национал-социалистический режим мог начать самое активное преследование христианских церквей. В данном случае аргументы, которые были выявлены во время изучения «колдовских процессов», являлись «высокоэффективным оружием» в руках СС и национал-социалистов. Если допустить, что истинным предназначением «проекта Х», с одной стороны, являлось выявление остатков «германской религиозности», а с другой стороны, подготовка общественного мнения к гонениям на церковь, то составление «колдовской картотеки» не предполагало тщательного научного анализа и безупречного заполнения формуляров. Чем больше имен и случаев преследования германцев можно было бы назвать, тем проще было бы вызвать «общественное негодование» по поводу якобы имевшегося некогда геноцида «германской расы». В этих условиях было бы предельно просто сконструировать свою собственную, эсэсовскую историческую действительность.

Даже если формуляры картотеки были заполнены лишь отчасти и неправильно, то они все равно могли иметь большую ценность для журналистов и авторов популярной беллетристики. Предполагалось, что эти «работники пера» не будут иметь времени, возможности, да и желания рыскать по разбросанным по всей стране архивам в поисках материалов. Для написания антицерковных произведений им должно было предоставляться в распоряжение собрание документов и материалов «проекта Х», в том числе «колдовская картотека». Проведя некоторое время в архиве «проекта Х», журналист или писатель могли без лишних проблем найти достаточное количество исторического материала, что позволило бы им написать предвзятую статью или повесть. В формулярах «колдовской картотеки» можно было найти достаточное количество сведений, которые можно было бы облечь в публицистическую форму. Как уже говорилось выше, каждый из формуляров имел 57 граф, куда кроме стандартных сведений заносились данные о вероисповедании, расовой принадлежности, особенностях судебного процесса (церковный или светский), применении

пытках, признаниях, сделанных под ними, способе казни, имена судей, священников, палачей, «охотников за ведьмами». К некоторым из карточек даже прикреплялись иллюстрации. Если бы все эти графы во всех формулярах были заполнены, то могла бы возникнуть одна из ценнейших в Европе научно-исследовательских коллекций. Однако эсэсовское руководство предпочитало придерживаться совершенно иных взглядов на перспективы «проекта Х».

Собрание фотокопий оригинальных архивных дел, выписок, многочисленные газетные статьи, большая библиотека с множеством книг, посвященных проблемам преследования ведьм, – все это должно было стать базой, которую можно было использовать как для написания научных работ, так и для создания журнальных статей. Агрессивная идеологическая публицистика вообще не нуждалась в объективных доказательствах, а потому национал-социалистических журналистов едва ли могли в перспективе волновать некоторые неточности и погрешности в заполнении формуляров. Надо сразу же обратить внимание на то, что в архиве «проекта Х» имелось достаточное количество материалов, которые были посвящены «суевериям современности». Не надо иметь семи пядей во лбу, дабы понять, что при помощи итогов осуществления «проекта Х» планировалось обвинить церковь не только в «преступлениях прошлого», но также инкриминировать, что она даже в XX веке продолжала культивировать «нелепые суеверия». Можно привести несколько наиболее показательных примеров. В архивах имелась вырезка из «Франкфуртского народного вестника». В этой статье рассказывалось о линчеваниях ведьм, которые произошли в Индии в 1936 году. Имелись также статьи, в которых рассказывалось о том, что матери полагали, что на их детей навели порчу, и т. д. Борьбу планировалось вести не только при помощи пропагандистских средств. Так, например, 4 июня 1941 года в недрах СД был подготовлен документ, адресованный государственной и уголовной полиции. В нем предлагалось провести акции, направленные «против оккультизма и так называемых тайных наук». В нем говорилось: «В условиях судьбоносной борьбы современности, которую ведет немецкий народ, надо противодействовать оккультизму, который утверждает, что жизнь человека зависит от таинственных магических сил». На тот момент уже вносились поправки в немецкое законодательство, которые бы позволяли брать под арест «предсказателей». Комментируя этот сюжет, отечественные журналисты обычно говорят о том, что это было всего лишь способом маскировки того «оккультного влияния», которое испытали на себе как национал-социалистическая партия, так и СС. Попытка представить

проекты «немецкой религиозности» как разновидность оккультизма являются грубейшей и непростительной ошибкой. Разрабатываемая в недрах СС «новая-старая» религия не имела ничего общего с оккультными практиками. Подобного рода заявления делаются из-за непонимания сути оккультизма и мистики. Чтобы в нескольких словах обозначить принципиальные отличия между ними, надо подчеркнуть, что может иметься (и имеется) мистика православия, но изначально не может быть православного оккультизма. В любом случае в Третьем рейхе вину за «до сих пор существовавшие суеверия» планировалось переложить на церковь. Еще в октябре 1936 года издание «Нордланд» возвещало со своих страниц: «Не надо недооценивать опасность! Дух религиозной нетерпимости еще теплится в нашем народе... Некогда обманутые священниками и подстрекателями, наши люди на протяжении веков позволяли уничтожать наше благородное расовое наследие. Теперь мы должны решительно выступить против всего того, что угрожает нашему национальному бытию. Каждый немец должен позаботиться о том, чтобы наши женщины и наши дети больше никогда не были принесены в жертву этой человеческой низости».

Журнал, посвященный проблеме преследования ведьм, с отметкой «Зондеркоманды X»

В 1943 году в одном из выпусков эсэсовского журнала «Черный корпус» говорилось о том, что в годы войны суеверия набирали силу, а потому с ними надо было всячески бороться. «Есть люди, которые перепутали отвратные восточные заблуждения относительно ведьм с народной верой. Они перепутали ростки ядовитых посевов из Передней Азии с остатками почтеннейшей германской естественной религии».

Среди газетных вырезок и выписок из архивных дел в собрании документов «Зондеркоманды X» можно было обнаружить также несколько литературных произведений, посвященных ведьмам. Речь идет преимущественно о текстах, которые не имели никакой литературной

ценности. Это были брошюры, которые вызвали к чувствам читателей. Подобного рода сочинения даже на фоне литературы Третьего рейха, которой в настоящее время отказывают в изысканности и оригинальности, выглядели откровенным китчем. В рамках данной книги не имеет никакого смысла заниматься литературным анализом этих историй. Нас должно интересовать, почему эти повестушки попали в архив «проекта Х». Скорее всего, их планировалось использовать в качестве образца для создания последующих пропагандистских рассказов, которые должны были подогревать антицерковные настроения в немецком обществе. Итак, что же из беллетристики оказалось в архиве «Зондеркоманды Х»?

Прежде всего надо упомянуть небольшую повесть Альберта Винтера «Ведьма герцога», в которой рассказывалось о мезальянсе, неравном браке князя Альбрехта из Мюнхена, взявшего в жены девушку по имени Агнесс. Сразу же после свадьбы девушка была похищена из родового имения князя. Ее обвинили в том, что она при помощи чар и колдовства вынудила князя вступить с ней в брак. Несмотря на допросы и пытки, она до самой смерти остается верной своему слову. Сам процесс над «ведьмой Агнесс» был изображен как результат придворной интриги, в которой заговорщики решили воспользоваться (и воспользовались) суевериями простых людей. Во многом аналогичный сюжет имел изданный отдельной брошюрой рассказ Эрнста Энгельбрехта и Йоханнеса Зиглойра «Суд над ведьмой Метой фон Церен». В подзаголовке говорилось, что эта история была основана на действительных событиях «времени преследования ведьм». Героиней рассказа является Мета фон Церен – уроженка благородного, но обедневшего рода. При странных обстоятельствах гибнет ее жених. Оказывается, что его смерть была элементом интриги, которую плел «охотник за ведьмами». Его зовут Пертль. Он являет собой полную противоположность красивой девушке. Пертль горбат и уродлив, что пробуждает в нем самые низменные женоненавистнические устремления. Он становится «охотником за ведьмами», чтобы иметь возможность истязать женщин. «Он был идеальным служителем для режима, который перепутал справедливость с садистской кровожадностью, а честь – с религиозными догмами». Чтобы уничтожить умную, красивую и сильную Мету, Пертль идет на очередное ухищрение. Он отравляет поросят одного из крестьян, у которого после смерти жениха работала Мета. Злодеяние свершилось – Мету обвиняют в колдовстве и она умирает под пытками. Этот сентиментальный по своей сути рассказ должен был произвести впечатление исторического произведения посредством обильного использования многочисленных цитат из «Молота ведьм», подробностей

деятельности инквизиции и детального описания применяемых пыток. Изображаемые истязания беременных женщин и детей наводят на мысль о том, что авторы пытались не столько воззвать к чувствам читателей, сколько оных шокировать. В этом произведении все судьи, принимавшие участие в процессах над ведьмами, были изображены как извращенные садисты. Народ же предстает погрязшим в суевериях. Авторы как бы подводят читателя к мысли, что народ в глубине своей является хорошим, но нуждающимся в просвещении. Весь рассказ должен был наводить на мысль о том, что идея преследования ведьм не могла возникнуть на немецкой земле и в рамках германской культуры: «Изначальные представления о ведьмах крылись в мистических воззрениях, которые были отчасти занесены к нам с Востока. В Германии никогда не было бы возможно возникновение такого помешательства, если бы люди опирались только на родную культуру. Только неуклонно усиливающаяся власть сил, которые хотели получить контроль над европейским континентом, привела к формированию веры в ведьм».

Как бы повторяя основные доводы дискуссии, которая велась между церковью и национал-социалистами, авторы рассказа изображали Фридриха Шпее в качестве провозвестника просыпающегося германского духа. В данном случае Шпее представал человеком, который пытался объяснить немецкому народу, что преследование мнимых колдуний было позорным явлением. История процессов над ведьмами предлагалась читателям как предупреждение, адресованное всем немцам: отказ от собственной культуры мог привести к катастрофе. «Потоки слез, пролитых во время судов над ведьмами, иссякли, зияющие раны, которые насели эти живодеры народному организму, – зажили. Но даже сегодня, когда мы отреклись от нелепых предрассудков, мы не должны забывать о страшных столетиях преследования ведьм. Если народ остается верным своей культуре, то подобные ужасные потрясения не будут возможными в принципе. Если мы будем сохранять расовую чистоту и откажемся от нравственного рабства, то это больше никогда не повторится».

Колдовские обряды. Средневековый рисунок

В архиве также имелся один из сентябрьских номеров журнала «Иллюстрированный обозреватель» за 1936 год. В нем был напечатан рассказ Герберта Коха, который назывался «Священник и ведьма». В нем рассказывалась история прекрасной девушки Мариэтты, мать которой оставила семью. Из-за этого поступка матери девушку недолго любят в городе. Здесь она остается изгоем. Ее красота подпитывает многочисленные слухи, которые распространяют завидующие ее

внешности женщины. Когда девушка осознает, что может использовать свою красоту как силу, которая поможет ей забыть про бедственное положение, у нее возникают новые проблемы. Между тем в Мариэтту влюбляется молодой священник. Он дал обет безбрачия, а потому очень страдает от своих «запретных чувств». Он находит успокоение только тогда, когда жители города обвиняют прекрасную девушку в колдовстве. Это произошло после того, как город подвергся нашествию крыс, а затем среди домашних животных и скота началась эпидемия неизвестной болезни. Во всех этих напастях горожане и сельские жители винят Мариэтту. Ее арестовывают и отдают в руки палача. Автор рассказа пишет: «Для этого детины не представляло собой сложности за несколько часов выбить из Мариэтты признание, что она была ведьмой. Она оклеветала себя, наговорив каких-то глупостей, что участвовала в оргии с дьяволом и прислуживающими ему демонами». Осознав, что она обрекла себя смерть, Мариэтта была охвачена ужасом и отчаянием. Она умоляет молодого священника спасти ее и даже объясняется ему в любви. В этот момент в голове священнослужителя возникает мысль: «Как было бы прекрасно, ни о чем не заботясь, бродить с Мариэттой по летним полям». Он взглянул ей в глаза, в которых увидел только отчаяние и ужас. Священник понял, что признания девушки не были искренними. После этого он гонит от себя прочь эти «греховные помыслы» и становится еще более жестким. В отчаянии Мариэтта проклинает священника, после чего рушится весь его иллюзорный мир. Он медленно поворачивается и покидает клетку, в которой держали девушку. Он слышал ее крики, когда ее сжигали на костре. Священник пытается внушить себе, что не спас девушку, так как выполнял свой долг. Однако его не покидает предчувствие беды, которую ему должна была накликасть казненная Мариэтта. «Священник посмотрел на небо, которое продолжало быть таким же бескрайне лазурным, как и ранее». Вдруг он признается самому себе, что Мариэтта не была ведьмой, что она погибла из-за глупых слухов и зависти. Не имея возможности вынести муки совести, священник покончил с собой. Но люди в городе решили, что просто-напросто сбылось проклятие ведьмы. В этом рассказе, с одной стороны, разоблачались механизмы возникновения заблуждений о ведьмах. С другой – было показано, как церковь превращала человеческую тягу к прекрасному в жажду разрушения и населяла прекрасный, наивный мир демонами.

Все рассказы, которые находились в архиве «особого проекта Х», взывали к эмоциям и чувствам. Данная эмоциональная форма делала их доступными для широкого круга читателей. Кроме этого апеллирование к

чувственности способствовало складыванию «черно-белых» образов, в которых не имелось полутонов. В данном случае друг другу противопоставлялись германская красота и церковь, которая отравляла «народную душу» различными суевериями. На подобных же контрастах изображались и немецкие люди. С одной стороны находился «хороший» немецкий народ, на другой – заблудшие люди, которые позволяли собой манипулировать. Жертвами в рассказах неизменно выступали беспомощные женщины. Поскольку рассказы являлись отнюдь не высокохудожественным произведением, а кичем, то это делало их еще более убедительными. После их прочтения люди не должны были задаваться вопросами, а иметь четкие ответы.

В статьях, которые были написаны сотрудниками «Зондеркоманды Х», и в собранных документах превалирует тенденция к созданию новой, «расово-обусловленной» истории преследования ведьм, которая должна была стать инструментом идеологической борьбы с церковью. Частично сконструированное противопоставление христианства и «германской культуры» являлось базой для предстоящего создания (воссоздания, согласно Гиммлеру) «немецкой религиозности» или по меньшей мере представлений о «новых-старых» ценностях, мифологизированных праздниках, ритуалах и церемониях, которые должны были использоваться во имя укрепления «германского сообщества». Можно предположить, что для «немецкой религиозности» большое значение имела идея о несовместимости светлой, направленной на пользу сообщества германской мистики и индивидуалистичного, «одержимого демонами» христианства, ушедшего своим корнями в восточную мистику.

Глава 9. Конфликт с «Наследием предков»

Вообще, если говорить об истории Третьего рейха вообще и истории СС в частности, то никак нельзя обойти стороной пресловутую «борьбу компетенций». Она бушевала на всех просторах Германии, между различными ведомствами, различными функционерами, всеми и вся. «Зондеркоманда Х» не была исключением. В 1938 году произошел бурный и скоротечный конфликт между «Зондеркомандой Х» и «Наследием предков», которое 13 июня 1938 года было введено Гиммлером в состав своего персонального штаба.

Остановимся на этих событиях поподробнее. Начало этого конфликта было заложено задолго до возникновения «Аненэробэ» и «Зондеркоманды Х». Дело в том, что в 1934 году была опубликована книга «Тайные культовые мужские союзы германцев», автором которой был Отто Хёфлер, ученый, принадлежавший Венской школе Рудольфа Муха. В этой работе он изображал раннее германское общество как результат существования героически-демонического культа умерших, который был поставлен «мужскими союзами» в центр всей социальной жизни. По мнению ученого, именно этот культ был источником возникновения всех религиозных, этических и социально-политических представлений в германском обществе. Именно тайные «мужские союзы» древности послужили прототипами для государства и всех общественных институтов. В конце работы Хёфлер достаточно критически анализировал все идеалистические и романтические представления о древнем строе германцев.

Работа Хёфлера тут же подвергалась нападкам со стороны партийных догматиков и поборников расовых идей. Главным объектом для атак стал вывод ученого о том, что ведьмы изначально преследовались тайными «мужскими союзами». Действительно, при написании своей книги Хёфлер руководствовался научными, а не идеологическими соображениями. Он собирал этнографический материал, проводил параллели между различными народами, в том числе до сих пор пребывавшими на стадии первобытности. Отталкиваясь от средневековых европейских сюжетов об «ораве дикого охотника», «диких охотах», «набегах масок», он видел в этих мифологических событиях отголосок «террористических» действий тайных союзов, члены которых маскировались под мертвых, демонов и духов. Запуганное население воспринимало эти набеги вовсе не как действия замаскированных людей, а как акты реальных духов и демонов,

которые требовали приношения жертв. Подобная трактовка прошлого никак не соответствовала нацистскому изображению древнего героического германца.

Хёфлер делал вывод почти еретический для нацистской науки – «мужские союзы» охотились в первую очередь на представительниц уходящего матриархального культа, которые впоследствии были изображены в качестве ведьм и колдуний. Таким образом, преследование ведьм было вовсе не этрусским пережитком, не преступлением католичества, а закономерной стадией в развитии общества. Более того, это было исконной функцией тайных «мужских союзов» германцев.

Предводитель «дикой охоты»

Хёфлер на многочисленных примерах показывал, что мотив охоты «диких охотников» за женщинами и ведьмами был общеевропейским. Если же говорить о скандинавских и германских сказаниях и сагах, то в них не прослеживалось ни малейшей симпатии к женщине, затравленной «дикой охотой». То есть в данной ситуации и речи не могло быть о том, что преследование ведьм было продиктовано азиатским влиянием на Европу. Во многих северных странах «охота» на женщину была чуть ли не обязательно процедурой, которая совершалась в соответствии с сакральными требованиями, а вовсе не из жадности или любви. В то же время древние саги и легенды передают образ ведьм и «колдовских аббатов», переполненных необузданной похотью. Проблема осложнялась тем, что почти все подразделения НСДАП – «Гитлерюгенд», штурмовые отряды, СС – идеально подходили под образ «мужского союза». Как ни странно, но защиту Хёфлер нашел там, где меньше всего ожидал, – в эсэсовском обществе «Наследие предков». Вальтер Вюст стал лично покровительствовать этому ученому, которого ввели в штат «Аненэrbэ». Поначалу он даже должен был представлять это общество в только что присоединенной к рейху Австрии.

Обложка Устава «Наследия предков»

Но не стоило также забывать, что идеи, высказываемые Хёфлером, полностью противоречили установке Гимmlера, что «немецкую кровь изводили церковь и евреи». И если Левин считал, что колдовство

доказывало исполинские противоречия между христианской рассудительностью и народной душой, то Вальтер Вюст как научный куратор «Наследия предков» придерживался другой точки зрения. Он полагал, что «христианство стало духовной властью, которая изменила немцев, а потому глубокая духовность народных верований могла быть эффективной только в нетронutom христианством обществе».

В 1938 году Генрих Гиммлер получил от депутата рейхстага по избирательному округу № 17 (Вестфалия) архивные документы по делу «ведьмы» Ильзы Кронсхаген (1666 год). Депутат желал, чтобы оценку этим документам дали специалисты эсэсовского исследовательского общества «Наследие предков». В итоге поручение было дано молодому сотруднику «Аненэrbэ» Гансу Бауэру (1912–1941). Ганс Бауэр в свое время изучал медицину, философию, германистику и историю. В 1933 году он вступил в СС, а в 1936 году стал сотрудником «Наследия предков». Его статьи печатались в журнале «Германия», который издавался «Аненэrbэ». До 1940 года он был в «Германии» ответственным за рубрику «Исповедание». До вступления в СС Бауэр был католиком, однако затем принял «германскую религию» и стал обозначаться в эсэсовских документах как «верующий» – именно так характеризовались все эсэсовцы, которые придерживались принципов «немецкой религиозности». Его исследовательская деятельность в рамках «Наследия предков» во многом была спорадической и непоследовательной. Так, например, в 1938 году организационный руководитель «Аненэrbэ» Вольфрам Зиверс поручил ему заняться изучением приспособлений для котелков, использовавшихся племенами Нижней Саксонии. Бауэр пытался писать по этой теме диссертацию, однако в 1939 году по собственному желанию был переведен из персонального штаба рейхсфюрера СС в отдел «Наследия предков», который занимался изучением родовых знаков и династических эмблем. Скончался он от полученных ранений в военном госпитале 11 декабря 1941 года.

Фото Вольфрама Зиверса для личного дела в СС

Но вернемся в 1938 год, к новому заданию Ганса Бауэра. Именно выполнение поручения, которое он получил лично в мае 1938 года, положило конец затяжному конфликту, который возник в свое время между «Зондеркомандой Х» и «Наследием предков». В своей знаменитой (хотя и небесспорной) работе, посвященной «Наследию предков», германский исследователь Михаэль Катэр насмешливо называл «Аненэrbэ» «тайной колдовской кухней рейхсфюрера СС». «Наследие предков» появилось на свет тогда же, когда и «Зондеркоманда Х» – в 1935 году. Оно было создано по приказу Генриха Гиммлера в тесном сотрудничестве с частным исследователем Германом Виртом и теоретиком «аграрного расизма» Рихардом Вальтером Дарре, который на тот момент являлся и начальником Главного управления СС по вопросам расы поселений, также шефом Имперского продовольственного кабинета, по линии которого первоначально осуществлялось финансирование «Наследия предков». Появление на свет «Аненэrbэ» позволило Генриху Гиммлеру самостоятельно, независимо от структур, починенных Альфреду Розенбергу, заниматься осуществлением исторических исследовательских проектов. В некоторый степени дублируя функции ведомства Розенберга, «Наследие предков» должно было изучать историю и духовность древних германцев, к чему Гиммлер всегда проявлял повышенный интерес.

«Наследие предков» должно было выявлять «утраченные ценности» древней германской культуры и способствовать возвращению «вновь обретенного» наследия в идеологическую повседневность СС. Подобные целевые установки общества с самого начала ориентировали его на выполнение политических и мировоззренческих задач, что в определенной степени роднило «Аненэrbэ» и «Зондеркоманду Х». Кроме исследовательской деятельности по выявлению «германских ценностей», которые должны были быть положены в основу «немецкой религиозности» (некоторые исследователи предпочитают использовать такие понятия, как «эсэсовская эрзац-религия»), «Наследие предков» должно было заниматься мировоззренческим обучением эсэсовцев. Именно по этой причине в определенный момент «Аненэrbэ» было переименовано из «исследовательского общества» в «учебно-исследовательское общество». Однако не стоит полагать, что только оно занималось формированием «немецкой религиозности». Это был очень сложный процесс, к которому было подключено множество самых различных структур: «Наследие предков», СД («Зондеркоманда Х»), Главное управление СС по вопросам расы и поселений и т. д. Впрочем, это не помешало в 1937 году нескольким молодым исследователям из состава «Аненэrbэ» внедриться в большинство эсэсовских структур. Но данная инициатива не нашла понимания у Генриха Гиммлера, который всегда придерживался девиза: «Разделяй и властвуй». Рейхсфюрер СС не был склонен уступать желанию организационного руководителя «Наследия предков» Вольфрама Зиверса сосредоточить все культурные и исторические проекты в рамках одной организации.

В конце 1937 года Гиммлер однозначно заявил Вольфраму Зиверсу, что «не намеревается все [проекты. – А. В.] свести в рамках “Наследия предков”, чтобы не концентрировать слишком много важных и существенных дел в одном месте». Между тем в 1938 году произошел конфликт между учредителями «Аненэrbэ» – Генрихом Гиммлером и Рихардом Вальтером Дарре. После этого сотрудники эсэсовского исследовательского общества предприняли попытку придать «Наследию» более взвешенный, научный характер. Подобные устремления были связаны с ожиданиями, которые возлагались на «изгнание» Дарре, считавшегося в СС одним из главных поборников «расовой мистики». Именно в это время в «Аненэrbэ» было привлечено несколько исследователей, которые пользовались уважением в университетских кругах. Одновременно с этим происходит переименование некоторых из отделов «Наследия предков». Их названия меняют на более научные. Если в 1937 году тон в работе «Наследия предков» еще задавали исследователи в

стиле фёлькише, например Герман Вирт, то к 1939 году эсэсовское общество смогло приобрести «академический лоск». Так, например, известный немецкий археолог Генрих Гармянц на конференции 1939 года, которая проводилась по инициативе «Наследия» в Киле, рассуждал о важности перевода научных открытий в политическую плоскость: «Она [этнография. – А. В.] должна выступать в качестве науки, служащей государственным интересам».

В 1938–1939 годах, то есть в тот момент, когда Ганс Бауэр приступил к выполнению своего задания, отношения между «Наследием предков» и отдельными эсэсовскими структурами, не готовыми уступать свои культурно-исторические проекты, были весьма натянутыми. Эсэсовское руководство понимало, что все исследования должны были нести в себе идеологическую составляющую. Именно по этой причине после 1939 года сфера деятельности «Наследия предков» была в некоторой мере размыта, хотя на первый взгляд могло показаться, что расширена. С этого момента в «Аненэрбэ» стали заниматься не только сугубо научными изысканиями, но и попытками обоснования принципов «германского мировосприятия», «немецкого вероисповедания», теориями происхождения арийцев, поисками рационального зерна в сказках и мифах, разработками проектов «грядущего эсэсовского государства».

В своей статье «О ведьмomanии» Ганс Бауэр специально выделял две научные дисциплины. С одной стороны, он говорил о германоведении, которое позволяет изучать «германскую религию», с другой – о теологии, как, релевантной основе для исследования заблуждений о ведьмах. Бауэр подчеркивал, что знания о германцах не являлись уделом антикваров, а должны были служить делу «познания немецкой сущности». Он видел суть своих исследований в том, чтобы использовать их как формирующую общественное мнение силу, так как «научные представления в конце концов определяют мнение широкой общественности, равно как и той ее части, что активно интересуется историей». Хотя бы по этой причине Бауэр полагал, что не должно было иметься «запретных тем». Даже если их исследования были связаны с риском столкнуться с «неудобными материалами», то их нельзя было отдавать на «откуп противникам». Он предполагал, что тезис о том, что «ведьмomanия была самым страшным явлением на германской земле», вызовет немалые возражения.

Бауэр подчеркивал: «Как бы то ни было, но заблуждения о ведьмах как явлении немецкого прошлого связаны с историей немецкого человека». Он говорил о том, что не стоило предавать забвению «эту мрачную страницу истории», а нужно было осознать ее. Бауэр исходил из того, что имелась

возможность преодолеть представления о «всеобщей суеверности народа во времена темного Средневековья». Однако он не был готов в отличие от сотрудников «Зондеркоманды Х» провозгласить исключительную вину церкви и христианства, предполагая, что отдельные элементы ведьмomanии имелись и в «германской религии». В предпринимаемых попытках квалифицировать различные формы этого феномена как «типично негерманские явления» он видел опасность упустить из виду некоторые важные аспекты. «С одной стороны, это было больше, чем единичные проявления, которые определяли в целом то время и тех людей». Бауэр пытался обойти трудности, связанные с запутанной схемой разнообразных влияний, приведших к формированию образа ведьмы, сконцентрировавшись на общем восприятии той эпохи и времени, ей предшествующем. «Отдельные напластования в рамках заблуждения о ведьмах должны отделяться друг от друга. Нас в первую очередь должны интересовать: народная вера и характер народа». Чтобы справиться с поставленными задачами, Бауэр хотел уточнить понятия волшебства и чародейства, присущие германцам, а затем проследить их развитие вплоть до времени, когда началось преследование ведьм. Эпоху ведьмomanии он ограничивал XV–XVIII веками, то есть фактически соотносил ее с так называемым «новым временем». Под «новым временем» Бауэр подразумевал эпоху, которая, наступив сразу же после Средневековья, породила множество конфликтов и противоречий. К негативным проявлениям «нового времени» он относил не только преследование ведьм, но и «братоубийственную Тридцатилетнюю войну», которая нанесла нации непоправимый ущерб. В это время сопротивление национального характера против «сил вырождения» стало ослабевать. Суть «германской веры» Бауэр видел в обычаях, освященных традициях и священнодействиях, которые соблюдались на протяжении многих поколений германцев. По его мнению, в центре германского культа находился ритуал разжигания огня. Когда наступало время самых длинных ночей, тогда солнце как бы спускалось «в могильный дом подземного мира, от власти которого оно намеревалось избавиться, и, бушуя, атаковало все порядки, представая в виде “дикой армии”^[8], духов подземельного мира, свиты божества из числа погибших в праведной борьбе героев». В этот момент во всех очагах гасился огонь, который торжественно зажигался вновь только тогда, когда всходило солнце. Поскольку огонь зажигался сразу во всех жилищах, то он как бы образовывал большую общность. Бауэр полагал, что сила этого обряда состояла как раз в его массовости, в его коллективности. Именно ощущение сообщества, по его мнению, было

сутью «германской веры».

При этом Бауэр противопоставлял «живую германскую религиозность» «сухому теоретическому учению католической церкви». Он выводил германскую магию из убеждения, что имелась связь между миром живущих людей и космосом. В данном случае сила магических действий основывалась на их коллективном и символическом характере. Именно это отличало магию погоды, присущей германцам, от заклинания погоды, которым занимались ведьмы. Если германцы жили в гармонии с природными циклами, то ведьмы пытались оказывать непосредственное влияние на погоду, причем во многих случаях в своих собственных, эгоистических интересах. То есть религиозность (или магия) германцев была коллективной, а чародейство ведьм – индивидуальным. Бауэр не отрицал того факта, что в германских источниках упоминалась чародеи и волшебники. Однако он подчеркивал, что в большинстве случаев это были инородцы (финны, лапландцы и т. д.), то есть люди, не входившие в «народное сообщество», находившиеся за его пределами. Отношение к ним было презрительным, если же они решались нанести вред «сообществу», то их могли в наказание сжечь. Этим Бауэр как бы подтверждает, что сожжение за чародейство было присуще германским традициям, однако он отрицал факт того, что германцы могли вступать в союз со Злом. В противоположность этому датский исследователь Вильгельм Грёнбех, на которого ссылался Ганс Бауэр в своей работе, в своей книге «Культура и религия германцев» указывал на то, что занимавшиеся чародейством и колдовством могли быть изгнаны из «сообщества», то есть не были изначально «иностранцами». По мнению Грёнбека, волшебники и чародеи были изначально членами «германского сообщества», но лишь после изгнания провозглашались «иностранцами». Он писал по этому поводу: «Если же член сообщества за свои духовные устремления был исключен своими братьями, то его присутствие должно было парализовать волю и силу. Его деяния и его мысли являлись огромной опасностью для процветания всех жителей... Его присутствие в сообществе воспринималось как нарушение порядка в космосе... Чтобы вновь обрести мир, люди должны были уничтожить всех колдунов с их жилищами и домашней утварью... Они были ненавидимы, так как обращали свои способности к духам тьмы... Они были иностранцами, которые должны были находиться за оградой мира».

Сожжение колдуньи

Грёнбех подчеркивал, что для германцев чародейство и колдовство было равносильно злобным и бессмысленным действиям за пределами общины, а потому жалобы на причиненный волшебниками и чародеями ущерб весьма напоминали обвинения, выдвигаемые в адрес ведьм. Борьба германцев против чародеев, по мнению Грёнбека, была не менее радикальной, нежели преследование ведьм христианскими судьями. «Люди пытались их сжечь дотла, утопить в каменной ступе или же выслать подальше от границ общины». Грёнбех не боялся сравнивать германскую веру в волшебство с ее отголосками, которые проявились в виде веры в ведьм и колдуний. «Подобное проявление злости является типично германским волнением. Может быть, его симптомы у немецких крестьян удалось сдерживать только к XVII–XVIII векам, когда они стали христианами». Однако Бауэр, использовавший для написания своей работы книгу Грёнбека, предпочел не опираться на подобные выводы. Он воспринял от датчанина только лишь идею коллективных

священнодействий как важнейшей черты германской культуры. Но он не отрицал того факта, что германцы убивали волшебников и чародеев, или же могли изгнать из общины – исключить из «сообщества». Но тем не менее Бауэр настаивал, что большинство волшебников были инородцами, то есть изначально не могли входить в общину.

После того как Бауэр изобразил применение коллективной магии германцами, он начал сравнение христианства и «германской религии». Христианство он упрекал в том, что оно апеллировало к отдельно взятому человеку, которого оно стремилось лишить земных связей. По мнению Бауэра, в христианстве утверждалось существование только одной общности – надеющихся попасть в царство небесное, в иной мир, однако каждый должен был проложить туда свой собственный путь через личные стремления. Бауэр противопоставлял теоретическому и метафизическому характеру христианства естественность «германской религии», которая была укорененной в действительности. По его мысли, в «германской реальности» мистика и жизненный опыт были взаимосвязаны друг с другом, так как «они основывались на ответственности индивидуума перед всем миром, а всего мира – перед отдельным человеком». «Германская действительность была определенным круговоротом жизни общины». Христианство не смогло понять этого, оно не придавало никакого смысла «сообществу» и приравнило «мифическую реальность» германцев к материальной жизни. По мнению Бауэра, христианство повело себя подобно «негерманским чародеям». У германцев исключалась любая возможность заключения союза с демонами, так как живой человек не мог заключать пакт с враждебными для жизни силами. Рассуждая об этом, Бауэр отсылал читателя к работам Отто Хёфлера, в которых указывалось, что германцы все-таки не отрицали «демонов», что было введено в культовые обычаи, которые должны были сохранить равновесие в мире.

«Унхольде» на средневековой гравюре

Чтобы доказать этот тезис, Бауэр пытался прибегнуть к самым различным аргументам. Он разыскивал их и в теологии, и в народных сказках, но при этом никак не дифференцировал эти источники. Сказку он рекомендует в качестве примера инфантилизации теологически обоснованного в христианстве зла. В народных сказках черти (демоны) перестают быть неземной силой, в них даже отрицается потусторонняя суть этих существ. Не разобравшись с принципами «германского зла», христианская культура наделила этой функцией ведьм, которые нередко именовались – «унхольде» (нечистивые, злодейки).

Бауэр обращает внимание, что в древнем саксонском наречии это слово использовалось в магической формуле, когда приносилась клятва «темных духам»: Водану, Донару и Заксноту. Эта формула, датированная IX веком, звучала следующим образом: «Я присягаю всеми словами и делами черту, Тору, Водану и Заксноту и всем унхольде, которые являются их попутчиками». В нордической мифологии Тор защищал людей от сил хаоса. В германской версии мифов его нередко называли Донаром. Германский Водан соответствовал скандинавскому Одину. Закснот в данном случае может рассматриваться как прародитель всех саксов. Бауэр

предполагал, что большинство сказок с подобными сюжетами были основаны на реально имевшихся культурных обычаях. Их интерпретацией активно занимался Отто Хёфлер, тоже являвшийся сотрудником «Наследия предков». По версии Хёфлера, сказания о «дикой охоте» являлись отголоском ритуалов тайных «мужских союзов», в которых продолжали поклоняться «старым богам». Исходя из этого тезиса, Бауэр предполагал, что в обвинениях в колдовстве можно было обнаружить следы «старой веры». По его мнению, христианские миссионеры смогли «успешно» распространить веру в ведьм среди германцев, так как обращенный в христианство народ долгое время сохранял «старую веру». По этой причине отправление «старых культов» было ошибочно истолковано миссионерами как чародейство, что стало со временем восприниматься немцами как «ослабление общины». То есть «германская вера», которая преследовала чародейство, сама заняла его место. Бауэр приписывал подобное ложное понимание «германской религии» тому, что христианство не видело смысла в мифической реальности, так как в христианстве Бог был «чистым духом». Схоластика являлась завершенным пониманием Бога и одновременно максимальной оторванностью от практического человеческого опыта. Бауэр пытался показать, что в позднем Средневековье «германская религиозность» пыталась восстать против «чистой теории» как в слове (немецкие мистики), так и в образе (немецкое церковное искусство). Прибегая к подобным построениям, Бауэр фактически поддерживал концепцию «германской непрерывности». Он сравнивал подавление «живой германской веры» при помощи догм с тем, как греческая философия «своей болтовней окончательно осквернила мифы». Однако обвинения в адрес христианства были более серьезными.

Бауэр полагал, что во многом разложению германской культуры способствовало распространение печатного слова. Он вообще придерживался мысли, что письменность была разрушительной силой, и якобы поэтому имелось всего лишь несколько письменных германских преданий. Для Бауэра письменность была чем-то чуждым, не присущим собственным традициям: «Проще и легче было следовать за словом, нежели за живыми образцами, которые имелись в искусстве. Когда буква одержала победу, то Бог окончательно стал нереальным духом. В этом отношении христианство являлось разновидностью Просвещения, тем более что в нем встречаются такие же требования». Бауэр далеко не случайно сравнил христианство и Просвещение. По его мнению, оба они исходили из «достойного критики универсализма». Однако в отличие от церковных деятелей просветители делали ставку на наблюдения и на опыт.

Библия, Отцы Церкви, различные направления греческой и арабской философии занимались проблемами проявления зла, которое вошло в христианство под видом «дьявола и его свиты». По мнению Бауэра, демонология схоластики базировалась на дословно понятых, но неверно истолкованных сюжетах классической мифологии. Для него обвинения в адрес ведьм имели ту же самую конструкцию, обладали теми же самыми элементами, что и народная вера. Он интерпретирует ведьманию, духовная основа которой базировалась на литературных сюжетах, посвященных ведьмам и чертям, как результат глубочайших противоречий, которые имелись между интеллектуализмом и народной душой. На одной стороне он видел непоколебимые качества абстрактной письменности и индивидуализм, на другой – культ и сообщество-общину. Появление книгопечатания только способствовало распространению заблуждений о ведьмах. Именно книгопечатание сделало возможным повсеместное распространение папских булл, в которых «подтверждался» факт существования ведьм. Именно книгопечатание распространило по всей Европе «Молот ведьм» и книги о христианских догмах. В этом месте Бауэр предпочел еще раз заявить о негативной роли церкви: «Христианство было властью над разумом, и как интеллектуальная власть она могла вызвать фанатизм у отдельно взятых личностей. В то же самое время глубинные духовные слои народной веры могли быть задействованы только через общину, через сообщество».

Когда протестантские священнослужители стали противодействовать распространению заблуждений о ведьмах, то для Бауэра это являлось очевидным доказательством того, что начатый католической церковью процесс обособился, то есть стал жить по собственным законам и правилам: «Впрочем, протестантские священники не смогли полностью изжить эти заблуждения, однако это было свидетельством того, что они (заблуждения) с этого момента распространялись в большей степени самостоятельно».

Массовое сожжение ведьм в протестантской Германии

Бауэр видел в преследовании ведьм отчасти продолжение процессов над европейскими еретиками. Он ссылаясь на работу Зигмунда фон Рицлера «История процессов над ведьмами в Баварии» (1896), в которой упоминалось, что в 1239 году вместе с 183 еретиками была сожжена женщина, обвиненная в колдовстве. По мнению Бауэра, это был первый случай того, когда на костер направили «ведьму». В последующем распространении процессов по делам колдуний Бауэр видел развитие законодательства, которое применялось в отношении еретиков. «Его создатели не смогли устоять перед искушением, чтобы отказаться от дальнейшего использования столь эффективного инструмента». С этого момента обвинения в ведовстве, колдовстве и чародействе становились составной частью общего обвинения в ереси, которое являлось согласно имевшемуся законодательству преступлением.

Кроме этого, повсеместному распространению ведьмomanии помогла передача полномочий по преследованию ведьм светским судам. Бауэр полагал, что это было уловкой иезуитов, которые намеревались действовать более «эффективно» (то есть более радикально), скрываясь за кулисами происходивших событий. Это привело также к изменению немецкого права, в котором система доказательств вины заменялась пытками. В качестве источника, который должен был проиллюстрировать этот тезис, Ганс Бауэр использовал Фридриха Шпее, который в свое время заявил, что «если в руки инквизиции попал папа римский, то и он бы признался в чародействе и колдовстве».

После написания указанной статьи Ганс Бауэр занялся расшифровкой попавших к нему в руки архивных дел. Он решил прокомментировать их, желая показать в первую очередь сугубо негативную роль, которую сыграли пытки, а также заранее подготовленные свидетели, которые нередко использовались на процессах. Кроме этого он указывал, что светские власти были активно задействованы в этих процессах, поскольку были финансово заинтересованы в преследовании ведьм. Бауэр писал: «Определенно, что они [светские власти. – А. В.] казнили жестоким образом Ильзу Кронсхаген, вдову Йоста Шукенбомерса, так как ни у кого не было возможности противодействовать этому чудовищному судебному механизму, а господа из власти считали возможным его использовать, чтобы приобрести чужое имущество. Во времена Средневековья такое едва ли было возможно, так как в Средние века имелаась религия. Так называемое “новое время” началось с религиозных заблуждений, а закончилось атеистическими и анархическими иллюзиями».

Бауэр вел речь о том, чтобы противопоставить «заблуждения христианства», атеизм и анархию культовому, «живому германскому сообществу-общине, которое собственно и являлась сутью германцев», и следы которого можно было обнаружить даже в эпоху Средневековья. В центр своего исторического анализа Бауэр поставил не человеческие жертвы, а общину, которая была разрушена ведьмomanией и процессами по делу колдуний. По сравнению с разработками, которые предпринимались в рамках «проекта Х», доводы Бауэра кажутся более убедительными. В своей статье он пытался избегать таких идеологических формулировок, как «утрата лучшей крови», «расовая прародительница», «силы вырождения» и т. д. Однако апология «германского сообщества», критика интеллектуализма и индивидуализма, неприятие письменности в пользу культа, а также призывы к «искоренению» всего, что угрожало общине, выдает в нем убежденного последователя расовых теорий. Однако это не

значило, что Бауэр пытался написать работу, которая имела исключительно идеологическое значение и могла использоваться только лишь в партийной пропаганде, направленной против церкви. Признание того факта, что даже в германских культах имелись свои «темные стороны», попытки выявить в ведьмомании как «германские», так и «негерманские черты» однозначно указывают, что Ганс Бауэр находился под влиянием идей Отто Хёфлера, который несколько позже поставил под сомнение научную ценность работы, которая была написана Рудольфом Левиным. Все эти обстоятельства делали выводы, к которым пришел Ганс Бауэр, совершенно непригодными для того, чтобы они могли использоваться «Зондеркомандой Х». Не в последнюю очередь именно статья Ганса Бауэра подтолкнула Генриха Гиммлера к заключению о том, что исследованием «колдовских процессов» должна была заниматься только «Зондеркоманда Х», а «Наследие предков» должно было полностью отказаться от этой темы. Таким образом, Ганс Бауэр, сам того не желая, положил конец противостоянию между сотрудниками «проекта Х» и специалистами «Аненэрбэ». В данном случае речь шла не о примирении двух эсэсовских исследовательских структур, а о проведении четких границ в компетенции их деятельности.

Глава 10. Хёфлер против Куммера

Обсуждение проблем, связанных с ведьмами и их преследованием, было неотъемлемой частью общественных процессов, шедших в Третьем рейхе. Решение «ведовского вопроса» должно было узаконить использование в исторической науке такого национал-социалистического понятия, как «народное сообщество». Попытки предпринимались самыми различными партийными функционерами, но наибольшую активность в данном направлении развили Генрих Гиммлер и Альфред Розенберг. Оба они создали при своих ведомствах специальные исследовательские структуры, в которые намеревались прилечь немецких ученых. Альфред Розенберг основал «Рабочее сообщество немецкой этнографии», а Генрих Гиммлер – «Наследие предков» и «Зондеркоманду Х». С началом Второй мировой войны все эти структуры пытались получить статус «военнозначимых», что должно было обеспечить «бронь» их сотрудникам. Так на свет появилась концепция «военного использования гуманитарных наук», которая активнее всего использовалась в «Аненэробэ». Как уже отмечалось выше, даже между сотрудниками эсэсовских исследовательских бригад не всегда имелось взаимопонимание. Несколько лет кряду «Наследие предков» пыталось конкурировать с «Зондеркомандой Х». Однако наиболее ожесточенная борьба шла между институтами, которые находились в подчинении различных бонз. По этой причине пресловутая «борьба компетенций» ярче всего проявлялась в попытках заполучить контроль над архивами, музеями, университетскими кафедрами. Нередко подобного рода столкновения приводили к межличностным конфликтам, на первый взгляд весьма напоминавшим научные дискуссии.

Спор, который велся между Бернхардтом Куммером и Отто Хёфлером, мог показаться парадоксальным и фактически лишенным всякого смысла. Речь идет даже не о том, что оба эти исследователя придерживались национал-социалистического мировоззрения. Проблема состояла в том, что покровителем Куммера был Альфред Розенберг, а Отто Хёфлера опекал Генрих Гиммлер. Еще раз напомним, что именно тезисы Хёфлера в немалой степени способствовали возникновению и развитию конфликта между «Наследием предков» и «Зондеркомандой Х». Кроме этого не надо было забывать, что идеи Отто Хёфлера мало напоминали установки, которые дал рейхсфюрер СС сотрудникам «особого проекта Х». Однако факт остается фактом. Хёфлер находился под защитой главы СС, а его

оппонентом являлся исследователь, чьи идеи на первый взгляд должны были быть близки и понятны Генриху Гиммлеру. Хёфлер никогда не отказывался от своей идеи о том, что воинственные «мужские союзы», в которые входили взрослые германцы, занимались преследованием ведьм. В данном случае Хёфлер провозглашал преследование ведьм не только типично германским явлением, но представлял «преследователей ведьм» («мужские союзы») в качестве основателей всего германского общественного устройства. В то же самое время Бернхардт Куммер (о нем мы говорили в первых главах книги) исходил из того, что «германский образ жизни» был основан на «мирном порядке». Он был принципиально не согласен с тем, что германцы могли преследовать ведьм, равно как и верить в демонов. Эти не самые принципиальные на правый взгляд научные разногласия очень быстро сместились в идеологическую плоскость, а затем и вообще вышли на политический уровень. В данном случае ведьмы и их преследование играли второстепенную роль, были, так сказать, всего лишь поводом для конфликта. На самом деле спор велся о том, какая из идей будет положена в основу официальной концепции «мира древних германцев», то есть какой образец должен был быть взят в качестве модели для воссоздания «народного сообщества».

Казалось бы, у Куммера и Хёфлера было много общего, что должно было сделать их союзниками. Оба были выходцами из университетской среды. Оба имели ученые степени. Оба начали свою научную карьеру до того, как Гитлер пришел к власти. Оба активно поддерживали национал-социалистов. Оба после окончания Второй мировой войны остались в высшей школе, продолжая свои научные изыскания. Но имелись и различия. Отто Хёфлер был учеником Рудольфа Муха, которому он посвятил свою книгу (этому профессору симпатизировал и Гиммлер). Бернхардт Куммер, подобно Альфреду Розенбергу, придерживался воззрений венской мифологической школы, которая сложилась вокруг Леопольда фон Шрёдера.

Научные выводы, которые сделали Куммер и Хёфлер еще до прихода Гитлера к власти, играли большую роль во времена Третьего рейха. На работы Отто Хёфлера в своей статье ссылался сотрудник «Аненэрбэ» Ганс Бауэр, когда на основании нескольких примеров пытался доказать, что в преследовании ведьм имелись отзвуки «старой германской веры». На Хёфлера также ссылался близкий к «Зондеркоманде X» Гюнтер Франц, который занимался не столько изучением «колдовских процессов», сколько восхвалением яростных «мужских союзов», которые он считал создателями

германской культуры. Вместе с тем Хёфлер дал весьма негативный отзыв на диссертацию Рудольфа Левина, когда тот пытался получить доцентуру в Мюнхенском университете. В то же самое время сторонники Альфреда Розенберга предпочитали превозносить Куммера и не замечать Хёфлера. Как же получилось, что Гиммлер, который постоянно говорил об исключительной роли «здоровых» отношений полов, превозносил семью и немецкую женщину, мог поддерживать Отто Хёфлера и его идею «германских мужских союзов»? По каким причинам он содействовал карьере ученого, чьи идеи в лагере Розенберга оценивались как «женоненавистнические»? Как мог оказаться в окружении рейхсфюрера СС исследователь, который опровергал тот факт, что преследование ведьм было «негерманским» явлением?

Согласно теории Хёфлера, «демоническая боеготовность», присущая «мужским союзам», могла быть обнаружена во всех эпохах, что позволяло ему говорить, что именно это и было сутью германской культуры. Само понятие «мужской союз» впервые было употреблено в науке в 1902 году, когда Генрих Шурц описывал ритуалы инициации, которые практиковались у племен Восточной Африки. Этот исследователь говорил о юношеских коллективах, куда не допускались женщины. Оказавшись в таком сообществе, юноша должен было готовиться к прохождению обряда посвящения (инициации). Так впервые была высказана мысль о том, что именно «мужской союз», а не семья, являлся основой общественного развития. «Мужской союз» в начале XX века трактовался как сообщество мужчин, которые были объединены клятвой во имя единой цели. Жизнь в «мужском союзе», являвшемся строго иерархическим образованием, была тесно связана с множеством ритуалов. Его члены должны были придерживаться массы правил. Принадлежность к тому или иному «мужскому союзу» определялась на основании определенных внешних признаков (символы, одежда, прическа, татуировки т. д.). Женщины были исключены из мужских союзов. Признаками «мужских союзов» обладали почти все подразделения национал-социалистической партии: СА, СА, гитлерюгенд, Имперская трудовая служба и т. д.

«Три старухи загоняют дьявола в землю»

Если же говорить о научных построениях Отто Хёфлера, то он полагал, что ядро «германской религиозности» было тесно связано с культами мертвых. Именно возможность связи с потусторонним миром являлась определяющей для формирования древней германской культуры. Носителями этой традиции, имеющими право соприкасаться с миром мертвых, являлись именно германские «мужские союзы». Первое принципиальное различие между идеями Куммера и Хёфлера заключалось в том, что первый провозглашал основой «германской религиозности» культ жизни, а второй – культ мертвых. Хёфлер писал: «Я вижу в предельно странном героико-демоническом культе мертвых, который отправляли в мужских коллективах, центр германской жизни, источник религиозных, этических и политических сил, обладавших немалой мощью».

Тот факт, что различные национал-социалистические структуры пытались использовать идеи Хёфлера и Куммера для обоснования «народного сообщества», показывает, насколько разным было восприятие «непрерывности германской истории» в СС и в партийных структурах, представителем которых, собственно, и являлся Альфред Розенберг. Впрочем, Хёфлер пытался обосновать понятия «экстатический» и «демонический», которые являлись центральными в его теории, таким образом, чтобы они ни в коей мере не противоречили «антидемонизму» Розенберга. «Экстатическое» для Хёфлера вовсе не значило хаотическое наслаждение или опьянение жизнью. Он говорил об «экстазе» не как об освобождении человека от существующих преград, а как о вхождении в состояние, когда человек мог заключить сверхличностный союз с умершими. А потому «германский экстаз» должен был трактоваться не как скатывание в хаос, а как вхождение в обязательное соединение с умершими, что являлось «источником необычайных социально-государственных энергий». То есть Хёфлер приписывал «германскому экстазу» конструктивную и созидательную силу. «Демоническое» же исследователь понимал в духе Гёте, то есть как то, что «не нужно было постигать умом и рассудком». В полемике с Куммером, а также пытаясь ответить на шквал негодования, который вызвала его работа в националистических кругах, Хёфлер объяснял в своей книге «Проблемы германоведческих исследований нашего времени», что слово «демоническое» имеет по меньшей мере три исторических значения. Сам автор опирался на производное от древнегреческого слова, которое сначала использовалось Сократом и Платоном, а затем перешло в лексикон Гёте. Демон – это описание состояния, в котором все помыслы подчинены высшей, божественной силе. Именно в этом, положительном, значении слова Хёфлер описывал «демонизм» Гитлера, который он полагал «движущей силой истории».

Второе значение слова «демон» как раз использовалось во время процессов над ведьмами. Оно означало «потерявший человеческий облик», то есть под демоном подразумевался нечистый дух. Именно средневековая теология определила «демоническое» прежде всего как «дьявольское», «злое». Третье значение слова «демон» Хёфлер нашел в «современной теологии» и «религиозной психологии нордического релятивизма», согласно которым религия возникла из страха. В данном случае под демоном подразумевались пугающие духи. «Если главный инстинкт – это страх перед опасностью, то демоны – это духи, которые угрожали примитивному человеку. Он становится религиозным а) из страха или

трусости б) из-за неосведомленности, почему те или иные вещи попадают в мир в виде духов. В данном случае можно указать на античный атеизм и конец XIX века». Но и это определение не подходило для Хёфлера, который не намеревался провозглашать религию бессмысленной. В своих построениях Хёфлер был ближе всего к греческому пониманию демонов, которые, однако, имели свои темные стороны. Демон мог быть не только творческим, но и опасным. Творческий демонизм для Отто Хёфлера воплотился в мифе о «дикой охоте» под предводительством Водана. Хёфлер говорил, что большинство его современников (Куммер в том числе) не желали смириться с темной и трагической стороной этого божества и обреченных на смерть героев.

Историк полагал, что существование «мужских союзов» было неизменно связано с поклонением Водану как наивысшей силе. Кроме этого «мужские союзы» должны были восприниматься как некие политические выразители воли Водана. Отдельное внимание Хёфлер уделял культовой практике «мужских союзов». «Эти союзы достигали своего апогея в культовом экстазе, который коренился в темных глубинах нерационального». Наибольшее беспокойство среди национал-социалистов вызвало то обстоятельство, что Хёфлер говорил о «мужских союзах» как тайных организациях. Естественно, они не имели ничего общего с масонами, но доказать это удавалось не всегда. Приставка «тайные» к «мужским союзам» использовалась Хёфлером для того, чтобы более наглядно показать, что эти организации производили «демоническое» впечатление, а также пытались скрыть свою деятельность от взоров «посторонних». Для Хёфлера история начиналась с того момента, когда мужчины стали вмешиваться в общественные события, что он характеризовал как «социальную демонию».

Так как Хёфлер в отличие от Куммера исключал возможность существования абстрактной «немецкой религиозности», то он определял суть германской религии как культовое действие, которое имело вполне конкретное воплощение. Хотя бы по этой причине религиозная идея у древних германцев была оформлена без участия слова. Культовые действия происходили в специальных местах, куда направлялись мужчины, чтобы впасть в состояние транса. Для этого использовались специальные вещества и музыкальные инструменты. Саги и сказания являлись, по мнению Хёфлера, всего лишь отражением этих ритуалов и культовых действий. Спроектированная Хёфлером германская религия была полностью мужской, поэтому даже культ плодородия был подчинен мужским эмоциям: «Они помогали пробудиться и усилиться силам

природы, для чего в высшей степени напрягали свои силы. Жизнь пробуждала жизнь: даже примитивным людям не были чужды подобные чувства».

Хёфлер полагал, что к культовым действиям «мужских союзов» германцев также относился ритуал обращения. То, что для Куммера являлось бессмысленным и деструктивным, то для Хёфлера было созидательным, выступая в качестве конструктивной силы германцев. Обращение было связано с культовым экстазом, во время которого и происходило это преображение. Участники ритуала должны были не столько изгнать демонов, сколько завладеть их силами и самим стать «демоническими воинами». «Мужские союзы» пытались черпать силу для преобразования действительности в объединении с мертвыми предками и мифическими существами. В потустороннем мире германцев Хёфлер видел только мужчин, что было легко объяснимым. Именно мужчины преобразовали мир живущих людей, а потому после смерти они хотели иметь свой собственный мир. Согласно Хёфлеру, мир германцев (как земной, так и потусторонний) был исключительно мужским, то есть миром воина, в котором единственным двигателем истории являлись «мужские союзы». Семья, род, а также женщины не могли по собственной инициативе явить какую-либо творческую силу. «Столкновения между родом и союзом, представлявшими оседлость и воинские чувства, происходили на протяжении всей жизни. Генрих Шурц писал, что противопоставление родовых и союзных образований приводило к первоначальному возникновению человеческого общества». В итоге Хёфлер изображал «мужские союзы» и их экстатические ритуалы в качестве базы для возникновения германской, а затем и немецкой государственности. Тесно сплоченные, по-своему элитарные, объединенные общей верой и общением с миром мертвых, «мужские союзы» могли преобразовать мир живых людей. Только они были в состоянии установить политические порядки и заняться экспансией.

В отличие от Куммера Хёфлер фактически не придавал никакого значения комплексу тем, связанных с ведьмами и их преследованием. Единственная глава в работе Хёфлера «Германский культ мертвых и сказания о дикой охоте» (1936) называлась «Преследование демонов». Она была посвящена анализу мотивов «дикой охоты». Они сводились к следующей схеме: демоническое существо, предположительно женщина, преследовалась «диким охотником», то есть Воданом. При этом Хёфлер подчеркивал, что почти во всех сагах и сказаниях симпатии находились на стороне «дикого охотника», а не женщины, за которой гнались. По этой

причине Хёфлер ставит под сомнение, что преследуемая женщина символизировала собой плодородие. Он вообще не был склонен видеть в сюжетах о «дикой охоте» хоть какой-то эротический подтекст. Во многих вариациях этого мифа «дикий охотник» не убивает свою «дичь», а связывает и бросает на лошадь. Вероятность эротических позывов в данном случае была сведена к нулю, так как преследуемые женщины должны были воплощать «плохих демонов», а потому на них охотились не из любви или жадности. «Грязные элементы», как характеризовал эротический подтекст многих мифов Отто Хёфлер, должны были полностью отсутствовать в сказаниях о «дикой охоте». Для охотников на первом месте находились не плотские желания, а воинственность. «Множество документов говорят об экстатической войне германцев, однако источники хранят гробовое молчание относительно древнегерманских праздников, которые можно было хоть в какой-то степени сравнить с южными оргиями». Экстаз «диких охотников» являлся не сексуальной энергией, а своеобразной аскезой, боевым бешенством, что являло полную противоположность ведьмам, которые в некоторых случаях упоминаются в сказаниях о «дикой охоте». «В сказаниях о колдовском аббате описывается необузданный разврат, что определенно является составной частью “культы ведьм”, который мог существовать в действительности». Хёфлер находил маловероятным, что только благочестивые церковники могли приписывать этим празднествам «похабное содержание». Сделав такой вывод, он фактически попытался опровергнуть все предположения относительно ведьм, сделанные как сотрудниками Розенберга, так и Гиммлера («Зондеркоманда Х»). Хёфлер однозначно говорил о том, что преследование ведьм не было «негерманским явлением», то есть вера в ведьм могла зародиться и среди германцев. Он предположил, что «охота на ведьм» была одним из германских обычаев: «Очевидно, что мы столкнулись со старым ритуалом. Магические “мужские союзы” враждебно относились к ведьмам и пытались известить их как демониц».

Однако исследователь не дал ясного ответа на вопрос, почему женщина должна была ассоциироваться со злом. По большому счету он даже не предположил, почему церковь стала полагать «демоническое», как «потерявшее человеческий облик». Хёфлер лишь сообщал читателю, что аналогичные «военно-культовые действия» он обнаружил в «мужских союзах» Прибалтики и Польши: «Преследование ведьмоподобных существ с заброшенными на спину грудями является сказанием, которое опирается на наши общие обычаи». Существенным для оценки социальной роли «мужских союзов», является ответ на вопрос: почему они, сами

«демонические порождения», должны были защищать людей от демонов? Хёфлер предполагает, что речь шла о ритуалах, которые должны были символизировать борьбу с силами упадка. Он писал: «Так, например, мы находим, что пугающие демонические мужские союзы с изрядной регулярностью проводили культовую защиту всего племени от уничтожающих жизнь сил. Союз был самой жесткой частью племени, сплоченной командой воинов, оказывающей сопротивление всем врагам: как земным противникам, так и мистическим силам, противостоящим человеку». Хёфлер говорил о том, что в германских сагах был весьма популярен сюжет о преследовании женщин, что говорило о распространенности среди германцев обычая «охоты на ведьм». Она должна была трактоваться как мистический акт, совершаемый в реальности.

После того как были опубликованы первые работы Отто Хёфлера, себя не заставила ждать реакция Бернхарда Куммера. Куммер в резких выражениях критиковал работу Хёфлера, которая ставила под сомнение его собственные представления о нравственности и религиозности древних германцев. Куммер полагал, что отрицание факта происхождения государства из рода и семьи ослабляло позиции национал-социалистов в борьбе против христианства. В адрес Хёфлера прозвучали обвинения, что тот использовал для описания германцев явно «негерманские» явления, а именно «экстаз» и «демонизм». Ссылаясь на исландские саги, в которых чародеи не были положительными персонажами, Куммер говорил, что «ирония судьбы заключается в том, что сегодня в качестве основы германской государственности провозглашаются мужские союзы с их свирепыми войнами и танцорами в масках». В фигуре предводителя «диких охотников», бога умерших Водана, которого Хёфлер провозгласил наивысшей силой, вдохновлявшей «мужские союзы», Куммер видел всего лишь признаки упадка германского мира, который характеризовался смятением и демонизмом. Куммер отказывался видеть хоть какую-то причастность «живых мертвецов» из свиты Водана к истинной германской религии.

Генрикус Инститорис – один из авторов «Молота ведьм»

Рассуждая об экстатических «мужских союзах», Куммер обвинял Хёфлера в том, что тот подчинил «германскую жизнь тому магическому мировоззрению, которое Альфред Розенберг в своей книге “Мракобесы нашего времени” охарактеризовал как проявление негерманского духа». Во время заочной полемики с Отто Хёфлером Бернхардт Куммер не раз ссылаясь на Розенберга. Уже в подобном подходе видно желание перевести дискуссию в политическую плоскость. Так, например, в статье «Германоведение в культуркампе», которая продолжала кампанию против католической церкви, организованную Розенбергом, книга Хёфлера описывалась как «малоаппетитное собрание фантазии о мнимой вере германцев в демонов, которое не содержит в себе никаких доказательств, а только голословные утверждения». Сторонников Розенберга не могло не возмущать, что Хёфлер описал «германский мир» как нечто запредельное,

где правили «тайные союзы, при помощи террористических методов преследовавшие ведьм». Высказывалось мнение, что «мужские союзы» не могли быть частью народа, так как «их члены были олицетворением демонических, нередко звероголовых наездников, создателем которых был человек, иммигрировавший в нашу страну». Ортодоксальные национал-социалисты не раз вменяли в вину Хёфлеру, что он был не немцем, а австрийцем, которые до аншлюса 1938 года считались в Третьем рейхе иностранцами. Поскольку Хёфлер был иностранцем, то его можно было спокойно упрекнуть в отсутствии «расового чутья» и попытках «оскорбления германских женщин». В данном случае акцент на мнимом женоненавистничестве австрийского ученого был едва ли не основным. В качестве примера презрения к германским женщинам приводился один из отрывков работы Хёфлера, в котором говорилось, что юноши, которые не прошли инициацию, считались «женщинами», так как не могли называться «настоящими мужчинами». Куммер в ответ на эти утверждения приводил излюбленный аргумент большинства теоретиков фёлькише движения: «Германские женщины для мужчин являлись товарищами в войне и в мире».

По большому счету Куммер воспринимал нарисованную Хёфлером картину германского мира, как «типично христианское мировоззрение», которое ставило под сомнение ценности германской культуры: «Нам пытаются внушить, что мрачные стороны христианского времени были остатками германского язычества. Но необходимо освободить германское наследие от убийства ведьм, садизма инквизиторов, жестокости и безнравственности Меровингов». Для Куммера германцы, изображенные Хёфлером, не имели права на существование. Прибегая не столько к научным, сколько к политическим доводам, Куммер едва ли не провозглашал австрийца союзником «политического католицизма». К слову сказать, Хёфлер действительно был католиком, но это не мешало ему быть сотрудником «Наследия предков». Куммер подчеркивал, что если «мужские союзы», которые описывал Хёфлер, защищали древних германцев от ведьм, то это является оправданием «Молота ведьм». Более того, даже «Молот ведьм» можно было приписать «германской традиции», так как его авторы Шпренгер и Крамер были немцами по происхождению. Если признавать демонизм и веру в ведьм как типично германские явления, то получалось, что христианство намеревалось всего лишь укротить буйный нрав германцев, которые были повинны в убийстве своих же женщин.

Некоторые из доводов Куммера были совершенно далеки от науки. Так, например, он говорил, что в своей работе Хёфлер ставил под сомнение

все достижения «национал-социалистической революции». «Вера фюрера в нашу “хорошую” природу породила национал-социализм. И эта вера одержала победу. Однако лживые католические измышления, в которых преподносятся наши ужасные качества, мешают этой национал-социалистической вере». В этом пассаже Куммер переплюнул многих национал-социалистических пропагандистов. Он фактически приравнял национал-социализм к религии, а любые сомнения в «хорошей природе германцев» едва ли не провозгласил святотатством. Предостережения от попыток поддержки «германофобских» теорий, в которых утверждалось, что христианизация германских варваров была исторической закономерностью, звучали в 1936 году не слишком безобидно.

В своих обвинениях Бернхардт Куммер явно переусердствовал. В принципе у Отто Хёфлера и без Генриха Гиммлера имелись высокопоставленные защитники. Например, поддержку Хёфлеру оказал один из ведущих национал-социалистических философов Альфред Боймлер. В своем знаменитом докладе «Академические мужские дома» он очень высоко оценил труды Отто Хёфлера. Более того, Боймлер с высокой трибуны заявил о ценности теории «мужских союзов» для национал-социалистического движения. Именно с борьбой «мужских союзов» он связывал возникновение идеи государственности как таковой: «Мужские союзы раннего времени, когда только возникло первоначальное государство, обладали огромной силой, которую обращали против мира врагов. Без победы над противником, без победы над хаосом не могло бы возникнуть никакого государства». В том же самом докладе были озвучены тезисы Хёфлера, которые Куммер посчитал проявлением «неуважения к роду и семье». Боймлер заявил буквально следующее: «Семья отнюдь не является зародышем государства. Государство исходит из принципов, которые изначально противопоставлены семье. Народ развивается естественным путем, но государство не может возникнуть таким же образом, то есть органически, – оно создается искусственно. И создается через деятельность объединенных и свободных мужчин». Кроме этого Боймлер, наверное, один из первых ведущих теоретиков национал-социализма, публично заявил о необходимости исключения женщин из сферы политики. Подобных резких заявлений не мог себе позволить даже Генрих Гиммлер. Однако точку зрения Хёфлера разделяли не только Гиммлер и Боймлер. Как ни странно, но таких же взглядов придерживался Альфред Розенберг. В своем «Мифе XX века» он излагал концепцию возникновения государства именно на основе «мужских союзов». Возможно, именно по этой причине Розенберг сам никогда не критиковал

Хёфлера. Более того, в одной из бесед он заявил, что нашел его работы «весьма примечательными». Категоричное неприятие идей Хёфлера в большинстве случаев исходило от низших чинов ведомства Розенберга.

Шутовские обряды в Германии на Вальпургиеву ночь

В своей книге «Тайные культовые мужские союзы германцев», в главе, где идет речь о Водане и «мужских союзах», Хёфлер после рассуждений о демонической непредсказуемости, коварстве и дикости Водана приводит многостраничную ссылку, в которой излагается текст Куммера. В итоге он оценивал работы Куммера как «идеологическую диверсию». Хёфлер ставил Куммера в вину, что тот провозгласил Водана, наравне с христианской церковью, угрозой для мира людей: «В книге Куммера предпринимается

попытка дать общую картину древней германской культуры. Однако то обстоятельство, что он на основании многочисленных средневековых источников, говорящих о “диком охотнике”, провозглашает Водана чертом, полностью уничтожает эту картину». Кроме обвинений в “очернительстве” главного божества германцев Хёфлер упрекал своего оппонента в том, что он существенно сократил германский мир, свел его к крестьянам, полностью проигнорировав, например, героизм эпохи викингов или эпохи «переселения народов». Он спокойно парировал выпады Куммера, который критиковал представление о Вальхалле как «мужском рае», после чего высмеял его представления о судьбе. Хёфлер писал: «Судьба – это душа германских сказаний о героях. В них не говорится об обильных урожаях, а только о трагедиях». Хёфлер никак не был готов согласиться с рационализмом Куммера, который пытался изобразить веру германцев как абстрактную религию, отвергая при этом наличие у германцев божеств и идолов, которым придавался вид животных. Хёфлер весьма язвительно замечал, что если какие-то культурные явления не были абстрактными, то Куммер сразу же провозглашал их либо итогом влияния христианства, либо признаками культурного упадка германцев. Делался вывод, что Куммер отказывался от всего, что было ему лично несимпатичным: «Почтение к действительности не мешало ему провозглашать неполноценными целые эпохи из нашей истории. Это – весьма странный патриотизм, который стремится унижить собственное прошлое». С упреком, что Куммер изуродовал и приуменьшил великий трагизм германского прошлого, Хёфлер обвинил этого исследователя в неуважении к немецкой государственности, точнее, способностям германцев такую государственность создать. Действительно, почти вся история древних германцев изображалась Куммером как один сплошной, никогда не прекращающийся упадок и разложение.

Как видим, Отто Хёфлер в полемике с Куммером фактически не уделял внимание ведьмам, собственно как и «женскому вопросу» в целом. Он фактически ни разу не прореагировал на обвинения в том, что он занимался «саботажем» в пользу церкви. Казалось, что Хёфлер сознательно избегал тем, связанных с ведьмами и колдуньями, предпочитая сосредоточиться на «мужских союзах» как на силе, создавшей государство. В своей статье, посвященной знаменитому исследователю германской культуры Грёнбеку, которая была опубликована в 1937 году в журнале «Германия» (ведомственное издание «Наследие предков»), Хёфлер продолжил спор с Куммером. В частности, он указывал, что именно во время существования культа Вадана на территории Германии стали появляться зачатки

государства. Следующий шаг в полемике Хефлер рассчитал с тактической точностью полководца. В 1937 году он издал книгу Грёнбега «Культура и религия германцев». Дело в том, что для Куммера Грёнбег был одним из самых авторитетных исследователей. Однако Хефлер не думал ограничиваться только научными доводами. После того как его обвинили в «пособничестве политическому католицизму», а затем намекнули на «негерманское происхождение», он решил принять ответные меры чисто политического характера.

19 июля 1937 года Отто Хефлер направил письмо организационному руководителю «Наследия предков» Вольфраму Зиверсу. В нем содержались такие строки: «Если Куммер сможет закрепить свои позиции, то мы на десятилетия получим источник саботажа, интриг и мятежей, которые будут завернуты в “научную” упаковку». Одновременно с этим Хефлер стал собирать сведения, которые бы могли скомпрометировать Куммера. Его поиски увенчались успехом. В Имперском министерстве науки был найден текст доклада, который Куммер сделал еще в годы Веймарской республики. С научной точки зрения доклад, может быть, был безобидным, чего нельзя было сказать про его политическую составляющую. Дело в том, что Куммер назвал в нем Гитлера «опасным субъектом, ориентированным на [папский] Рим».

Глава 11. Колдовские отголоски в контексте «борьбы компетенций»

Дискуссия между Куммером и Хёфлером очень быстро вышла за рамки сугубо научного диспута. Идеологические аргументы, которые использовались в этом споре, были не пустыми словами. Они учитывались в Главном управлении имперской безопасности, а также использовались для ведения внутрипартийной борьбы. Рядовые национал-социалисты должны были знать, какая из позиций являлась «правильной», по крайней мере на какое-то время. Проигравший в этом споре должен был заплатить за свои «заблуждения». Однако очень быстро выяснилось, что «приговор» мог быть и не окончательным.

Первые критические отзывы на труды Хёфлера стали приходиться из кругов немецких фольклористов. Уже в декабре 1935 года Фридрих фон Лайен дал критический отзыв в «Вестнике немецкой древности и немецкой литературы». Его критика не была однозначно национал-социалистической. Этот исследователь, наверное, и не подозревал, что должен был учитывать позицию партии. Однако даже в этом отзыве отчетливо читалась идеологическая составляющая. В то время появление работ, посвященных культуре и истории древних германцев, так сказать, отвечало «духу времени». В том же самом году руководитель эсэсовской библиотеки Харальд Шпер написал отзыв на «Тайные культовые мужские союзы германцев». Некоторое время спустя в «Национал-социалистическом ежемесячнике» появилась статья Мартина Циглера, которая назвалась «Изучение религии в борьбе мировоззрений». Циглер являлся одним из сотрудников ведомства Розенберга, который принимал активное участие в антицерковной кампании, инициированной его шефом. В 1937 году также была издана «для служебного пользования» брошюра, которая назвалась «Положение в германоведческом споре (Хёфлер – Куммер) в настоящее время и его расово-мировоззренческое значение». Автором этого доклада был Герман Мандель, известный своими симпатиями к «Немецкому религиозному движению» («Немецкому вероисповеданию»). Этот профессор из Килия в основном занимался «духовной историей расы». В своем документе он даже не пытался скрыть своих симпатий к Куммеру. В ноябре 1937 года появился документ иного содержания. Это была докладная многостраничная записка «Рискованное и опасное от доктора

Бернхарда Куммера с германской точки зрения, в особенности с учетом интересов СС». Автором этого документа был научный куратор «Наследия предков» Вальтер Вюст.

Большинство критиков работы Хёфлера в первую очередь обращали внимание на то, что исследователь превозносил «магическую» и в то же самое время «темную» сторону германского мира. Они указывали, что существует опасность использования подобного рода аргументов католиками или другими противниками национал-социализма в спорах о ведьмах. Циглер, например, не мог скрыть своего возмущения тем, что Хёфлер классифицировал некоторые негативные качества людей как «германские». Он указывал, что после прочтения «Мифа XX века» Альфреда Розенберга он не мог воспринять в качестве элементов германской религии демонию, экстаз и магию, которые автор «Мифа» назвал чуждыми нордической сути. Циглер указывал, что книга Хёфлера являлась опасной, так как могла вызвать нежелательные последствия, поскольку ставила под сомнение мир «порядка», «ясности» и «творческого духа», который «был убедительно изображен рейхсляйтером Розенбергом в книге “Миф XX века”». Циглер также предполагал, что критики германской культуры могут почерпнуть из книг Хёфлера мысль о творческой несостоятельности германцев. Кроме этого, он опасался, что книги являлись косвенным подтверждением католических тезисов, которые были изложены в «Штудиях». «Политический католицизм» якобы мог воспользоваться образами «тайных мужских союзов», практиковавших убийства, описанием экстаза, демонического бешенства, изображением оборотня как «типа германского существа». «Распространение подобных измышлений может быть вредным для Германии», – подводил итога Циглер. Однако чтобы избежать обвинений в пацифизме и недооценке политической самоорганизации германцев, Циглер заявлял, что в книге Куммера подчеркивался сильный характер германских племен, но при этом все-таки имелись различия между «бешеным экстазом тайных союзов Хёфлера» и «силой воодушевления и боевым мужеством», которые были описаны у Куммера. Впрочем, это не мешало отметить Циглеру, что Куммер в своих построениях все-таки был склонен идеализировать германцев, что, «возможно, являлось результатом недостаточного изучения героических саг». Несмотря на это, для Куммера не существовало никаких сомнений, что надо было верить в важнейший принцип германской религии: германцы, конечно же, признавали существование божеств и чудовищ, при всем том «законом жизни был закон порядка, а не хаоса». Они знали, что «разрушительные силы» никогда не могли одержать верх.

Это акцент на «порядке» германского мира можно найти в текстах, в которых оспаривалось германское происхождение веры в ведьм при условии, что колдовство «христианских» ведьм не было упорядоченным, то есть было хаотичным. Только после окончательной христианизации Европы «не только чудовища, но и все конструктивные, созидательные силы германского мира были провозглашены утратившими человеческий облик, то есть демоническими». Подобная негативная трансформация была следствием отказа от германских обычаев, что, по мнению Циглера, произошло не без содействия со стороны церкви. Циглер предостерегал, что идеи, высказанные Хёфлером, прежде всего «его двусмысленный понятийный аппарат», могли иметь отрицательные мировоззренческие последствия: «Однако германоведение смогло извлечь уроки из отзывов, появившихся из конфессионального лагеря. Германская система мира являла собой картину порядка, а германский дух во все времена был духом ясности, так как германец не был ни священником, ни кочевником, ни грабителем, но творцом, крестьянином и воином».

Колдовские обряды. Средневековый рисунок

Харальд Шпер также упрекал Отто Хёфлера в том, что тот ставил под сомнение «ясные формы германского мира»: «Подобает ли напускной мистицизм предельно ясному, жесткому и трезвому нордическому характеру?» Аналогичные аргументы приводил и Герман Мандель. Он внушал, что предложенный Хёфлером образ германца были слишком противоречивым, и давал возможности для самых различных интерпретаций. На их основании можно было «ошибочно» предположить, что германцы были близки к заговорщицким тайным организациям, а важнейшими принципами германской государственности якобы являлись заблуждения, смерть и экстаз. Все же, по мнению Манделя, германцы не

были такими. Он предпочитал опираться на «авторитет науки». Мандель специально подчеркивал, что наука давно уже отказалась от образа германца как воинственного завоевателя, который поклоняется погибшим предкам. Кроме этого якобы не имелось никаких убедительных доказательств, что германский мир был «экстатическим». По мнению Манделя, не смог этих доказательств привести и Отто Хёфлер.

Все критики Отто Хёфлера решительно отказывались от принципа экстатичности германского мира как «абсолютно ошибочного», но при этом почему-то никто не обращал внимания на то, что автор принципиально отвергал эротическую составляющую германских мифов. Хёфлера также критиковали за то, что он подверг германскую культуру «демонизации», а недопустимые научные выводы приписывались неверно выбранному научному методу. Отчасти эти доводы напоминали упреки, адресованные защитникам «германского происхождения веры в ведьм», которые пытались видеть в них отражение принципа расовой непрерывности. Однако мнимые женоненавистнические установки Хёфлера, отразившиеся в его работах, предметно не обсуждались в прозвучавшей в то время критике. Наверное, из всех только Циглер указал, что исключение семьи и рода из политического сообщества не позволяет применять предложенную Хёфлером теорию «мужских союзов» в отношении национал-социализма, так как «мужские союзы» в национал-социалистическом движении были ориентированы на «здоровые отношения в семье». Кроме этого, суть средневековых сообществ, например, гильдий или цехов, объяснялась критиками Хёфлера как производная от «германских обычаев», а не от «этнографического понятия мужских союзов». Если утверждать, что германцам был присущ «культово-демонический экстаз», то следующим шагом могли быть выводы о том, что «сексуальные оргии были одной из германских культовых форм». Критиков нисколько не волновало, что Хёфлер принципиально дистанцировался от оргиастических культов, не видя ни малейших их признаков в германской культуре. Однако Мандель в критике Хёфлера не раз подчеркивал, что у германцев не было и не могло быть «оргиастических обычаев, присущих тайным союзам», а «отказ от рода» всегда грозил бедами всему племени. Разрушение родовых отношений могло привести к тому, что ценная нордическая кровь могла быть использована иными народами.

Если в указанных отзывах работа Хёфлера представляла исключительно в негативном свете, то в отношении Куммера обычно следовали положительные отзывы. Конечно, сразу обратили внимание, что Куммер сосредотачивал свое внимание на исключительном значении рода и

«порядка» в германской культуре, которая в его изображении представала как расово детерминированное явление. Мандель называл основными чертами предложенной Куммером картины германского мира «связанные с родом крестьянские войны», «народный вождизм на крестьянской основе» и «принципиальное отрицание всего мистического и экстатического». Однако в книгах Куммера имелись и «слабые места»: например, изначально «мирное» германское крестьянство с политической точки зрения было весьма уязвимым. Национал-социализм предполагал наличие иных образов. В германцах надо было подчеркивать воинственный дух, стремление к вождизму и к экспансии. Однако с расовой точки зрения германцы Куммера почти не вызвали никаких вопросов: «Картина, нарисованная Куммером, полностью соответствует не только выводам германистов прошлых лет, но выводам специалистов, которые занимаются изучением арийского характера и нордической души (Розенберг, Дарре, Ганс Гюнтер, Людвиг Клаус). Однако предложенные Хёфлером выводы в недостаточной мере говорят о присущих германцам расовых инстинктах».

В большинстве отзывов методы исследований Куммера, выбор им древнескандинавских рукописей как исходного материала для научной интерпретации обозначались как «безупречные», так как это позволяло оценить «подлинные, независимые от христианского и средиземноморского влияния исторические свидетельства о жизни и сути мира древних германцев». Не скрывавший своих симпатий Мандель говорил о том, что научные построения Куммера полностью совпадали с выводами не только признанного датского исследователя Грёнбека, но также с заключениями, сделанными Розенбергом, Дарре и Гюнтером. В качестве единственного недостатка работы Куммера указывалась некоторая односторонность в выборе источников, что отразилось на описании пантеона германских божеств: «В книге Один предстает как позднее божество, не связанное с историей древних викингов. Кроме этого вера в судьбу показана в ограниченном свете».

Вальтер Вюст выступает на эсэсовском мероприятии

Мнение Манделя во многом опиралось на идеологические и мировоззренческие соображения о принципиальных различиях в научных конструкциях Куммера и Хёфлера. С определенными оговорками это можно понимать как присущие сторонникам Розенберга научно-политические установки. Картина, нарисованная в работе Куммера, полностью попадала в «органическое, имманентное, соответствующее действительности мировоззрение». Выводы Отто Хёфлера, напротив, «искажали наши мировоззренческие установки своим отрицанием естественной жизни и прославлением экстаза». По этой причине Куммер и его работы могли быть использованы для борьбы против Рима и «политического католицизма», а Хёфлер «дал противнику новое оружие», так как католические авторы могли противопоставить его книгу «Мифу XX века», говоря об имеющихся доказательствах магии, демоники и экстатичности культуры древних германцев. При этом Мандель ссылался на статью Циглера, в которой однозначно говорилось о «подобной угрозе». После этого Мандель говорил, что Хёфлером должны были заинтересоваться соответствующие органы, так как надо было объяснить исследователю, что его научные выводы приводили к идеологической

разобщенности, что могло быть опасным для «национал-социалистического мировоззрения».

Пожелание Манделя было учтено. 14 марта 1937 года в главное управление СД был вызван унтерштурмфюрер СС Рампф, который был сотрудником «Наследия предков». С ним предполагалось обсудить проблему «Куммер – Хёфлер». Рампф объяснил, что «Германия», журнал который издавался в то время «Аненэrbэ», получил от рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера поручение начать подготовку кампании, направленной против Куммера. Кроме этого эсэсовские структуры должны были проверить правдивость заявлений, сделанных Куммером в одном из выпусков «Нордического голоса». Куммер утверждал в издаваемом им журнале, что с 1928 года состоял в СА. После этого сотрудник СД вновь указал на «ошибки», допущенные Хёфлером, а также на то, что он позволил себе сугубо личные нападки на Бернхарда Куммера. Затем у Рампфа поинтересовались, знает ли он, что Куммер работает в Йенском университете у профессора Аштеля, который курировал проекты, поддерживаемые рейхсфюрером СС. Рампф предпочел быть немногословным, а потому сослался на Генриха Гиммлера, который прекрасно был осведомлен обо всем, что происходило в журнале «Германия», и который был инициатором начала кампании против Куммера.

3 ноября 1937 года организационный руководитель «Наследия предков» Вольфрам Зиверс в своем письме, адресованном научному куратору «Аненэrbэ» профессору Вальтеру Вюсту, сообщал, что после разговора с Йозефом Плассманом (редактор «Германии» и начальник одного из отделов «Наследия предков») и Хёфлером им была собрана вся необходимая информация о Куммере. Теперь Вюсту предстояло заверить план предстоящей кампании. Зиверс подчеркивал, что в сложившейся ситуации не могло быть и речи о том, чтобы проявить в отношении Куммера хоть какую-то снисходительность, так как силы, «враждебно настроенные в отношении СС, могли бы воспринять это как нашу слабость». Некоторое время спустя Вальтер Вюст направил письмо Генриху Гиммлеру с пометкой «Рейхсфюреру СС лично в руки». В письме говорилось, что был разработан план мер, которые должны были нейтрализовать Куммера, позволившего себе «коварные нападки» на СС вообще и журнал «Германия» в частности. Показательно, что в письме ни словом не был упомянут Отто Хёфлер. Кроме конкретных политических обвинений в адрес Куммера ему также инкриминировалась «слепая ненависть в отношении сильных политических союзов и организаций», что

нашло отражение в представленной им картине «германского мира». Этот упрек должен был являться главным аргументом в задуманной полемике с Куммером. По мнению руководства «Наследия предков», сплоченные и сильные мужские соединения были необходимой основой любой политической власти. При всем том они презирались и поносились «всеми пацифистскими, демократическими и эгалитаристскими группами». В Германии также имелось время, когда подобного рода мужские военизированные формирования рассматривались в качестве «нарушителей порядка», что было убеждением «близоруких и односторонних кругов, питавших уважение к ложно осознанному крестьянскому миру». В письме говорилось: «Они являются близорукими хотя бы потому, что крестьянство было обречено на гибель, если бы оно не защищалось военизированными формированиями, как от внешних, так и от внутренних политических врагов». Очевидно, что, говоря о «военизированных формированиях», подразумевались в первую очередь СС. Но все же этот «мужской союз» не был противопоставлен семье и крестьянам, что подчеркивалось отдельно. Он «органически дополнял их и политически обдуманно защищал»: «В Германии наряду с вермахтом существует тип политического мужского союза, который является и внешнеполитическим, и внутриполитическим фактором. Он укоренен в семье и политически дополняет отдельные семьи. Германская история свидетельствует, что речь идет не о произвольном новшестве революционного характера. Было доказано, что аналогичные боевые содружества имелись в германской древности (что отрицает Куммер), и что они повсеместно являлись важнейшими и решающими факторами, определявшими власть со времен древних германцев».

По сути, это было единственным упоминанием семьи. После этого про женщин было решено вообще забыть. Кум-меру инкриминировалось, что его представления об истории древних германцев могли нанести ущерб авторитету СС, а также поставить под сомнение «гениальные политические качества германских и индогерманских племен эпохи [арийского] завоевания мира». Утверждалось, что именно феномен «мужских союзов» являлся «самым мощным гарантом всемирно-политического будущего германцев».

От предложения к предложению обвинения в адрес Куммера становились все более резкими. Его обвиняли в пристрастии к аграрно-пацифистским фантазиям, которые могли лишить германскую историю ее истинного величия. Даже делались намеки о «покушении» на власть Гитлера. Как следовало из этого документа, СС в лице «Наследия предков» не намеревались идти на компромисс, будучи настроенными отстаивать

интересы Отто Хёфлера, как говорится, «до последнего патрона». «Если рассматривать политические и организационные свершения германской истории только с точки зрения нарушения крестьянского спокойствия, то все многовековое прошлое Германии может восприниматься как одно сплошное бедствие. Именно эти идеи уже на протяжении десяти лет пропагандирует Бернхардт Куммер. Однако история Германии была не деревенской идиллией, а политической перекройкой Европы. Наш фюрер ясно дал понять, что он рассматривает появление власти в Германии не как бедствие, но как повод для гордости немецкого народа, что он ощущает себя преемником двух тысяч лет германской истории и наследником ее величия. Это самое большое возражение пацифизму, который исповедует Бернхардт Куммер, всячески принижая германскую политику, которая осуществлялась с позиции силы».

Якобы пропагандируемому Куммером статическому и пацифистскому восприятию германской истории приписывались такие качества, как «крестьянская безмятежность» и «сельская идиллия». Так как германская история на протяжении веков характеризовалась нарушением этих качеств, то Куммер видел в прошлом Германии одни только бедствия. При этом то, что для Куммера являлось бедствием (появление политической власти), то для Гитлера было поводом для гордости. Куммеру приписывалась клевета на германскую историю, которой нормальные немцы должны были гордиться. Жесткой критике также подвергались методы, к которым прибег в своем исследовании Куммер. Например, ему приписывалась мысль о том, что изначальное, «истинное», германство имелось только в Исландии, так как в других странах оно было испорчено культом Водана и воинственными «мужскими союзами». Руководство «Наследия предков» подчеркивало, что в германском мире Исландия являлась особым случаем, так сказать, исключением. Она фактически не имела внешнеполитических врагов, а потому и не смогла произвести на свет никаких военизированных формирований и не была в состоянии возвысить семью до уровня государства. Тут же использовался тезис Хёфлера о том, что многие славянские племена не создали никаких политических структур, так как не были в состоянии выйти за рамки «вегетативного цветения». Куммеру же ставилось в вину, что он в качестве германского идеала приводил Исландию, которая не только не имела государственности и военизированных формирований, но и за несколько веков оказалась растерзанной междоусобицами. «Тот, кто предлагает такие идеалы, тот ничего не понимает в нашей политической истории». Показательно, что сотрудники «Наследия предков», которые готовили этот «обвинительный

вердикт», ни разу не упомянули обвинения в адрес Хёфлера: а именно прославление магии, демонии и сходство его тезисов с церковными представлениями об истории древних германцев.

Поскольку конфликт между Куммером и Хёфлером вышел на организационный уровень, то дело не обошлось установлением фактов политической благонадежности и «расовой сознательности», тем более что противники Хёфлера не раз намекали, что он являлся «иностранцем» (австрийцем).

В письме, которое датировалось 2 июля 1935 года, Рихард Зухенвирт, также австриец по происхождению, пытался дать идеологический портрет Отто Хёфлера. Он характеризовал исследователя не только как члена австрийского отделения НСДАП, но и как активиста СА. Он также указывал, что Хёфлер был главой группы «Венского союза германистов». Эта организация «была известна в Австрии благодаря своим радикальным антисемитским установкам и попыткам противодействия ожиждовлению Венского университета. Члены союза не ограничивались пропагандистской работой, но пытались осуществлять деятельность по защите интересов немецких студентов». Далее Зухенвирт отмечал: «В 1928 году Хёфлер поступил на государственную службу в Швеции (Упсала), а потому не мог более заниматься политической деятельностью в НСДАП. Однако нет никаких поводов для сомнения в его национальном мышлении». Отсылки к попыткам противодействия «ожиждовлению» должны были стать гарантом «расовой сознательности» Отто Хёфлера. Однако Куммер не раз пытался усомниться в этом. Он предполагал, что антисемитизм Хёфлера, который был обязательным качеством для всех членов НСДАП, на самом деле являлся всего лишь попыткой противодействия еврейским студентам и преподавателям, что было вызвано желанием сделать стремительную карьеру, а вовсе не «расовыми чувствами». В любом случае, когда в 1937 году Отто Хёфлер претендовал на получение профессорской кафедры в Мюнхенском университете, он указал в своей автобиографии: «С 1921 года я состоял в Венском академическом союзе германистов, руководство которого требовало для принятия в ряды организации клятвенных заявлений о немецко-арийском происхождении и немецко-национальном образе мышления».

Когда Мандель писал свой доклад, посвященный конфликту между Хёфлером и Куммером, то он подчеркивал, что во время «безмятежных лет приват-доцентства в Вене и Упсале» австрийский исследователь жил в шикарном доме. Поскольку политическая благонадежность Хёфлера была бесспорной, то критику было решено подкрепить жизнью в

привилегированной обстановке. Не обошлось и без обсуждения семейного положения Хёфлера: «Он до настоящего времени не состоит в браке». Поскольку политика Третьего рейха было ориентирована на увеличение рождаемости, то подобное положение вещей можно было воспринять как мягкую форму обвинения. Кроме этого Хёфлеру ставили в вину панибратские отношения со студентами, что дополнялось критикой прочитанных лекций («не слишком четкая структура лекционного материала»). Кроме собственно доклада Манделя имела еще одна не завизированная его версия, в которой говорилось, что Хёфлер «не отрицал своей приверженности католической вере». В связи с этим высказывалось опасение, что «в какой-то момент даст о себе знать южно-немецкое и католическое происхождение Хёфлера». Кроме этого, делались прозрачные намеки, что если даже его работа и не было написана по заказу «политического католицизма», то в любом случае она была весьма положительно встречена в церковных кругах.

Вопрос о конфессиональной принадлежности, а стало быть, и «идеологической устойчивости», был весьма актуальным и для СС, и для сторонников Розенберга. В Главном управлении имперской безопасности хотели быть уверены, что Хёфлер не был причастен к деятельности «противоположной стороны» (католиков), а потому было решено провести расследование. Агентам СД предстояло выяснить, можно ли было классифицировать его принадлежность к католической церкви как «безопасную», или же как «политически небезопасную». 3 апреля 1937 года в РСХА из Гамбурга (обер-абшнитт СД «Северо-запад») пришло письмо, в котором сообщалось, что «все имевшиеся ранее подозрения относительно политической неблагонадежности Отто Хёфлера могут быть сняты». Сотрудниками СД было установлено, что он не поддерживал никаких связей с католиками, а его воззрения не имели «церковно-политического характера». При этом подчеркивалось, что его восприятие нордической Скандинавии во многом противоречило идеям, которые высказывались в ведомстве Розенберга, однако это не являлось поводом, чтобы «считать их в корне неверными».

В случае с Куммером Мандель указывал на то, что тот жил «очень скромно», что, видимо, должно было подчеркнуть его полную противоположность Хёфлеру. Кроме этого указывалось, что Куммер заботился о жене и двоих детях, «был предан движению и смел». Мандель приходил к выводу, что Куммер являл собой тип «коренного нордида, который всегда склонен к скромному поведению». В местных национал-социалистических организациях Куммер характеризовался как надежный и

послушный сторонник партии. Его несдержанность во время полемики с Хёфлером надо было извинить, так как, по мнению Менделя, «Куммер с давних пор вел борьбу за формирование в германистике расово обусловленной картины германского мира».

В то же самое время в докладной записке, которая была подготовлена в недрах «Наследия предков» и была подписана Вальтером Вюстом, говорилось, что с политической точки зрения Куммер был «весьма сомнительным типом». В частности, указывалось, что он 1 июля 1930 года добровольно покинул ряды НСДАП. Кроме этого его обвиняли в подготовке «идеологических диверсий», когда тот пытался навязать свое «частное» мнение национал-социалистическому движению. В документе говорилось: «С 1933 года он пытается протащить в национал-социалистический лагерь свое личное мнение, которое характеризуется сознательным принижением многовековой немецкой истории. Принимая во внимание, что наш фюрер Адольф Гитлер восхищается двумя тысячелетиями германской истории, то по это вопросу не может быть ни примирения, ни компромиссов». Если Куммер в свое время обвинил Хёфлера в том, что пытался представить свое личное мнение как истинную картину германского мира, так и Куммеру некоторое время спустя вменили в вину, что он пытался «принизить германскую историю».

Сразу же надо оговориться, что внутри СС не было единого мнения относительно разногласий между Хёфлером и Куммером. Но перепалка, вынесенная на суд общественности, очень быстро стала надоедать. 5 ноября 1937 года Вальтер Вюст беседовал с Генрихом Гиммлером. В ходе разговора рейхсфюрер СС заявил, что Куммеру надо было указать надлежащим образом на его ошибки. Кроме этого было предписано наложить дисциплинарное взыскание на представителей «дома СС», который имелся при Йенском университете. Именно там были очень сильны симпатии к идеям Куммера. Дело дошло до того, что некоторые из студентов-эсэсовцев в шутку спрашивали друг у друга: «Тебе кто ближе, Куммер или рейхсфюрер СС?»

28 декабря 1937 года из гамбургского подразделения СД в Главное управление имперской безопасности прибыл толстый пакет, в котором содержалась подборка документов, условно называвшаяся «Научный спор между Хёфлером и Куммером по вопросу постижения нордической сущности и нордической религии». Из этих документов следовало, что гамбургские служащие СД были весьма благосклонны к идеям Хёфлера. Однако это не мешало им сообщать, что «Хёфлер и Куммер представляют две позиции в германистике, разработав собственную концепцию

германской жизни, а потому очень сложно найти для них общую основу». Вина же за начало спора, который превратился в конфликт интересов национал-социалистических структур, возлагалась на Куммера. Отдельно приводились сведения о том, что Гиммлер занял сторону Хёфлера и велел наложить взыскание на сторонников идей Куммера из Йенского университета: «Рейхсфюрер СС выразил немалое возмущение по поводу того, что эсэсовские руководители, поощряя подобный “мягкотелый пацифизм”, нанесли удар в спину ему лично и всем СС. Теории Куммера едва ли могут быть вредным для вермахта, который всегда оставался естественным воинским союзом. Однако они могут подорвать позиции СС».

Приложенная к документам пояснительная записка была подписана оберштурмфюрером СС Лёвом цу Штайнфуртом из Килья. Она датировалась 25 ноября 1937 года. В ней приводился анализ позиций «двух фронтов в германоведении». Первая группа, к которой принадлежали Мандель и Куммер, идентифицировалась с Альфредом Розенбергом. Выразителем идей другой группы был Отто Хёфлер, которого поддерживали редактор журнала «Германия», сотрудники «Наследия предков» и персональный штаб рейхсфюрера СС. В записке говорилось, что спор было очень острым, что в итоге привело к взаимной перепалке, а потому обе стороны «в настоящий момент готовят ответные шаги». Лёв цу Штайнфурт признавал исключительную важность преодоления христианства и формирования новой немецкой идентичности, что должно было способствовать складыванию военно-политического союза с «германцами», в первую очередь со скандинавами. По этой причине эсэсовский офицер лично встретился с Отто Хёфлером.

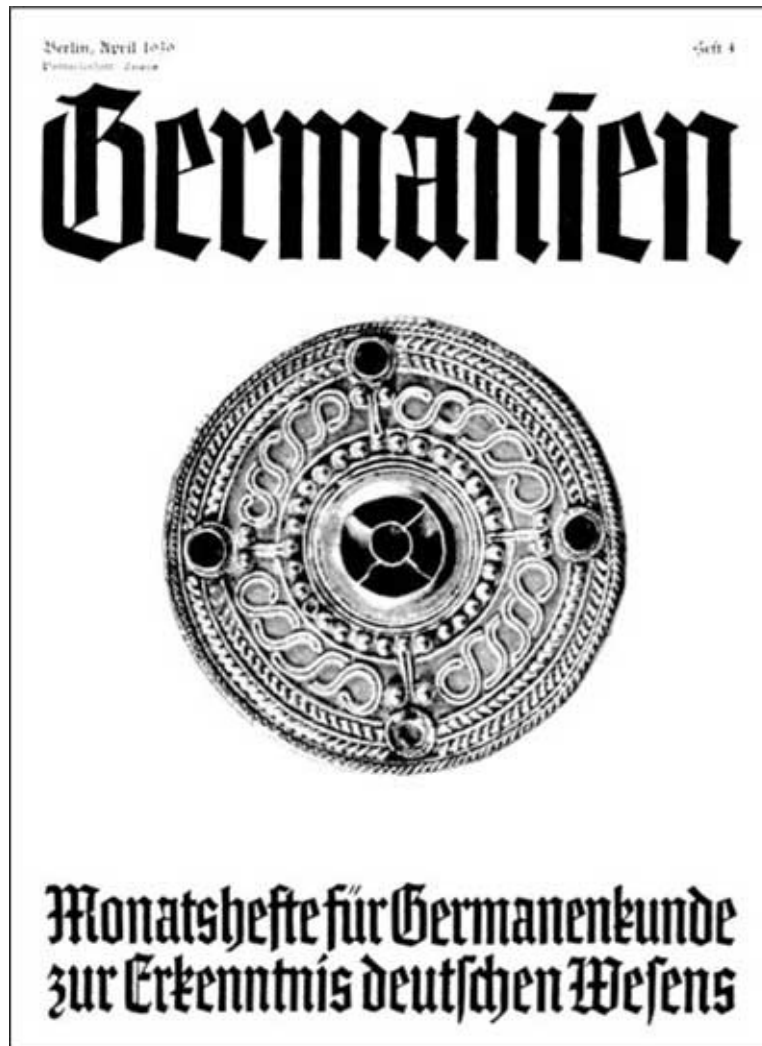
«Научная дискуссия, которая ведется между этими двумя группами, имеет большое внутривнутриполитическое значение (в части преодоления христианства и влияния церквей) и внешнеполитическое значение (в части налаживания сотрудничества и взаимопонимания со скандинавскими и англосаксонскими странами)».

Лёв цу Штайнфурт обсудил с Отто Хёфлером все обвинения, которые были выдвинуты в адрес Куммера. Прежде всего, речь велась о сознательной минимизации сути германцев. Хёфлер подчеркнул, что Куммер до сих пор придерживался своей точки зрения: германцы являлись крестьянским народом, а потому их важнейшими задачами было приумножение рода и достижение высокого уровня жизни, то есть создание уюта. Хёфлер упрекнул Куммера в том, что тот проповедовал исторические идиллии в стиле пасторалей XVIII века. Находясь на позициях

поверхностного рационализма, Куммер не был в состоянии постигнуть суть «изначальной силы германцев». По этой причине можно было говорить о том, что Куммер фальсифицировал германскую историю. Но действительная история «никак не вписывается в эту слащавую цивилизаторскую картинку». Вторым обвинением в адрес Куммера, которое выдвинул Хёфлер, была приверженность рационалистичному мышлению. По этой причине он отказывался от всего, что не был в состоянии объяснить, например, культ мертвых. Но, пожалуй, самым «тяжким проступком» Куммера была его фраза о том, что «стремление германцев к государству, как образованию, выходящему за рамки обособленных родов, и охватывающему народ в целом, было не изначальным, а привитым римлянами». Хёфлер придерживался диаметрально противоположного мнения: германские «мужские союзы» были воинскими формированиями, которые изначально тяготели к созданию государства. Носители этих устремлений почитали умерших и погибших, так как «через непосредственную связь с предками они пытались обрести силу». Однако в трудах Куммера германцы представляли как носители «англосаксонского духа индивидуализма, присущего торговцам». В борьбе против христианства подобные картины и исторические образы могли оказать «медвежью услугу», так как при повальном отрицании всех христианских догм можно было «проиграть войну Ватикану». Этот аргумент должен был стать для Куммера, который сконцентрировался как раз на борьбе с церковью, очень большим «сюрпризом». К слову сказать, доводы Хёфлера до сих пор используются неоязыческими и мистическими группами правого толка. Австрийский исследователь говорил о «германской религиозности»: «Это направление является не чем иным, как христианством, только с противоположным знаком. Таким образом удалось бы преодолеть христианское разделение мира на этот мир и “тот”, потусторонний мир».

Не избежал Хёфлер и «неудобных» вопросов, например о его католических воззрениях. Он пояснил офицеру СД, что уже давно не имел с католической церковью никаких контактов. Он также был убежден, что надо было преодолеть христианство в немецком народе, но не путем отчуждения или его отрицания. Кроме этого, Хёфлеру был задан вопрос, не являются ли католические ордена и масонские ложи «мужскими союзами». Он дал отрицательный ответ, так как «мужские союзы» в отличие от орденов и масонов возникали в народе и служили интересам «народного сообщества». Тот факт, что «мужские союзы» были тайными, объясняется не их «заговорщицкой деятельностью», а давними традициями, когда

вместо письменных документов использовались обычаи и обряды.

Обложка журнала «Германия» за апрель 1939 года

Между тем противники продолжали плести друг против друга очередные интриги. По ходу дела становилось заметно, что Розенберг и его сторонники сдавали свои позиции. Так, например, Куммеру приходилось уже оправдываться. Это касалось фразы из одной его статей, в которой он весьма пренебрежительно упомянул «облаченных в черные одежды». Заявления Куммера о том, что он подразумевал христианское духовенство, а не эсэсовцев, звучали скорее испуганными, нежели убедительными.

Как уже говорилось выше, затянувшая свара двух историков стала утомлять очень многих. По этой причине 31 декабря 1937 года Гиммлер отдал приказ организовать встречу Вюста и Куммера, а затем Куммера и Хёфлера. Однако конфликт, получивший огласку, на тот момент вызвал

определенный общественный резонанс, а потому примирить стороны было не очень просто. Об этом говорило очень многое. Например, 7 марта 1938 года Раймар Шульц из Тюрингского расового управления направил в гамбургское СД письмо. В нем он жаловался на деятельность редактора журнала «Германия» Йозефа Плассмана, который «ранее являлся католиком» и «поддерживал связь с другим католиком – Отто Хёфлером». Они якобы составили заговор. «Прибегая к воистину иезуитским средствам и методам, они ведут борьбу против Бернхардта Куммера, дабы тот не смог получить университетскую кафедру». Кроме этого Шульц предлагал лишить влияния в СД некоего Симсена, ученика Отто Хёфлера, который якобы использовал «каждый удобный повод, чтобы плести интриги против Куммера». В конце своего письма «бдительный партиец» задавался вопросом: «Неужели СД должно пропагандировать культовый экстаз и германских демонов?»

Конец открытому конфликту был все-таки положен в апреле 1938 года. Об этом можно судить по вышедшему тогда номеру журнала «Германия». Во время организованной Гиммлером встречи (4 апреля 1938 года) Куммер заявил Вальтеру Вюсту, что во время дискуссии с редакцией журнала «не в полной мере отдавал себя отчет, что это издание было связано непосредственно с СС». Куммер подчеркнул, что «у общественности сложилось искаженное мнение о моей позиции». И далее: «Я вовсе не намеревался производить впечатление, будто бы нападаю на рейхсфюрера и его СС, кроме этого я ни в коей мере не хотел принижать и оскорблять работу, которая ведется “Наследием предков”». После этого Куммер принес свои извинения, о чем опубликовал уведомление в собственном журнале «Нордический голос». Впрочем, несколько месяцев спустя Хёфлер в очередной раз пожаловался на Кум-мера, который продолжал «скрытным образом» интриговать на страницах своего издания. Подобные обвинения не были лишены основания. Не имея возможности открыто критиковать «Наследие предков» и Хёфлера, Куммер решил использовать искусство полунамёков. Так, например, 24 мая 1938 года он читал доклад в Йенском университете. В нем он заявил: «В германоведении имеются два направления, которые противостоят друг другу: националистическое и романтическое. Надеюсь, что правда все-таки победит».

Конфликт почти полностью затух к 1939 году. 27 августа 1939 года Куммера приняли в партию. Приблизительно в то же самое время Хёфлер, являвшийся сотрудником «Наследия предков», получил профессорскую кафедру в Мюнхенском университете, где работало и преподавало немалое количество людей, связанных с «Аненэробэ». Несмотря на то что Гиммлер

во время скандальной дискуссии явно покровительствовал Хёфлеру, это не значило, что позиции австрийского историка были исключительно крепкими. 4 марта 1939 года Хёфлер через Вольфрама Зиверса решил преподнести в подарок рейхсфюреру СС только что изданную книгу Вильгельма Грёнбега «Культура и религия германцев». Во время встречи с организационным руководителем «Наследия предков» он с немалым удивлением для себя узнал, что Гиммлер привлек для работы в замке Вевельсбург немало людей, которые были близки к Куммеру. 1 февраля 1940 года Йозеф Плассман сделал запись, из которой следовало, что Куммер вновь «перешел в атаку», подыскивая новые аргументы против Водана. Однако далее следовало замечание, что «не имеется никаких причин до конца жизни считать его заклятым врагом». Некоторые реверансы в сторону Хёфлера были сделаны и из лагеря Альфреда Розенберга. 29 марта 1940 года из Культурно-политического архива ведомства Розенберга пришло письмо, в котором говорилось: «Несмотря на высказанное в свое время отрицательное мнение, в настоящей ситуации нет никаких сомнений в том, что Хёфлер является одним из лучших знатоков нордической культуры». В том же самом году Хёфлер избежал призыва в действующую армию, так как он оказался задействованным в «военнозначимом» проекте по использованию германистов (группа 2 – ранняя история германцев). В июле 1941 года Куммер пытался получить университетскую кафедру, однако столкнулся с множеством проблем. Желая помочь ему, 25 июня 1941 года Карл Астель, ректор Йенского университета, направил письмо Генриху Гиммлеру: «В итоге человек, чьи работы имеют научное и мировоззренческое значение и используются для победы над учением Христа, не может найти рабочего места». В 1942 году Куммер все-таки получил в свое распоряжение долгожданную кафедру в Йене. Год спустя он совместно с предводителем «Немецкого религиозного движения» («Немецкого вероисповедания») Якобом Вильгельмом Хауэром был привлечен к «военнозначимому» гуманитарному проекту: они должны были разрабатывать тему «Положение женщины у индогерманцев».

Очень сложно судить, кто вышел победителем из этого конфликта. Как Хёфлер, так и Куммер (с их диаметрально противоположными, почти взаимоисключающими трактовками ведм и колдовства) выстроили научно-идеологические конструкции, каждая из которых могла быть использована для национал-социалистического мировоззрения. Первоначальная победа Куммера была лишь временным явлением, так как этого требовала тактика ведения внутрипартийной борьбы. Однако в итоге «пальма первенства» досталась демоническим «мужским союзам».

Примечательным во всей этой истории является один момент, начавшийся с проблемы восприятия ведьм, – в споре очень быстро про них забыли. «Историческая миссия» женщины, которая в теории Хёфлера является ведьмой и противницей «мужских союзов», в какой-то момент стала мешающим фактором. Ее национальная или расовая принадлежность перестали играть хоть какую-то роль. Кроме этого стало расплывчатым и само понятие расы. Женщина как ведьма и как человек оказалась исключенной из «мужского сообщества». Превозносимая Хёфлером «германская непрерывность» в истории общества, которое развивалось от «мужских союзов» к государству, фактически не отводила женщине никакой роли. Даже в мифических построениях Хёфлера женщины находились где-то на периферии. Типично мужскому обществу должны было быть чужды сексуальные позы и оргиастические черты. В данном случае оценка осуществляется не из принципа применения или неприменения магии и волшебства, а в четком соответствии с половым принципом деления общества. Колдующий Водан интерпретировался как выражение «германской религиозности», а ведьма могла быть только лишь злой демоницей. Во время, когда в Германии полным ходом шла милитаризация и наращивание вооружений, было удивительно, что идея «мужских союзов» сразу же не одержала верх. В известной степени теория Хёфлера была односторонней. Он почему-то не учитывал, что женщины нуждались в государстве в не меньшей степени, чем мужчины.

Глава 12. Единовластие «Зондеркоманды Х»

Но вернемся обратно к изучению «колдовского вопроса» эсэсовскими структурами. После того как состоялось вынужденное примирение «Аненэrbэ» и Бернхардта Куммера, произошли некоторые события. 13 июня 1938 года организационный руководитель «Наследия предков» Вольфрам Зиверс получил из персонального штаба рейхсфюрера СС письмо, в котором содержался следующий текст. «Рейхсфюрер СС просит направить переданные в свое время “Наследию предков” гауамтсляйтером Штайнеке (Лемго) оригиналы документов процессов по делам ведьм, а также приложить к ним осуществленную расшифровку текста. Он также просит довести до сведения, что “Наследие предков” далее не должно заниматься процессами над ведьмами, так как это задание относится к исключительной компетенции СД».

Вальтер Штайнеке

В ситуации, когда Генрих Гиммлер подтвердил «исключительные» полномочия «Зондеркоманды Х», оградив ее от необходимости конкурировать с «Наследием предков», сотрудники «проекта Х» подготовили обширный проект программы запланированных исследований. Руководство «проекта Х» словно старалось доказать рейхсфюреру СС, что он принял правильное решение, а потому пытались продемонстрировать правомочность своих притязаний на монополию в деле изучения «колдовских процессов» и сюжетов с ними связанных. Как и стоило предполагать, в центре предстоящих исследований, которые намечалось осуществить в рамках «проекта Х», находилась расовая интерпретация преследования ведьм и изучение негативных последствий, оказанных на немецкий народ ведьмостеречением. Намечалось, что сотрудники «Зондеркоманды Х» напишут «собственную» историю «колдовских процессов». Публикация этого труда должна была стать «новым словом в науке». В данном случае речь шла не только о сожжениях ведьм, но и об изучении образа германской женщины, который во многих случаях воплотился в казненных колдуньях. В обосновании этого плана говорилось:

«1. Зондеркоманда Х при рейхсфюрере СС уже обработала все дела, касающиеся процессов над ведьмами, которые находились в городском архиве Лемго. По этой причине изъятие документов из архива является излишним.

2. Работа в рамках особого проекта Х при рейхсфюрере СС направлена на изучение следующих проблем: исследование расово-исторических и историко-демографических последствий процессов над ведьмами; экономические последствия преследования ведьм; оценка женщин в колдовских процессах; обзор ранее изданных печатных материалов по проблеме процессов над ведьмами».

В архивах сохранились отдельные из версий исследовательских программ, которые были подписаны Рудольфом Левиным. Их предполагалось реализовать после 1938 года. В этой связи необходимо упомянуть письмо, которое Левин получил 14 марта 1940 года. На письме не было подписи, но это не имеет значения, так как в первую очередь представляет интерес его содержание. Судя по всему, это был ответ на запрос Рудольфа Левина, который просил составить библиографию по проблеме инквизиции и преследования ведьм. В указанном документе в качестве «абсолютно исторически надежных авторов» указывались Хансен и Зольдан. Кроме этого говорилось, что не имелось никаких специализированных исследований, посвященных «негативным

демографическим последствиям преследования ведьм». Можно предположить, что составлением библиографии занимался убежденный национал-социалист, так как в письме имелись такие строки: «О мировоззренческом восприятии проблемы в подобающем нам духе не может быть и речи, так как в изданной ранее литературе полностью отсутствовали историко-демографические изыскания как таковые».

16 сентября 1941 года был составлен очередной документ, в котором было изложено три предложения, касающиеся перспектив дальнейшей работы «Зондеркоманды Х». Все эти намерения были ориентированы на формирование исторического образа, который мог использоваться для политической пропаганды. Что же это были за предложения? Первое касалось «переделки» труда Зольдана. Книга известного исследователя должна была быть переработана в духе расовых теорий, которые культивировались в СС. В частности, писалось: «Произведение должно быть переделано, чтобы оно отвечало новому пониманию духовной истории. В первую очередь должны быть добавлены значительные части, касающиеся этнографических и доисторических проблем, связанных с ведьмоманией». Во-вторых, планировалось заново перевести на немецкий язык «Молот ведьм» (*Malleus Malleficarum*), который намечалось снабдить идеологическими комментариями. В-третьих, должно было быть издано собрание всех важных дел по «колдовским процессам». Данную книгу предполагалось рекомендовать «для использования на исторических семинарах в университетах». При изучении этого эсэсовского документа никак нельзя избавиться от ощущения, что сотрудники «особого проекта Х» собирались по меньшей мере сформировать «новую науку», которую планировалось преподавать в немецких высших школах. Только так можно объяснить намерение «переработать» издававшиеся ранее фундаментальные труды.

После того как в 1941 году Главное управление имперской безопасности было реорганизовано, Рудольф Левин должен был представлять все свои отчеты в реферат (отдел) VIIC3, которому с января 1942 года формально подчинялась «Зондеркоманда Х». Из сохранившихся документов следовало, что на апрель 1942 года было запланировано специальное совещание «Зондеркоманды Х», в котором должен был принять участие историк Гюнтер Франц, который с 1941 года являлся сотрудником РСХА. Желая доказать политическую значимость «проекта Х», Рудольф Левин расширил программу деятельности. Он объяснял будущие задания «Зондеркоманды Х» следующим образом: «Планирование, руководство и осуществление всех исследований в 7-м

управлении. Сфера деятельности простирается за границы заданий, которые были вменены рейхсфюрером СС в обязанность особому проекту Х. При отдельных изысканиях необходимо исходить из интересов службы безопасности (СД) и полиции безопасности (СП). Необходимые исторические исследования также должны осуществляться с точки зрения политических требований сегодняшнего дня». Это заявление полностью подтверждает мысль о том, что «Зондеркоманда Х» была полностью подчинена политике СД, которую эсэсовская служба безопасности осуществляла в исторической сфере. Кроме этого, подобного рода документы можно оценивать как попытку поднять престиж «особого проекта Х» и оправдать его существование в годы войны (с подобными проблемами столкнулись и в «Наследии предков»). В целом же для реферата VIIСЗ была предусмотрена деятельность, предполагавшая научные изыскания в трех направлениях:

- изучение народа и его сущности;
- изучение противника, то есть исследование отдельных групп идеологических врагов;
- изучение пространства, то есть исследование идей, связанных с пространством.

Изучение «колдовских процессов» входило в сектор, который занимался «изучением народа и его сущности»: «Для исследований в сфере германской материи и иноземных наслоений выделено три группы. Первая группа занимается особым проектом Х. Вторая группа – христианскими наслоениями. Третья группа – западными наслоениями». В сложившейся в годы войны ситуации сотрудники «Зондеркоманды Х» были весьма обеспокоены тем, чтобы своевременно расширить сферу своей деятельности. В предложениях, которые были подготовлены Рудольфом Левиным, это расширение должно было базироваться на продолжении изучения тем, как-либо связанных с преследованием ведьм, равно как и с трактовкой фигур ведьм в целом. В данном случае исследовательская экспансия должна была осуществляться за счет включения в сферу «проекта Х» «христианских наслоений» (Шмидт) и «западных наслоений» (Райссман). Использование термина «наслоение», который был по своей природе не историческим, а геологическим, весьма удачно характеризует цели, которые преследовала «Зондеркоманда Х» в годы войны. Обычно под наслоением подразумевались процессы, когда извергавшаяся лава застывала на изначальной горной породе. Если убрать наслоения лавы, то можно было обнаружить горную породу в ее нетронутom виде. В случае с «проектом Х» под наслоением подразумевалось «инородное влияние»,

устранение следов которого могло позволить проникнуть в глубь пластов германской культуры. То есть подразумевались попытки выявить «изначальное германство», что могло быть понято как очередная попытка открытия «истинной немецкой религиозности».

Пытки инквизиции

Сотрудниками «Зондеркоманды Х» было запланировано опубликовать целую серию научных и исследовательских работ. Этот список «проекта Х» выглядит весьма внушительным. Сразу же надо оговориться, что часть упомянутых в нем работ была запланирована еще в 1937 году. Приведем этот список полностью.

«Р. Левин. Процессы над ведьмами с народно-исторической точки зрения.

Доктор Меркель. Печатные материалы о процессах над ведьмами.

Шмидт. Экономические последствия преследования ведьм.

Фон Шренк. Использование пыток во время процессов над ведьмами.

Левин/ Рихтер. Список источников и библиография истории

ведьмомании и истории ведовства.

Левин (совместно с другими сотрудниками). Введение в историю процессов над ведьмами, совершенных на территории Германии.

Райссман. Поземельная книга ведьм».

В качестве долгосрочных проектов в план были включены:

«Ведьмомания в доисторическом рассмотрении» (под редакцией доктора Вильгельма Янтра);

«Заблуждения о ведьмах с народоведческой точки зрения» (под редакцией Эрнста Меркеля);

«Юридические аспекты процессов над ведьмами»;

«Молот ведьм» в свете исторической критики (новый немецкий перевод);

Переработка основных произведений Вильгельма Зольдана и Генриха Хеппе, посвященных процессам над ведьмами. Обработка материала осуществляется сотрудниками особого проекта X под общей редакцией Райссмана.

Публикация текстов источников, относящихся к процессам над ведьмами, под редакцией Левина.

Опираясь только на заголовки, приведенные в этом документе, можно убедиться в том, что сотрудники «проекта X» действительно намеревались заново переписать историю преследования ведьм. При этом уже планировалось, что будет делать «Зондеркоманда X», когда будут осуществлены все проекты, изложенные в приведенном выше списке. «При условии публикации итогов исследований после окончания основных работ особого проекта X как постоянного вспомогательного сектора в рамках реферата (отдела) VIICЗ предполагается, что различные ученые и краеведы будут обращаться к авторам упомянутых выше работ. Чтобы достигнуть единообразного управления этой перепиской, планируется создать при реферате VIICЗ вспомогательный сектор, который продолжит работы по ведовским исследованиям». Эта идея фактически означала, что в будущем эсэсовское руководство планировало создать в РСХА что-то вроде стратегического центра, который должен был управлять распространением сведений о ведьмах, подвергая их предварительной цензуре и проверке.

Как уже говорилось выше, второй большой темой, изучением которой должны были заняться сотрудники «проекта X», являлись «христианские наслоения». В самой формулировке чувствовалась антихристианская нацеленность данного проекта, что было вполне логичным, если принимать первоначальные задачи, поставленные перед «Зондеркомандой X». В данном случае планировалось изучить влияние христианства на

германскую культуру. Исходя из «виновности церкви» в преследовании ведьм, предполагалось «выявить» негативное влияние христианства на германцев в целом. В планах не значилось, что эсэсовские специалисты должны были ограничиваться исключительно Средневековьем. Примеры якобы враждебного отношения христианства по отношению к германцам должны были выявляться вплоть до современности. Политическая значимость изучения «христианских наслоений» обосновывалась следующим образом: «После окончания работ в рамках особого проекта X предполагается детально изучить христианские наслоения, которые имеются на теле германской веры немецкого народа. Эта сфера изысканий выходит далеко за рамки колдовской тематики. Однако после 1933 года, в особенности во время мировой войны, подобным исследованиям придется большое значение. Для руководства этим вспомогательным сектором предлагается референт, хауптштурмфюрер СС Шмидт.

Для изучения предлагаются темы:

- еврейская идея Мессии в христианском воплощении и ее напластования на германскую идею о вожде;
- влияние христианства на немецких солдат в годы мировой войны (воззвания, проповеди и т. д.);
- христианские наслоения на национал-социалистической идее;
- христианское преобразование коллективной политической жизни в германском пространстве;
- борьба христианства против германских обычаев;
- ущемление германского мировосприятия христианской системой мира».

Как видим, целью этого вспомогательного сектора являлось намерение «подтвердить» неприкрытую враждебность церкви по отношению ко всему немецкому. Подобные установки были весьма типичными для национал-социалистического государства, в котором «решительный бой» христианству намеревались дать не только в эсэсовских структурах. Изучение «западных наслоений» являлось логическим продолжением исследования «отрицательного инородного влияния», которое якобы некогда оказывалось на немецкую культуру. Опять же эта тема являлась производной от «колдовской тематики».

На рабочем совещании, которое состоялось 15 апреля 1942 года, Рудольф Левин объяснял Гюнтеру Францу, что руководителей новых исследовательских проектов надо было набирать исключительно из числа сотрудников «Зондеркоманды X». В протоколе этого совещания говорилось: «На основании имеющихся материалов отдела X

хауптштурмфюрер СС Левин в деталях рассказал профессору Францу о методах работы. Тот нашел, что особый проект X реализовывался с научной точки зрения безупречно, а абсолютно точная обработка источников является хорошим подспорьем на будущее». Во время совещания Левин обсуждал с Францем проблемы, связанные с публикацией статей в научных журналах, что было вызвано не столько нежеланием редакций журналов публиковать результаты изысканий сотрудников «проекта X», сколько с жестким нормированием бумаги. Это была одна из вынужденных мер, принятых в рейхе в годы Второй мировой войны. И Левин, и Франц были едины во мнении, что, несмотря на имевшиеся проблемы, исследования не должны были останавливаться ни на миг. В данном случае проблемы с публикациями было постановлено решить в характерной для Третьего рейха манере того времени. «Обязать к публикации после окончательной победы в войне».

Кроме этого, академические сотрудники РСХА обсудили одну щекотливую проблему. Многие из сотрудников полагали, что их работа не имела значения во время войны. Это было угрожающей тенденцией. О появлении подобных настроений свидетельствовала также переписка, которую вели между собой Меркель и Левин. В письме, датированном 24 апреля 1942 года, Эрнст Меркель писал Рудольфу Левину: «Из твоего письма, в котором ты описывал свою поездку, следует, что мы недооцениваем наше положение. Но я – солдат, и привык к подобному образу действий. Если получаю отпуск, то еду к семье, а не к вам^[9]. Это прописная истина для даже самого простого человека. По этой причине не могу скрыть своего удивления, что ты ни одной строкой не обмолвился об этом. Каждый солдат с радостью ожидает, что к нему придет письмо, в котором его поддержат. Если ты когда-нибудь станешь солдатом, даже не являясь таковым, то ты вспомнишь мои слова... Я не знаю, в чьих руках моя судьба. Я уверен лишь в одном – я должен вернуться. Но я буду уже другим, так как школа жизни, которую проходят в армии, сильно меняет человека. Не знаю, суждено ли нам свидеться. Я знаю лишь то, что если вернусь назад, то больше никогда не буду заниматься такими отвлеченными проблемами, как ведьмы».

Это письмо было, по сути, заявлением об отставке – Меркель намеревался покинуть «Зондеркоманду X», поскольку не видел смысла в «особом проекте X». Он вообще сомневался в необходимости дальнейшего существования «Зондеркоманды X». Неделью спустя Рудольф Левин сообщил в ответном письме: «Я дал прочить твое письмо одному из наших товарищей. Он был настолько невежлив и нагл, что решил более не считать

тебя другом... Теперь к чисто служебным делам. Я могу сообщить, что не только я, но и все наши приятели полагают – ты ошибаешься. Мы никогда не осуждали тебя. Мы даже могли тебе простить некоторые недочеты в твоих научных работах... Ты был всегда таким нервным, к тому же ты страдал от какой-то эндокринной болезни... Так же нервно ты вел себя, когда надо было напечатать твою диссертацию. Ты точно знал, что имелся приказ рейхсфюрера СС держать твою работу в секрете, но тем не менее ты решился обнародовать свою диссертацию. Нам удалось предотвратить это в самый последний момент. Если бы твоя работа была напечатана, то тебя бы ожидало очень жесткое взыскание... Ты пишешь, что “если вернусь назад, то больше никогда не буду заниматься таким отвлеченными проблемами, как ведьмы”. Мне кажется, ты вообще не понимал смысла нашей работы, если обозначаешь наши исследования как отвлеченные. Направляю к тебе официальный запрос относительно того, намерен ли ты далее сотрудничать с нами, хочешь ли вернуть выданные тебе документы и результаты исследований. Если нет, то я направляю рапорт нашему шефу и начальнику полиции безопасности».

При помощи угроз, перечисления допущенных ошибок, слабостей Эрнста Меркеля, а также указанием на общественное порицание, Рудольф Левин пытался сделать все возможное, чтобы его подчиненный не покинул «особый проект X». Левин не намеревался вести какую-то частную переписку. Он предлагал Меркелю простой выбор: либо рапорт в полицию безопасности, после чего наверняка последовал бы арест, либо Меркель продолжал работу, а его во всех характеристиках отмечали как «верного и сознательного национал-социалиста, который решил себя посвятить науке из политических побуждений».

Осознав, что написал в письме одному из руководителей «проекта X» «лишнее», в первых числах мая Меркель направляет Левину ответ. В нем говорилось: «Не было никакой необходимости прибегать к угрозам. Я сожалею, что ты неправильно понял моё письмо... Я писал его вовсе не для того, чтобы отказаться работать в проекте X. Я хочу продолжать выполнять поручения, при условии, что моя деятельность будет рассматриваться как приемлемая и пригодная для вас. Однако я не могу отказаться от своего мнения по поводу некоторых проблем. Мне казалось, что некоторые из вещей, которыми мы занимались, были совершенно умозрительными». Несмотря на извинительный тон письма, из него однозначно следовало, что Меркель противопоставлял себя «Зондеркоманде X». Для него имелись «я» и «вы», то есть, формально оставшись в «проекте X», он фактически покинул его. В любом случае это было симптомом того, что

«Зондеркоманде Х» надо было снова проверить, насколько востребованными были ее исследовательские проекты и изыскания.

Три ведьмы. Средневековый рисунок

29 июня 1942 года Рудольф Левин направил Францу Зиксу последний проект плана предстоящей деятельности его исследовательской группы. Вначале он описывал изобилие обрабатываемых архивных дел, а также сообщал о «неуклонно увеличивающемся количестве научных заданий», с которыми он не мог справиться силами всего лишь нескольких сотрудников. Левин вновь указывал на политическую значимость предстоящих изысканий, однако в данном случае он уже не указывал конкретного срока их исполнения. Например, на уже давно заявленную «Поземельную книгу ведъм», которая замышлялась как «важное историко-

генеалогическое произведение», по мнению Левина, требовалось «значительное время». Кроме этого, руководитель «Зондеркоманды Х» описывал своему шефу и другие сферы деятельности. Например, он сообщал о книжном собрании (приблизительно полторы тысячи томов и несколько сотен единиц справочных изданий). Пополнение этой библиотеки происходило, как правило, двумя способами. Иногда книги закупались в антикварных и букинистических лавках. Также они поступали в распоряжении «Зондеркоманды Х» из конфискованных книжных собраний. Левина и его сотрудников в первую очередь интересовали библиотеки масонских лож. Нельзя сказать, что книжное собрание «проекта Х» было сугубо научной библиотекой – в ней числилась и беллетристика, и даже развлекательная литература. Больше всего внимания Левин уделял «трудоемкой работе в архивах», поиску необходимой литературы и оценке собранных сведений. При этом он детально описывал картотеку, которая была создана при «проекте Х». Сознательное использование Рудольфом Левиным специальных терминов и понятий должно было произвести впечатление, будто бы речь шла о профессиональной научной работе.

В той части своего письма-отчета, в которой сообщалось о достигнутых научных результатах, еще раз выдвигался тезис, который был положен в основу «проекта Х» при его создании, – «ведьмomanия является отличительной чертой христианского мировосприятия». Чтобы избежать излишнего сгущения красок, Левин писал о том, что чем глубже исследовалась проблема, тем больше находилось доказательств, «нежелательных для христианства». При этом Левин высказывал мысль о том, что «проект Х» окончательно доказал, что от преследования ведьм больше всего пострадали германские земли, так как «старые формы германской религиозности продолжали бытовать здесь еще очень долго, что потребовало от церкви самых жестоких мер». В итоге делался вывод о том, что «германская культура была окончательно сломлена только после начала гонений на ведьм». Подобный подход должен был продемонстрировать, что истинной причиной уничтожения ведьм «были неразрешимые противоречия, которые существовали между германским религиозным сознанием и христианской догматикой». После этого Левин сообщал, что главная проблема заключалась в том, что «немецкая наука до сих пор не осмелилась заняться изучением германского религиозного сознания». Это высказывание говорит о том, что даже в годы Второй мировой войны проблема «немецкой религиозности» считалась в СС очень важной.

В приложении к своему отчету Левин приводил список запланированных для публикации работ. Он был очень длинным, но едва ли принципиально отличался от списка, который был приведен в начале этой главы. Единственным отличием было то, что Левин уже не стеснялся высказывать критику в адрес уже законченных работ и статей. По его мнению, они были настолько слабыми, что их можно было посчитать неудовлетворительными. Более снисходительно он оценивал пропагандистскую деятельность, которая осуществлялась в рамках «проекта Х». Например, Левин сообщал Зиксу, что кроме запланированного появления в местной прессе рейха статей о ведьмах было задумано еще несколько мероприятий. Это должен был быть выпуск небольших брошюр, каждая из которых должна была быть посвящена конкретному процессу над ведьмами. Эти хорошо иллюстрированные брошюры предназначались для широких масс. Для более взыскательной публики были задуманы «серьезные статьи», которые для респектабельных журналов писали сотрудники «Зондеркоманды Х». Упоминалась также работа над «колдовским фильмом», которая, к великому сожалению Левина, прекратилась, так как создателя этой киноленты призвали в действующую армию. О том, что съемки киноленты предполагалось продолжить, Левин не говорил ни слова. При описании ее сюжета он ограничивался замечаниями, что в фильме не должно было быть показано «слишком много сцен пыток, так как они могли удручающе подействовать на публику». Кроме этого, в заслуги «Зондеркоманды Х» записывались доклады и чтение «колдовских романов» на германском радио. Большие надежды Левин возлагал на предстоящее чтение специализированных докладов в немецких университетах и научных обществах. Кроме этого, Левин предлагал включить изучение наработок «Зондеркоманды Х» в курс обязательной мировоззренческой подготовки, которую проходили в СС и в НСДАП. Первым практическим шагом по осуществлению этой задумки предлагалось сделать «круглый стол», на котором бы представители «Зондеркоманды Х» вручили бы журналистам и руководителям учебных курсов специально подготовленные материалы.

Из этого отчета видно, что к лету 1942 года сотрудники «Зондеркоманды Х» сосредоточились не столько на научных исследованиях, сколько на пропагандистской работе. То есть налицо имелись явные признаки осуществления тенденциозного проекта, когда бы «Зондеркоманда Х» стала центром, распространяющим «новые знания» о ведьмах по всему рейху. Несмотря на то что были изложены вполне конкретные планы, которые должны были укрепить позиции

«Зондеркоманды Х», сведения об их дальнейшей реализации были несколько размытыми.

В течение 1942 года происходило несколько заседаний, на которых обсуждались перспективы «проекта Х». На них вновь говорилось о книжном собрании, об обработке архивных материалов, о «Поземельной книге ведьм». Но, кажется, дальше обсуждений дело не пошло. Несколько отличались от прошлых мероприятий два совещания, которые состоялись 16 и 20 октября 1942 года. На первом из них было озвучено пожелание Генрих Гиммлера создать серию кинофильмов, четыре из которых должны были иметь отношение к колдовской тематике. Это должны были быть игровые ленты, посвященные конкретным судебным процессам, происходившим как в католических, так и протестантских землях Германии. На втором совещании эта идея была дополнена очередным пожеланием рейхсфюрера СС – снять один учебный и один научно-популярный фильм, которые бы в доступной форме описывали причины возникновения ведьмomanии.

После 1942 года сведений о деятельности «Зондеркоманды Х» фактически не сохранилось. В то время Рудольф Левин возглавил в 7-м управлении РСХА реферат (отдел) «Гуманитарные методики изучения противника». Уже в качестве начальника отдела он написал предназначенную только для служебного пользования брошюру «Основные проблемы изучения неприятеля». В основу предложенной Левиным методики были положены способы работы, присущие «Зондеркоманде Х». При этом он определял гуманитарные науки как политические, которые в первую очередь должны были служить усилению национальной уверенности. По его мнению, «ранее эта функция гуманитарных наук отрицалась академическими и демократическими элементами». Непосредственное же задание гуманитариев состояло в том, чтобы обосновывать без применения биологических понятий и принципов «расовое учение». Словно вторя Генриху Гиммлеру, Рудольф Левин воспринимал историю исключительно как непрерывную борьбу против враждебно настроенных к германцам сил. При этом подчеркивалось, что использование гуманитарных наук для борьбы с неприятелем позволяет лучше понять суть своего собственного народа. Однако неведение о сути противника могло быть приравнено к предательству своего народа, так как нельзя заниматься изучением исключительно собственной национальной сущности, не зная при этом, каким опасностям она подвергалась со стороны «инородных элементов». Исследование противника в рамках «особого проекта Х» представало как изучение «наслоений» (христианских

и западных). Впрочем, если эсэсовские исследователи воспринимали в качестве противников всех тех, кто был якобы враждебно настроен к германцам, то Левин дал предельно точное определение для противников – ими были все, кто выступал против национал-социалистического режима. В данном случае национал-социализм провозглашался олицетворением истинного германца, а потому противником могла быть некая раса, движение или нация. Левин заявлял: «Понятие противника является политическим. Однако мы должны дать ему научное обоснование».

В своей брошюре Рудольф Левин выделяя три типа не приятелей: расового, национального и политически-мировоззренческого. В отношении последних Левин допускал употребление понятия «враг». По большому счету эта классификация антагонистов соответствовала структуре Главного управления имперской безопасности. Если же говорить об «особом проекте Х», то его сотрудники занимались прежде всего третьим типом противников, к числу которых принадлежали все движения, которые в основе своей были наднациональными: христианские конфессии (церкви и секты), либеральные движения (масоны), коммунистические движения (марксизм и большевизм). Подобное деление весьма напоминает интерпретацию «колдовских процессов», которая была предложена в одной из своих речей Гиммлером. Напомним рейхсфюрер СС предположил, что преследование ведьм осуществлялось при негласном сотрудничестве трех групп – евреев, христиан и «большевиков». В своих выводах относительно церкви, которую Левин считал одним из самых главных недругов, он призывал отделять арийские элементы христианства от еврейских. Левин предполагал, что в перспективе надо было провести специальную проверку на предмет того, насколько смогло германизироваться христианство, то есть какие из его составных частей могли быть полезными для «нового сообщества» и являются отражением «германской религиозности». Он высказывал мысль, что надо было изучать не только борьбу церкви против «германских религиозных форм», но также попытаться определить, в какой степени германские традиции оказались интегрированными в церковную жизнь.

Гюнтер Франц, который хотя и являлся академическим сотрудником РСХА, но все-таки не занимался непосредственными изучением «колдовских процессов», тоже сделал доклад, называвшийся «История и раса. Замечания о германской истории времени борьбы религий». Этот материал был опубликован в 1943 году. В нем Франц обращался к нескольким моментам, которые могли быть применимы к комплексу тем, связанных с преследованием ведьм. Франц сразу же исходил из того, что

было очень сложно определить расовую принадлежность казненных ведьм, а потому он предлагал решение, которое в чем-то напоминало выводы, некогда сделанные Рудольфом Левиным. «Нельзя строить никакое расово обусловленное историческое исследование, опираясь только на внешний вид. В качестве важнейших характеристик должен выступать также психическая комплекция». Гюнтер Франц считал, что необходимо было воспринимать с расовой точки зрения все важнейшие исторические события. Дескать, только так можно было постичь их истинное значение. Несмотря на то что преследование ведьм имело место как в католических, так и в протестантских землях Германии, Гюнтер Франц предпочитал рассуждать исключительно о католиках. Он полагал, что не стоило переоценивать биологические последствия «колдовских процессов». «Эти негативные последствия могли бы иметься, если бы преследования коснулись всех слоев народа и представителей всех возрастных групп. Однако в большинстве своем казненные ведьмы были пожилыми женщинами, которые уже смогли реализовать свою биологическую функцию в браке». Подобного рода выводы полностью противоречили установкам Генриха Гиммлера, который говорил о «сожженных матерях народа», «планомерном разрушении семьи». Впрочем, нельзя исключать, что когда Франц говорил о возрасте ведьм, то он пребывал во власти стереотипов, созданных еще братьями Гримм. Они предпочитали изображать ведьм в виде старушек. Не менее смелыми были выводы Гюнтера Франца и относительно расовой принадлежности казненных ведьм. Он не решался выносить какие-то однозначные суждения: «Даже если наличия рыжих волос могло хватить, чтобы быть обвиненной в колдовстве, то это вовсе не значит, что казни приводили к планомерному уничтожению нордической крови. Поводом для преследования могли являться также исключительная красота или редкостное уродство. Были целые местности, где процветала вера в ведьм. Действительно, здесь дольше всего сохранялась “старая вера”. Однако с расовой точки зрения эти ландшафты могут быть не совсем германскими. Ответы на эти вопросы могло дать специально предпринятое исследование».

Несмотря на множество оговорок, которые ставили под сомнение множество идей, которых придерживались сотрудники «Зондеркоманды Х», Гюнтер Франц все-таки не намеревался недооценивать политическое значение «колдовских процессов». Он видел в них события, которые весьма негативно повлияли на «психику и нравственность немецкого народа». Франц рассуждал: «Преследование ведьм разваливало сплоченные роды, разрушало естественные общины, уничтожало нравственные чувства. Оно

привело к болезни народного организма. Последствия этой болезни были ощутимы еще очень долгое время». Некоторые из немецких исследователей обратили внимание на то, что статья Гюнтера Франца весьма напоминала учебный материал, который предназначался для кандидатов в офицеры (№ 15. «Тридцатилетняя война – катастрофа в немецкой истории»). В нем, в частности, говорилось: «Нельзя счесть жертв, которые мы понесли на протяжении этих десятилетий, наполненных невыносимыми мучениями и страданиями. Эти сожженные на кострах люди были принесены в жертву Богу. Преследование коснулось мужчин и женщин всех слоев и всех возрастов. Были пролиты бескрайние потоки бесценной нордической крови. Так как поводом для подозрения могли являться просто рыжие волосы, то можно говорить о том, что эти гонения коснулись в первую очередь германского наследия. Церковь же извлекла из этого двойную пользу. Она не только уничтожала своих противников, но и отбирала их имущество. Некоторые из состоятельных людей были направлены на костер только потому, что церковь хотела наложить руку на их имущество». Сходство двух текстов не вызывает никакого сомнения. Однако они разнятся в оценках событий. Если учебный вариант построен на штампах расовой пропаганды, то статья Гюнтера Франца опровергает их. Не исключено, что она могла быть просто-напросто заочным ответом.

Когда в 1947 году Гюнтер Франц был вызван свидетелем на процесс по делу Франца Альфреда Зикса, то он вскользь упомянул деятельность «Зондеркоманды Х», а также похвалил диссертацию Рудольфа Левина, которую несколькими годами ранее он подверг жесткой критике. На процессе он заявил: «Это была как раз последняя работа, которая в качестве докторской диссертации была рассмотрена в Мюнхенском университете. Она, эта диссертация, наглядно показывает уровень работы этого учреждения [“Зондеркоманды Х” – А. В.]. У автора этой научной работы, доктора Рудольфа Левина, имелись в распоряжении фотокопии документов и выписки из всех печатных изданий, посвященных проблеме процессов над ведьмами. Можно говорить, что работа шла с невиданным размахом».

Уже в 80-е годы пожилой Гюнтер Франц делал доклад, в котором рассказывал о национал-социалистическом восприятии истории. Он в том числе упомянул интерес Генриха Гиммлера к ведьмам и «колдовским процессам». Франц заявил: «Его мало интересовала новейшая история. Он требовал еретиков и ведьм, так как полагал, что мог найти там живое германское наследие». При этом Франц оспаривал, что расовые теории имели хоть сколько-нибудь заметное влияние на преподавание истории в

Третьем рейхе. Кроме этого, он отвергал, что когда-либо придерживался подобных взглядов. Поскольку Гюнтер Франц никогда не занимался изучением процессов над ведьмами, то сложно говорить о том, насколько он мог воспринять расовые установки Гимmlера по данному вопросу. Однако имеется достаточное количество текстов по другим проблемам – о германском боевом крестьянстве, о народных судах и т. д., – в которых он вполне спокойно использовал понятия из расового глоссария. Например, он воспевал «воинственное опьянение членов тайных мужских союзов», считая их некой разновидностью «германских берсеркеров». В этом он был схож с Отто Хёфлером, который был принципиально не согласен с главным постулатом «Зондеркоманды Х», что вера в ведьм не могла иметь германского происхождения.

История «Зондеркоманды Х» закончилась столь же стремительно, как и началась. В сентябре 1942 года курировавший ее деятельность Франц Зикс был переведен из 7-го управления РСХА. После этого о «проекте Х» не имелось сколько-нибудь заметных упоминаний. Когда в 1943 году состоялось очередное заседание 7-го управления РСХА, то на нем говорили уже не о ведьмах и католиках, а исключительно о масонах и других «противниках». Скорее всего, официально «проект Х» был закрыт 19 января 1944 года, что было вызвано тяжелым (для Германии) положением на фронтах. Последний раз «Зондеркоманда Х» упоминалась в документах 15 января 1944 года. В них говорилось о том, что в Лемго состоялась встреча с Карлом Майером, на которой он заявил, что был намерен после окончания войны опубликовать книгу, посвященную «этой мрачной странице истории».

Вместо послесловия. Послевоенный «ренессанс»

До настоящего дня представления о ведьмах продолжают играть ключевую роль в группировках, где предпринимаются попытки изучения и оживления дохристианских традиций. Как и в случае с фёлькише движением, едва можно говорить, что сейчас в Германии имеется какое-то унифицированное объединение, которое нацелено на прославление ведьм. По большому счету процесс изучения «ведовской проблемы» никогда не прекращался. Будучи начатым на рубеже веков фёлькише активистами, он был продолжен по политическим соображениям в годы национал-социалистической диктатуры, а после войны подхвачен правыми и национальными группировками. Еще в 1945 году казалось, что последователи «германской религиозности», равно как и представленные ими позиции, были полностью дискредитированы, а потому любая пропаганда «истинной национальной религии» была исключена на продолжительное время.

Сразу же после поражения Германии во Второй мировой войне многие из тех, кто принимал участие в деятельности «Немецкого религиозного движения» («Немецкого вероисповедания») Якоба Вильгельма Хауэра, ведомства Розенберга или «Наследия предков», были интернированы союзниками. Поскольку часть деятелей занимались исключительно проблемой формирования «немецкой религиозности», то они полагали, что ни в коей мере не должны были подвергаться денацификации. Часть из них, как, например, эксперт по вопросам борьбы религий в ведомстве Розенберга Матиас Циглер, предпочли отречься от своих прошлых убеждений, после чего присоединились к евангелической церкви. Однако большинство сторонников пропагандируемой в Третьем рейхе «германской религиозности» не хотели идти таким путем. Еще находясь в лагерях для интернированных лиц, они начали обзаводиться новыми знакомствами и пытались возобновить старые связи, положив тем самым начало «новому» правому радикализму.

50-е годы в Германии были ознаменованы возникновением первых организаций, которые придерживались дохристианских традиций. За десятилетие они смогли развиваться и прочно вписаться в немецкий религиозный ландшафт. Часть из них ориентировалась на наследие Хауэра

с его «немецким вероисповеданием». Оно не только пережило национал-социализм, но и под видом «Общины немецкой веры» могло беспрепятственно продолжать свою деятельность в ФРГ. Некоторые из ранее существовавших организаций полностью затерялись в рамках возобновленного неоязычества. В качестве примера можно было бы привести «Движение Людендорфа», которое во времена национал-социалистической диктатуры было переименовано в «Союз немецкого познания Бога». После войны возглавляемая Матильдой Людендорф организация являла собой секту, которая базировалась преимущественно в баварском городке Туцинг. В 1951 году против нее была начат судебный процесс, который длился почти десять лет. «Союзу немецкого познания Бога» ставилась в вину приверженность национал-социалистической идеологии. Однако запрет на деятельность этой организации не помешал ей вновь возникнуть в 70-е годы. Численность союза по большому счету никогда не превышала 250 человек, которые поставили перед собой задачу распространять идеи Матильды Людендорф, которая воспринималась ими как основоположница философии познания Бога. Несмотря на все усилия, союз остался маргинальной группировкой, которая никак не определяла настроения в правом и неоязыческом лагере. Гораздо больший успех ожидал тех, кто смог модифицировать собственные представления, поменяв понятийный аппарат и используя терминологию, которая не была связана с национал-социализмом.

Настоящим прибежищем сторонников «германской религиозности» стала так называемая «Немецкая унитарная религиозная община». Эта группировка возникала на базе гессенской «Свободно-протестантской религиозной общины», которая после окончания войны действовала в американской зоне оккупации. В течение некоторого времени в общине возобладали бывшие национал-социалисты, которые в 1950 году переименовали организацию. В данном случае весьма показательным оказалось использование слова Unitarier. На первый взгляд, оно обозначало «унитарный», однако в нем был скрыт корень *arier* – «арийский», а потому могло переводиться как «унитарийский». Эта была игра слов. С одной стороны, власти ничего не могли инкриминировать организации, с другой стороны – все желающие могли увидеть «арийские корни» религиозной общины. В деятельности «унитарийской общины» принимали участие такие видные теоретики «германской религиозности», как Бернхардт Куммер и Герман Вирт. Однако на протяжении долгих лет ведущим идеологом «немецких унитарийцев» была Зигрид Хунке (1913–1999), которая в свое время была ученицей расологов Германа Манделя и

Людвига Фердинанда Клауса. Выдвинув концепцию «протоевропейской унитарной религиозности», она в значительной мере модифицировала национал-социалистические теории, которые были заведомо расистскими.

Интересным кажется то обстоятельство, что в 50-е годы «немецкие унитарийцы», придерживавшиеся точки зрения Бернхардта Куммера, продолжили полемику с Отто Хёфлером. Сам же Хёфлер после 1945 года на суде по денацификации был признан «попутчиком», а потому не был лишен права преподавания. В 1950 году он вновь появился в Мюнхенском университете, где читал лекции о скандинавской культуре. В 1957 году ему поступило предложение занять кафедру германистики в Венском университете, где его идеи получили очень большое распространение. Его ученики предпочитали не обращать внимания на национал-социалистическое прошлое Хёфлера, который пытался весьма осторожно преподносить идеи «мужских союзов» как основы германской государственности. Однако после студенческих волнений 1968 года он был вынужден оставить преподавание в высшей школе.

После войны продолжил свою деятельность и Герман Вирт, являвшийся одним из соучредителей «Наследия предков». Он почитался «немецкими унитарийцами» как «одна из ключевых фигур движения европейского обновления». В 1945 году он был арестован американскими оккупационными властями, которые посчитали его голландскими коллаборационистом. Проведя полтора года в лагере для интернированных лиц, Герман Вирт в 1947 году вышел на свободу. После этого он предпочел перебраться в Швецию, где продолжил свои исследования «культового матриархата». В 1954 году он вернулся обратно в Марбург. Здесь он создал до сих пор действующее «Общество изучения древнего европейского сообщества». Подобно унитарийцам, Вирт предпочел слегка подкорректировать свой глоссарий. Если в Третьем рейхе он говорил о происхождении «нордической расы», то в 50-е годы – всего лишь о «расе предков европейского человечества». Однако большинство его построений остались неизменными. Вирт все так же пытался обосновать идею отказа германцев от «культового матриархата» во времена «великого переселения народов». Расширяя базу своих исследований, Герман Вирт использовал теорию архетипов, предложенную Юнгом, говорил о «диалектическом историческом процессе», ссылаясь на Энгельса с его восприятием матриархата, а также на некоторые теории советских ученых. Очевидно, что Вирт пытался распространить свои идеи не только в правом, но и в некоторых сегментах левого лагеря. Эта тактика оказалась весьма удачной, так как работы Вирта в 70-е годы в Европе пользовались очень большой

популярностью. Вирт даже смог заручиться определенной поддержкой тогдашнего феминистского движения. Он не раз выражал недовольство «идеологически ориентированной на мужчин научной системой», которая предпочитала игнорировать вопросы «особого положения женщин в религиозной, культурной и социальной сфере». Предложенный им «культовый матриархат» являлся не только альтернативой современной религии, но и современному обществу в целом.

Герман Вирт за работой

По большому счету частный вопрос, касавшийся ведьм, был отражением глобальных устремлений к формированию новой религиозности и нового мировосприятия. Это относилось и к кайзеровской Германии, и к Веймарской республике, и к Третьему рейху, и к послевоенному периоду. Суть этих устремлений можно отразить во фразе, принадлежавшей Герману Вирту: «Двух тысяч лет мужской борьбы за власть хватило, чтобы уничтожить создаваемое на протяжении тридцати тысяч лет творение женской гуманности. Сейчас мы стоим на краю пропасти. Земля отравлена и скоро станет непригодной для жизни. Мужчины, охваченные экономическо-промышленным безумием, ведут цивилизацию по пути дальнейшей индустриализации, повышения

производства и роста потребления. Все мужские государства неизбежно погибали в войнах. Скоро предстоит гибель всей Земли. Спасение может прийти только из повторного осознания наших глубинных духовных основ, то есть из вторичного возврата в мирный век матриархата».

Библиография

Behringer, Wolfgang. Der Abwickler der Hexenforschung im Reichssicherheitshauptamt (RSHA): Günther Franz // Himmlers Hexenkartothek: das Interesse des Nationalsozialismus an der Hexenverfolgung. Verlag für Regionalgeschichte, 2000.

Bollmus, Reinhard, Lehnstaedt, Stephan. Das Amt Rosenberg und seine Gegner: Studien zum Machtkampf im nationalsozialistischen Herrschaftssystem. Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2006. 375 S.

Brückner, Wolfgang. Hauptströmungen nationalsozialistischer Volkskunde-Arbeit // Himmlers Hexenkartothek: das Interesse des Nationalsozialismus an der Hexenverfolgung. Verlag für Regionalgeschichte, 2000.

Bruns, Claudia. Politik des Eros: der Männerbund in Wissenschaft, Politik und Jugendkultur (1880–1934). Böhlau Verlag Köln Weimar, 2008. 546 S.

Davies, Peter. Myth, Matriarchy and Modernity: Johann Jacob Bachofen in German Culture, 1860–1945. Walter de Gruyter, 2010. 476 S.

Fest, Joachim C. Das Gesicht des Dritten Reiches: Profile einer totalitären Herrschaft. Piper, 2006. 516 S.

Fründt, Eva. Das Frauenbild im NS-Staat. GRIN Verlag, 2008. 40 S.

Gorsleben, Rudolf John. Hoch-Zeit der Menschheit. Koehler & Amelang, 1930. 689 S.

Graf, Klaus. Eine von Himmler angeregte antikirchliche Kampfschrift Arnold Ruges (1881–1945) über die Hexenprozesse (1936) // Himmlers Hexenkartothek: das Interesse des Nationalsozialismus an der Hexenverfolgung. Verlag für Regionalgeschichte, 2000.

Heinemann, Isabel. «Rasse, Siedlung, deutsches Blut»: das Rasse- und Siedlungshauptamt der SS und die rassenpolitische Neuordnung Europas. Wallstein Verlag, 2003. 697 S.

Hentschel, Willibald. Varuna. Das Gesetz des aufsteigenden und sinkenden Lebens in der Voelkergeschichte. 1924, 552 S.

Hüser, Karl. Wewelsburg 1933 bis 1945: Kult- und Terrorstätte der SS: eine Dokumentation. Schriftenreihe des Kreismuseums Wewelsburg. Verlag Bonifatius-Druckerei, 1987. 465 S.

Kater, Michael H. Das 'Ahnenerbe' der SS 1935–1945: Ein Beitrag zur Kulturpolitik des dritten Reiches. Studien zur Zeitgeschichte. Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2006. 529 S.

Kloth, Hans Michael. Wo die Raben kreisen // «DER SPIEGEL», Hamburg 2/2000–10. Januar 2000

Leisentritt, Stefanie. «Die Vernichtung der weisen Frauen» – Realität oder Fehlinterpretation? GRIN Verlag, 2009. 60 S.

Leszczyńska, Katarzyna. Hexen und Germanen: das Interesse des Nationalsozialismus an der Geschichte der Hexenverfolgung. Transcript Verlag, 2009. 392 S.

List, Guido von. Die Armanenschaft der Ario-Germanen. 1908, 436 S.

Ludendorff, Mathilde. Der ungesuehnte Frevel an Luther, Lessing und Schiller im Dienste des allmaechtigen Baumeisters aller Welten. 1936, 216 S.

Marby, Friedrich. Marby-Runen-Buecherei. 1931, 109 S.

Matthäus, Jürgen. Kameraden im Geiste. Himmlers Hexenforscher im Kontext des nationalsozialistischen Wissenschaftsbetriebs // Himmlers Hexenkartothek: das Interesse des Nationalsozialismus an der Hexenverfolgung. Verlag für Regionalgeschichte, 2000.

Mohler, Armin. Die konservative Revolution in Deutschland 1918–1932: ein Handbuch. Ares, 2005. 641 S.

Rudolph, Jörg. «Geheime Reichskommando-Sache!» – Hexenjäger im Schwarzen Orden. Der H-Sonderauftrag des Reichsführers-SS, 1935–1944 //

Himmlers Hexenkartothek: das Interesse des Nationalsozialismus an der Hexenverfolgung. Verlag für Regionalgeschichte, 2000.

Rummel, Walter. Die Erforschung der sponheimischen und kurtrierischen Hexenprozeßakten durch Mitglieder des <H-Sonderauftrags>. Anspruch und Wirklichkeit // Himmlers Hexenkartothek: das Interesse des Nationalsozialismus an der Hexenverfolgung. Verlag für Regionalgeschichte, 2000.

Russel, Stuart I, Schneider, Jost W. Heinrich Himmlers Burg: das weltanschauliche Zentrum der SS; Bildchronik der SS-Schule Haus Wewelsburg 1934–1945. RVG-Verl.– und Vertriebs GmbH, 1989. 214 S.

Schier, Barbara. «Hexenwahn-Interpretationen im» Dritten Reich» // Himmlers Hexenkartothek: das Interesse des Nationalsozialismus an der Hexenverfolgung. Verlag für Regionalgeschichte, 2000.

Schormann, Gerhard. Wie entstand die Kartothek, und wem war sie bekannt? // Himmlers Hexenkartothek: das Interesse des Nationalsozialismus an der Hexenverfolgung. Verlag für Regionalgeschichte, 2000.

Schulte, Jan E. Die SS, Himmler und die Wewelsburg. Schriftenreihe des Kreismuseums Wewelsburg. Schöningh, 2009, 556 S.

Sebald, Hans. Himmlers Sammlung von Hexenprozessen der frühen Neuzeit. Der Fall des Fürstbistums Bamberg // Himmlers Hexenkartothek: das Interesse des Nationalsozialismus an der Hexenverfolgung. Verlag für Regionalgeschichte, 2000.

Sünner, Rüdiger. Schwarze Sonne: Entfesselung und Missbrauch der Mythen in Nationalsozialismus und rechter Esoterik. Herder Spektrum. Herder, 1999. 256 S.

Wegener, Franz. Heinrich Himmler: deutscher Spiritismus, französischer Okkultismus und der Reichsführer SS. Kulturfoerderverein Ruhrg., 2004. 160 S.

Wegener, Franz. Kelten, Hexen, Holocaust: Menschenopfer in Deutschland. Kulturfoerderverein Ruhrg., 2004. 160 S.

Wiedemann, Felix. Rassenmutter und Rebellin: Hexenbilder in Romantik,

völkischer Bewegung, Neuheidentum und Feminismus. Königshausen & Neumann, 2007. 465 S.

Wippermann, Wolfgang. Rassenwahn und Teufelsglaube. Frank & Timme GmbH, 2005. 155 S.

Wisselinck, Erika. Hexen: warum wir so wenig von ihrer Geschichte erfahren und was davon auch noch falsch ist: Analyse einer Verdrängung. Frauenoffensive, 1987. 130 S.

Залесский Константин. РСХА. М.: ЯУЗА, Эксмо. 2004. 384 с.

Залесский Константин. СС. Охранные отряды НСДАП. М.: ЯУЗА, Эксмо, 200. 656 с.

Фест Иоахим. Гитлер: Биография. Пермь: Культурный центр «Алетейа», 1993. 480 с.

Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. М.: Интербук, 1990, 352 с.

notes

Примечания

H-Sonderkomando, Hexen-Sonderkomando. «Колдовская Зондеркоманда». Здесь и далее использование приставки Х обозначает немецкое слово Hexen – «колдунья, ведьма».

Слово «фёлькише» может использоваться как в качестве прилагательного, например «фёлькише движение», так и в качестве существительного, обозначающего сторонников и активистов этого движения. Пример: «Фёлькише занимались изучением немецкой истории».

Вариация названия Вальпургиевой ночи.

4

Приспособление для формования ткани.

Сейдр (*герм.*) – древнегерманская практика магов витки, родственная шаманизму и подразумевающая трансовые состояния и путешествия по различным сферам реальности, входящим в структуру мирового дерева Иггдрасиля. Практика сейдр противоположна по технике гальдору и часто связана с сексуальными приемами. Этому виду магии Фрейя обучила Одина. Это магический путь тела (в отличие от пути сознания), не имеющий ничего общего с рунами. Сейдр является магической техникой изменения мира (внешнего и внутреннего) согласно воле мага. В сейдре широко используются такие средства, как травы, мази и настойки.

Не путать с одним из создателей «рунической гимнастики» Зигфридом Адольфом Куммером.

В данном случае речь идет прежде всего о работах, доступных широкой общественности, а не о проектах, которые осуществлялись в рамках СС.

В отечественной историографии устоявшимся является перевод – «дикая охота».

Подразумеваются служебные командировки, в которых постоянно пребывал Эрнст Меркель.